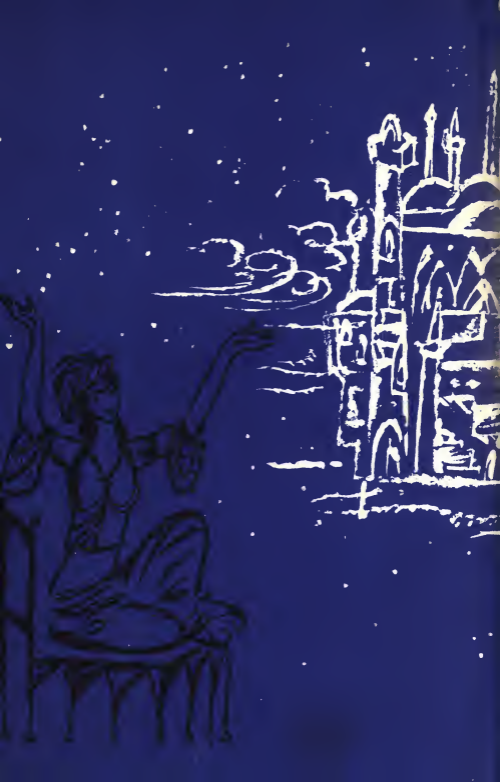

Тысяча и одна ночь

Издательство

„Детская литература“

Школьная библиотека для нерусских школ

Москва «ДЕТСКАЯ ЛИТЕРАТУРА» 1976

Арабские сказки

ИФ (Араб)
Т 93

ПЕРЕИЗДАНИЕ

Пересказал с арабского
М. САЛЪЕ

Художник
Г. ЕПИШИН

Т 70802—043
М101(03)76 477—75

© Иллюстрация с изменениями.
ИЗДАТЕЛЬСТВО «ДЕТСКАЯ ЛИТЕРАТУРА», 1976 г.

Вступление

Жил-был когда-то злой и жестокий царь Шахрияр. Он каждый день брал себе новую жену, а наутро убивал её. Отцы и матери прятали от царя Шахрияра своих

дочерей и убежали с ними в другие земли. Скоро во всём городе осталась только одна девушка — дочь визиря, главного советника царя, — Шахразáда.

Грустный ушёл визирь из царского дворца и вернулся к себе домой, горько плача. Шахразáда увидела, что он чем-то огорчён, и спросила:

— О батюшка, какое у тебя горе? Может быть, я могу помочь тебе?

Долго не хотел визирь открыть Шахразáде причину своего горя, но наконец рассказал ей всё. Выслушав своего отца, Шахразáда подумала и сказала:

— Не горюй! Отведи меня завтра утром к Шахрияру и не беспокойся — я останусь жива и невредима. А если удастся то, что я задумала, я спасу не только себя, но и всех девушек, которых царь Шахрияр не успел ещё убить.

Сколько ни упрáшивал визирь Шахразáду, она стояла на своём, и ему пришлось согласиться.

А у Шахразáды была маленькая сестра — Дуньязáда. Шахразáда пошла к ней и сказала:

— Когда меня приведут к царю, я попрошу у него позволения послать за тобой, чтобы нам в последний раз побыть вместе. А ты, когда придёшь и увидишь, что царю скучно, скажи: «О сестрица, расскажи нам сказку, чтобы царю стало веселей». И я расскажу вам сказку. В этом и будет наше спасение.

А Шахразáда была девушка умная и образованная. Она прочитала много древних книг, сказаний и повестей. И не было во всём мире человека, который знал бы больше сказок, чем Шахразáда, дочь визиря царя Шахрияра.

На другой день визирь отвёл Шахразáду во дворец и простился с ней, обливаясь слезами. Он не надеялся больше увидеть её живой.

Шахразáду привели к царю, и они поужинали вместе, а потом Шахразáда вдруг начала горько плакать.

— Что с тобой? — спросил её царь.

— О царь, — сказала Шахразáда, — у меня есть

мáленькая сестрá. Я хочú посмотри́ть на неё ещё раз перед смёртью. Позво́ль мне послáть за ней, и пусть она́ посиди́т с на́ми.

— Дéлай как зна́ешь, — сказа́л царь и велéл привести́ Дуньязáду.

Дуньязáда пришлá и сéла на поду́шку вóзле сестры́. Она́ ужé зна́ла, что задумáла Шахразáда, но ей всё-таки бýло óчень стра́шно.

А царь Шахрийр по ночáм не мог спать. Когда́ наступила́ пóлночь, Дуньязáда замети́ла, что царь не мо́жет засну́ть, и сказа́ла Шахразáде:

— О сестри́ца, расскажи́ нам скáзку. Мо́жет быть, нáшему царю́ стáнет веселéй и ночь пока́жется ему́ не тако́й дли́нной.

— Охóтно, е́сли царь прика́жет мне, — сказа́ла Шахразáда.

Царь сказа́л:

— Расскáзывай, да смотри́, что́бы скáзка была́ интересная́.

И Шахразáда началá рассказывать. Царь до того́ заслу́шался, что не замети́л, как стáло светáть. А Шахразáда как раз дошлá до сáмого интересного́ мéста. Увидев, что всхóдит сóлнце, она́ замолчáла, и Дуньязáда спросила́ её:

— Ну, а дáльше что бýло, сестри́ца?

— Дáльше я расскажу́ вам вéчером, е́сли то́лько царь не велит́ меня́ казнит́ь, — сказа́ла Шахразáда.

Царю́ óчень хотéлось услы́шать продолжéние скáзки, и он подумáл: «Пусть доскáжет вéчером, а зáвтра я её казни́ю».

Утром визи́рь пришёл к царю́ ни живóй ни мёртвый от стра́ха. Шахразáда встрéтила его́, весёлая и дово́льная, и сказа́ла:

— Видишь, отéц, наш царь пощади́л меня́. Я началá рассказывать ему́ скáзку, и она́ так понрáвилась царю́, что он позво́лил мне доскáзать её сегóдня вéчером.

Обра́дованный визи́рь вошёл к царю́, и они́ стáли

заниматься делами государства. Но царь был рассеян — он не мог дожидаться вечера, чтобы дослушать сказку.

Как только стемнело, он позвал Шахразáду и велел ей рассказывать дальше. В полночь она кончила сказку.

Царь вздохнул и сказал:

— Жалко, что уже конец. Ведь до утра ещё долго.

— О царь, — сказала Шахразáда, — куда годится эта сказка в сравнении с той, которую я бы рассказала тебе, если бы ты мне позволил!

— Рассказывай скорей! — воскликнул царь, и Шахразáда начала новую сказку.

А когда наступило утро, она опять остановилась на самом интересном месте.

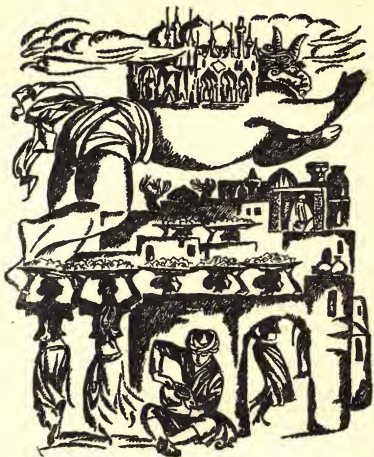
Царь уже и не думал казнить Шахразáду. Ему не терпелось дослушать сказку до конца.

Так было и на другую, и на третью ночь. Тысячу ночей, почти три года, рассказывала Шахразáда царю Шахрияру свои чудесные сказки. А когда наступила тысяча первая ночь и она окончила последний рассказ, царь сказал ей:

— О Шахразáда, я привык к тебе и не казню тебя, хотя бы ты не знала больше ни одной сказки. Не надо мне новых жён, ни одна девушка на свете не сравнится с тобой.

*

Так рассказывает арабская легенда о том, откуда взялись чудесные сказки «Тысячи и одной ночи».

Аладдин и волшебная лампа

В одном персидском городе жил бедный портной Хасан. У него были жена и сын по имени Аладдин. Когда Аладдину исполнилось десять лет, отец его сказал:

— Пусть мой сын будет портным, как я, — и начал учить Аладдина своему ремеслу.

Но Аладдин не хотел ничему учиться. Как только отец выходил из лавки, Аладдин убежал на улицу играть с мальчишками. С утра до вечера они бегали по городу, гоняли воробьев или забирались в чужие сады и набивали себе животы виноградом и персиками.

Портной и уговаривал сына, и наказывал, но всё без толку. Скоро Хасан заболел с горя и умер. Тогда его жена продала всё, что после него осталось, и стала прядь хлопок и продавать пряжу, чтобы прокормить себя и сына.

Так прошло много времени. Аладдину исполнилось пятнадцать лет. И вот однажды, когда он играл на улице с мальчишками, к ним подошел человек в красном шелковом халате и большой белой чалме. Он посмотрел на Аладдина и сказал про себя: «Вот тот мальчик, которого я ищу. Наконец-то я нашел его!»

Этот человек был магрибинец — житель Магриба¹. Он подозвал одного из мальчиков и расспросил его, кто такой Аладдин, где живёт. А потом он подошел к Аладдину и сказал:

— Не ты ли сын Хасана, портного?

— Я, — ответил Аладдин. — Но только мой отец давно умер.

Услышав это, магрибинец обнял Аладдина и стал громко плакать.

— Знай, Аладдин, я твой дядя, — сказал он. — Я долго пробыл в чужих землях и давно не видел моего брата. Теперь я пришел в ваш город, чтобы повидать Хасана, а он умер! Я сразу узнал тебя, потому что ты похож на отца.

Потом магрибинец дал Аладдину два золотых и сказал:

— Отдай эти деньги матери. Скажи ей, что твой

---

¹ Магриб — по-арабски «запад». Западом арабы называли западную часть Африки.

дядя вернётся и завтра придёт к вам ужинать. Пусть она приготовит хороший ужин.

Аладдин побежал к матери и рассказал ей всё.

— Ты что, смеёшься надо мной?! — сказала ему мать. — Ведь у твоего отца не было брата. Откуда же у тебя вдруг взялся дядя?

— Как это ты говоришь, что у меня нет дяди! — закричал Аладдин. — Он дал мне эти два золотых. Завтра он придёт к нам ужинать!

На другой день мать Аладдина приготовила хороший ужин. Аладдин с утра сидел дома, ожидал дядю. Вечером в ворота постучали. Аладдин бросился открывать. Вошёл магрибинец, а за ним слуга, который нес на голове большое блюдо со всякими сладостями. Войдя в дом, магрибинец поздоровался с матерью Аладдина и сказал:

— Прошу тебя, покажи мне место, где сидел за ужином мой брат.

— Вот здесь, — сказала мать Аладдина.

Магрибинец принялся громко плакать. Но скоро он успокоился и сказал:

— Не удивляйся, что ты меня никогда не видела. Я уехал отсюда сорок лет назад. Я был в Индии, в арабских землях и в Египте. Я путешествовал тридцать лет. Наконец мне захотелось вернуться на родину, и я сказал самому себе: «У тебя есть брат. Он, может быть, беден, а ты до сих пор ничем не помог ему! Поезжай к своему брату и посмотри, как он живёт». Я ехал много дней и ночей и наконец нашёл вас. И вот я вижу, что хотя мой брат и умер, но после него остался сын, который будет зарабатывать ремеслом, как его отец.

— Как бы не так! — сказала мать Аладдина. — Я никогда не видела такого бездельника, как этот скверный мальчишка. Хотя бы ты заставил его помогать матери!

— Не горюй, — ответил магрибинец. — Завтра мы с Аладдином пойдём на рынок, я куплю ему кра-

сивый халат и отдам его в учёнье к купцу. А когда он научится торговать, я открою для него лавку, он сам станет купцом и разбогатеет... Хочешь быть купцом, Аладдин?

Аладдин весь покраснел от радости и кивнул головой.

Когда магрибинец ушёл домой, Аладдин сразу лёг спать, чтобы скорее пришло утро. Едва рассвело, он вскочил с постели и выбежал за ворота встречать дядю. Магрибинец вскоре пришёл. Прежде всего они с Аладдином отправились в баню. Там Аладдина хорошо вымыли, обрили ему голову и напоили розовой водой с сахаром. После этого магрибинец повёл Аладдина в лавку, и Аладдин выбрал себе самую дорогую и красивую одежду: жёлтый шелковый халат с зелёными полосами, красную шапку и высокие сапоги.

Они с магрибинцем обошли весь рынок, а потом пошли за город, в лес. Был уже полдень, а Аладдин с утра ничего не ел. Он очень проголодался и устал, но ему было стыдно признаться в этом.

Наконец он не выдержал и спросил своего дядю:

— Дядя, а когда мы будем обедать? Здесь ведь нет ни одной лавки, а ты ничего не взял с собой из города. У тебя в руках только один пустой мешок.

— Видишь вон там, впереди, высокую гору? — сказал магрибинец. — Я хотел отдохнуть и закусить под этой горой. Но если ты очень голоден, можно пообедать и здесь.

— Откуда же ты возьмёшь обед? — удивился Аладдин.

— Увидишь, — сказал магрибинец.

Они уселись под высоким густым деревом, и магрибинец спросил Аладдина:

— Чего бы тебе хотелось сейчас поесть?

Мать Аладдина каждый день варила к обеду одно и то же блюдо — бобы с конопляным маслом. Аладдину так хотелось есть, что он сразу ответил:

— Дай мне варёных бобов с маслом!

— А не хочешь ли ты жареных цыплят? — спросил магрибинец.

— Хочу! — обрадовался Аладдин.

— Не хочется ли тебе риса с мёдом? — продолжал магрибинец.

— Хочется! — закричал Аладдин. — Всего хочется! Но откуда ты возьмёшь всё это, дядя?

— Из этого мешка, — сказал магрибинец и развязал мешок.

Аладдин с любопытством заглянул в мешок, но там ничего не было.

— Где же цыплята? — спросил Аладдин.

— Вот! — сказал магрибинец. Он засунул руку в мешок и вынул оттуда блюдо с жареными цыплятами. — А вот и рис с мёдом, и варёные бобы, вот и виноград, и гранаты, и яблоки!

Магрибинец стал вынимать из мешка одно кушанье за другим, а Аладдин, широко раскрыв глаза, смотрел на волшебный мешок.

— Ешь, — сказал магрибинец Аладдину. — В этом мешке есть всякие кушанья. Опусть в него руку и скажи: «Хочу баранины, халвы, фиников», и всё это у тебя будет.

— Вот так чудо! — сказал Аладдин. — Хорошо бы моей матери иметь такой мешок!

— Если будешь меня слушаться, — сказал магрибинец, — я подарю тебе много хороших вещей. А теперь выпьем гранатового сока с сахаром и пойдём дальше.

— Куда? — спросил Аладдин. — Я устал, и уже поздно. Пора домой.

— Нет, — сказал магрибинец, — нам нужно дойти сегодня вон до той горы. А когда мы вернёмся домой, я подарю тебе этот волшебный мешок.

Аладдину очень не хотелось идти, но, услышав про мешок, он тяжело вздохнул и сказал:

— Хорошо, идём.

Магрибинец взял Аладдина за руку и повёл к горе. Солнце уже закатилось, и было почти темно. Они шли очень долго и наконец пришли к подножию горы. Аладдину было страшно, он чуть не плакал.

— Набери тонких и сухих сучьев, — сказал магрибинец. — Надо развести костёр. Когда он разгорится, я покажу тебе что-то такое, чего никто никогда не видел.

Аладдину очень захотелось увидеть то, чего никто никогда не видел. Он забыл про усталость и пошёл собирать хворост. Когда костёр разгорелся, магрибинец вынул из-за пазухи коробочку и две дощечки и сказал:

— О Аладдин, я хочу сделать тебя богатым и помочь тебе и твоёй матери. Исполни же всё, что я тебе скажу.

Он раскрыв коробочку и высыпал из неё в огонь какой-то порошок. И сейчас же из костра поднялись к небу огромные столбы пламени — жёлтые, красные и зелёные.

— Слушай внимательно, Аладдин, — сказал магрибинец. — Сейчас я начну читать над огнём заклинания, а когда я кончу, земля предо мной расступится, и ты увидишь большой камень с медным кольцом. Возьми за кольцо и подними камень. Под камнем будет лестница, которая ведёт в подземелье. Спустись по ней и увидишь дверь. Открой эту дверь и иди вперёд. Ты встретишь страшных зверей и чудовищ, но не бойся: как только ты дотронешься до них рукой, чудовища упадут мёртвыми. Ты пройдёшь три комнаты, а в четвертой увидишь старуху. Она ласково заговорит с тобой и захочет тебя обнять. Не позволяй ей до себя дотронуться, иначе ты превратишься в чёрный камень. За четвертой комнатой ты увидишь большой сад. Пройди его и открой дверь на другом конце сада. За этой дверью будет большая комната, полная золота и драгоценных камней. Возьми оттуда всё, что хочешь, а мне принеси только старую медную лампу,

которая висит на стене, в правом углу. Когда ты принесёшь мне лампу, я подарю тебе волшебный мешок. А на обратном пути тебя будет охранять от всех бед вот это кольцо.

И он надел на палец Аладдину маленькое блестящее колечко.

Услышав о страшных зверях и чудовищах, Аладдин очень испугался.

— Дядя, — спросил он магрибинца, — почему ты сам не хочешь спуститься под землю? Иди сам за своей лампой, а меня отведи домой.

— Нет, нет, Аладдин, — сказал магрибинец, — никто, кроме тебя, не может пройти в сокровищницу. Клад лежит под землёй уже много сотен лет, и останется он только мальчику по имени Аладдин, сыну портного Хасана. Слушайся меня, а не то тебе будет плохо!

Аладдин испугался ещё больше и сказал:

— Ну хорошо, я принесу тебе лампу, но только смотри подарь мне мешок!

— Подарю! Подарю! — закричал магрибинец.

Он подбросил в огонь ещё порошок и начал читать заклинания. Он читал всё громче и громче, и когда наконец выкрикнул последнее слово, раздался оглушительный грохот и земля расступилась перед ними.

— Поднимай камни! — закричал магрибинец страшным голосом.

Аладдин увидел у своих ног большой камень с медным кольцом. Он обеими руками ухватился за кольцо, потянул к себе камень и легко поднял его. Под камнем была большая круглая яма, а в глубине её виднелась узкая лестница. Аладдин сел на край ямы и прыгнул на первую ступеньку лестницы.

— Ну, иди и возвращайся скорее! — крикнул магрибинец.

Аладдин быстро пошёл вниз. Чем ниже он спускался, тем темнее становилось вокруг, но он, не останавливаясь, шёл вперёд.

Дойдя до послѣдней ступѣнки, Аладдін увидѣл широкую желѣзную дверь. Толкнув её, он вошёл в большую полутѣмную комнату и вдруг увидѣл посрединѣ комнаты страннаго негра в тигровой шкурѣ. Негр молча бросился на Аладдина, но Аладдін дотронулся до него рукой, и он упал на землю мёртвым.

Аладдину было очень страшно, но он пошёл дальше. Он толкнул вторую дверь и невольно отскочил: перед ним стоял огромный лев с оскаленной пастью. Лев припал всем телом к землѣ и прыгнул прямо на Аладдина. Но едва его передняя лапа задѣла голову мальчика, как лев упал на землю мёртвым.

Аладдін от испуга весь вспотѣл, но всё-таки пошёл дальше. Он открыл третью дверь и услышал страшное шипѣние: посреди комнаты, свернувшись клубком, лежали две огромные змеи. Он подняли головы и, высунув длинные жаала, медленно поползли к Аладдину. Но как только змеи коснулись руки Аладдина своими жаалами, их сверкающие глаза потухли и они растянулись на землѣ мёртвыми.

Дойдя до четвертой двери, Аладдін осторожно приоткрыл её. Он просунул в дверь голову и увидѣл, что в комнате нет никого, кроме маленькой старушки, с головы до ног закутанной в покрывало. Увидев Аладдина, она бросилась к нему и закричала:

— Наконец-то ты пришёл, Аладдін, мой мальчик! Как долго я ждала тебя в этом тѣмном подземелье!

Аладдін протянул к ней руки: ему показало, что это его мать. Он хотѣл уже обнять её, но вовремя вспомнил, что если он до неё дотронется, то превратится в чёрный камень. Он отскочил назад и захлопнул за собой дверь. Подождав немного, он снова приоткрыл её и увидѣл, что в комнате уже никого нет.

Аладдін прошёл через эту комнату и открыл пятую дверь. Перед ним был прекрасный сад с густыми деревьями и душистыми цветами. На деревьях громко щебетали маленькие пестрые птички. Он не моглі далеко улетѣть — им мешала тонкая золотая сѣтка,

протянутая над садом. Все дорожки были усыпаны круглыми сверкающими камешками.

Аладдин бросился собирать камешки. Он зашивал их за пояс, за пазуху, в шапку. Он очень любил играть в камешки с мальчишками.

Камни так понравились Аладдину, что он чуть не забыл про лампу. Но когда камни некуда было больше класть, он вспомнил про неё и пошёл в сокровищницу. Это была последняя комната в подземелье, самая большая. Там лежали кучи золота, серебра и драгоценностей. Но Аладдин даже не посмотрел на них: он не знал цены золоту и дорогим вещам. Он взял только лампу и засунул её в карман. Затем он пошёл обратно к выходу и с трудом взобрался вверх по лестнице. Дойдя до последней ступеньки, он крикнул:

— Дядя, протяни мне руку и возьми мою шапку с камешками, а потом вытщи меня навёрх: мне самому не выбраться!

— Дай мне сначала лампу! — сказал магрибинец.

— Я не могу её достать, она под камнями, — ответил Аладдин. — Помогй мне выйти, и я дам тебе её.

Но магрибинец не хотел помочь Аладдину. Он хотел получить лампу, а потом бросить Аладдина в подземелье, чтобы никто не узнал хода в сокровищницу. Он начал упрямить Аладдина, но Аладдин ни за что не соглашался отдать ему лампу. Он боялся растерять камешки в темноте и хотел скорее выбраться на землю.

Когда магрибинец увидел, что Аладдин не хочет отдать ему лампу, он страшно рассердился и закричал:

— Ах, так ты не отдашь мне лампу? Оставайся в подземелье и умри с голоду!

Он бросил в огонь остаток порошка из коробочки, произнёс какие-то слова — и вдруг камень сам закрыл отверстие, и земля сомкнулась над Аладдином.

Этот магрибинец был вовсе не дядя Аладдина: он был злой волшебник и хитрый колдун. Он узнал, что

в Персии лежит под землёй клад и открыть этот клад может только мальчик Аладдин, сын портного Хасана. Самое лучшее из всех сокровищ клада — это волшебная лампа. Она даёт тому, кто возьмёт её в руки, такое могущество и богатство, какого нет ни у одного царя.

Долго колдовал магрибинец, пока не узнал, где живёт Аладдин, и не нашёл его.

И вот теперь, когда лампа так близко, этот скверный мальчишка не хочет отдать её! А ведь если он выйдет на землю, он может привести сюда других людей, которые тоже захотят завладеть кладом.

Пусть же клад не достанется никому! Пусть погибнет Аладдин в подземелье! И магрибинец ушёл обратно в свою волшебную страну Ифрикию.

Когда земля сомкнулась над Аладдином, он громко заплакал и закричал:

— Дядя, помоги мне! Дядя, выведи меня отсюда, я здесь умру!

Но никто его не слышал и не ответил ему. Аладдин понял, что этот человек, который называл себя его дядей, — обманщик и лгун. Он побежал вниз по лестнице, чтобы посмотреть, нет ли другого выхода из подземелья, но все двери сразу исчезли, и выход в сад тоже был закрыт.

Аладдин сел на ступеньки лестницы, опустил голову на руки и заплакал.

Но как только он случайно коснулся лбом кольца, которое магрибинец надел ему на палец, когда спускал его в подземелье, земля задрожала, и перед Аладдином появился страшный джинн огромного роста. Голова его была как купол, руки — как вилы, ноги — как столбы, а рот — как пещера. Глаза его метали искры, а посреди лба торчал громадный рог.

— Чего ты хочешь? — спросил джинн громовым голосом. — Требуешь — получишь!

— Кто ты? Кто ты? — закричал Аладдин, за-

кыва́я себе́ лицó рука́ми, что́бы не ви́деть стра́шного джи́нна. — Пожа́ди́ меня́, не убива́й меня́!

— Я Дахна́ш, глава́ всех джи́ннов, — отве́тил джи́нн. — Я раб ко́льца и раб то́го, кто владе́ет ко́льцо́м. Я испо́лню всё, что прика́жет мой госпо́дин.

Аладди́н вспо́мнил о ко́льце́, кото́рое должно́ бы́ло его́ защи́тить, и сказа́л:

— Подними́ меня́ на пове́рхность земл́и.

Не успе́л он догово́рить э́ти слова́, как очу́тился наверху́, о́коло вхо́да в подземелье́.

Уже́ наста́л день, и со́лнце я́рко свети́ло. Со всех ног побежа́л Аладди́н в свой го́род. Когда́ он воше́л в дом, его́ мать сидела́ посре́ди ко́мнаты и го́рько пла́кала. Она́ ду́мала, что её сы́на уже́ нет в живы́х. Едва́ Аладди́н захло́пнул за собо́й дверь, как упáл без чувств от го́лода и уста́лости. Мать побрызгала ему́ в лицó водо́й, а когда́ он очну́лся, спросила́:

— Где ты пропа́дал и что с тобо́й случи́лось? Где твой дядя́ и почему́ ты верну́лся без него́?

— Э́то во́все не мой дядя́, э́то злой колду́н, — сказа́л Аладди́н сла́бым го́лосом. — Я всё расскажу́ тебе́, ма́тушка, но то́лько сперва́ дай мне пое́сть.

Мать накорми́ла Аладди́на варёными боба́ми — да́же хлэ́ба у неё не́ было! — и пото́м сказа́ла:

— А тепе́рь расскажи́ мне, что с тобо́й случи́лось.

— Я был в подземелье́ и нашёл там чуде́сные ка́мни, — сказа́л Аладди́н и рассказа́л ма́тери всё, что с ним бы́ло.

Пото́м он загляну́л в ми́ску, где бы́ли бобы́, и спроси́л:

— Нет ли у тебя́ ещё́ чего́-нибудь пое́сть, ма́тушка?

— Нет у меня́ ниче́го, дитя́ моё́. Ты съел всё, что я свари́ла и на се́годня и на за́втра. Я так беспоко́илась о тебе́, что совсе́м не могла́ раба́тывать, и у меня́ нет пря́жи, что́бы прода́ть её на ры́нке.

— Не горю́й, ма́тушка, — сказа́л Аладди́н. — У меня́ есть ла́мпа, кото́рую я взял в подземелье́. Пра́вда, она́ ста́рая, но её все́-таки мо́жно прода́ть.

Он вынул лампу и подал её матери. Мать взяла её, осмотрела и сказала:

— Пойдú почищу её и снесú на рынок. Мóжет быть, за неё дадут стóлько, что нам хвátит на у́жин.

Она взяла тряпку и кусок мела и вышла во двор. Но как тóлько она началá тереть лампу тряпкой, земля вдруг задрожáла и появил́ся ужáсный джинн.

Мать Аладдина закричала и упала без пámяти. Аладдин услышал крик. Он выбежал во двор и уви́дел, что мать лежит на землe, лампа валяется с ней рядом, а посреди двора́ стоит джинн тaкóго огрóмного рóста, что головы́ его́ не ви́дно, а туловище заслоняет собо́й солнце.

Как тóлько Аладдин по́днял лампу, раздался громовой гóлос джинна:

— О владыка лампы, я к твоим услúгам! Прика́зывай — получишь!

Аладдин уже начал привыкáть к джиннам и не сли́шком испугáлся. Он по́днял гóлову и крикнул как мóжно грóмче, чтóбы джинн его́ услышал:

— Кто ты, о джинн, и что ты мóжешь дeлать?

— Я Маймун Шахмураша! Я раб лампы и раб тóго, кто владеет лампой, — отвeтил джинн. — Трeбуй от меня́ чeго́ хочeшь. Если тебе́ угоднo, чтóбы я разрушил гóрод или построил дворец,— прика́зывай!

Когда он заговорил, мать Аладдина пришла́ в себя́. Увидя джинна, она́ снова закричала от ужаса. Но Аладдин пристáвил руку́ ко рту и крикнул:

— Принеси́ мне две жареные ку́рицы да ещё что-нибудь хорóшее и потóм убирайся, а то моя́ мать тебá боится!

Джинн исчeз и скóро принeс стол, покpытый пре-красной скáтертью. На нём стояло двена́дцать золотых блю́д со всевозмóжными вку́сными ку́шаньями и два кувши́на с водо́й.

Аладдин с матерью́ начали есть и eли, покá не насы́тились.

— О ма́тушка, — сказа́л Аладдин, когда они́ по-

ели, — эту лампу надо беречь и никому не показывать. Она принесёт нам счастье и богатство.

— Делай как знаешь, — сказала мать, — но только я не хочу больше видеть этого страшного джинна.

Через несколько дней Аладдина с матерью опять стало нечего есть. Тогда Аладдин взял золотое блюдо, пошёл на рынок и продал его за сто золотых. С этих пор Аладдин каждый месяц ходил на рынок и продавал по одному блюду. Он узнал цену дорогим вещам и понял, что каждый камешек, который он добрал в подземном саду, стоит дороже, чем любой драгоценный камень, какой можно найти на земле.

Однажды утром, когда Аладдин был на рынке, вышел на площадь глашатай¹ и кричал:

— Заприте лавки и войдите в дома! Пусть никто не смотрит из окон! Сейчас царевна Будур, дочь султана, пойдёт в баню, и никто не должен видеть её!

Купцы бросились запира́ть лавки, а народ, толкаясь, побежал с площади.

Аладдину очень захотелось поглядеть на царевну. Все в городе говорили, что красивее её нет девушки на свете. Аладдин быстро прошёл в баню и спрятался за дверью так, что никто не мог его увидеть.

Вся площадь вдруг опустела. Скоро вдали показалась толпа девушек на серых мулах под золотыми седлами. А посреди них медленно ехала девушка, одетая пышнее и наряднее всех других и самая красивая. Это и была царевна Будур.

Она слезла с мула и, пройдя в двух шагах от Аладдина, вошла в баню. А Аладдин побрёл домой, тяжко вздыхая. Он не мог забыть о красоте царевны Будур.

«Правду говорят, что она красивее всех девушек, — думал он. — Если я не женюсь на ней, я умру».

¹ Глашатай — в старину человек, объявляющий народу официальные известия, приказы.

Придя домой, он бросился в постель и пролежал до вечера. Когда мать спрашивала его, что с ним, он только махал на неё рукой. Наконец она так пристала к нему, что он не выдержал и сказал:

— О матушка, я хочу жениться на царевне Будур! Пойди к султану и попроси его выдать Будур за меня замуж.

— Что ты говоришь! — воскликнула старуха. — Тебе, наверно, напекло солнцем голову! Разве слыхано, чтобы сыновья портных женились на дочерях султанов? Поужинай лучше и усни. Завтра ты и думать не станешь о таких вещах.

— Не хочу ужинать! Хочу жениться на царевне Будур! — закричал Аладдин. — Пожалуйста, матушка, пойди к султану и посватай меня!

— Я ещё не сошла с ума, чтобы идти к султану с такой просьбой, — сказала мать Аладдина.

Но Аладдин упрашивал её до тех пор, пока она не согласилась.

— Ну хорошо, сынок, я пойду, — сказала она. — Но ты ведь знаешь, что к султану не приходят с пустыми руками. А что я могу ему принести хорошего?

Аладдин вскочил с постели и весело крикнул:

— Не беспокойся об этом, матушка! Возьми одно из золотых блюд и наполни его драгоценными камнями, которые я принёс из подземного сада. Это будет хороший подарок султану. У него, наверно, нет таких камней, как мой.

Аладдин схватил самое большое блюдо и доверху наполнил его драгоценными камнями. Его мать взглянула на них и закрыла глаза рукой: так ярко сверкали эти камни.

— С таким подарком, пожалуй, не стыдно идти к султану, — сказала она. — Не знаю только, повернется ли у меня язык сказать то, о чём ты просишь. Но я наберусь смелости и попробую.

— Попробуй, матушка, — сказал Аладдин. — Иди поскорее!

Мать Аладдина покрывала блюдо тонким шелковым платком и пошла ко дворцу султана.

«Как я буду говорить с султаном о таком деле? — думала она. — Кто мы такие, чтобы свататься к дочери султана? Я простая женщина, а мой муж был бедняком, и вдруг Аладдин хочет стать зятем великого султана! Нет, не хватит у меня смелости просить об этом. Конечно, султану, может быть, и понравятся наши драгоценные камни, но у него их, наверно, и так много. Хорошо, если меня только поколотят и выгонят из дивана¹. Лишь бы не засадили в подземелье».

Так она говорила про себя, направляясь в диван султана по улицам города. Прохожие с удивлением смотрели на старуху в дырявом платье, которую никто до сих пор не видел около дворца султана. Мальчишки прыгали вокруг и дразнили её, но старуха ни на кого не обращала внимания.

Она была так бедно одета, что привратники у ворот дворца попробовали даже не пустить её в диван. Но старуха сунула им монету и проскользнула во двор.

Скоро она пришла в диван и стала в самом дальнем углу. Было ещё рано, и в диване никого не было. Но понемногу он наполнился вельможами и знатными людьми в пестрых халатах. Султан пришёл позже всех, окружённый неграми с мечами в руках. Он сел на трон и начал разбирать дела и принимать жалобы. Самый высокий раб стоял с ним рядом и отгонял от него мух большим павлиньим пером.

Когда все дела были кончены, султан махнул платком — это означало: «Конёц!» — и ушёл, опираясь на плечи негров.

А мать Аладдина вернулась домой, так и не сказав султану ни слова.

На другой день она опять пошла в диван и сно-

---

¹ Диван — собрание советников султана. Так же называется комната, в которой происходят эти собрания.

ва ушла́, ниче́го не сказа́в султа́ну. Она́ пошла́ и на сле́дующий день — и ско́ро приви́кла ка́ждый день ходи́ть в дива́н.

Наконе́ц султа́н заме́тил её и спроси́л свое́го визи́ря:

— Кто э́та ста́рая же́нщина и заче́м она́ приходи́т сюда́? Спроси́, что ей ну́жно, и я испо́лню её про́сьбу.

Визи́рь подоше́л к ма́тери Аладди́на и кри́кнул:

— Э́й, стару́ха, подойди́ сюда́! Если у тебя́ есть кака́я-нибу́дь про́сьба, султа́н её испо́лнит.

Ма́ть Аладди́на задрожáла от стра́ха и чуть не вы́ронила из рук блю́до. Визи́рь подвёл её к султа́ну, и она́ ни́зко поклони́лась ему́, а султа́н спроси́л её:

— Почему́ ты ка́ждый день приходи́шь сюда́ и ниче́го не говори́шь? Скажи́, что тебе́ ну́жно?

Ма́ть Аладди́на ещё́ раз поклони́лась и сказа́ла:

— О влады́ка султа́н! Мой сын Аладди́н шлёт тебе́ в подáрок э́ти ка́мни и про́сит тебя́ отда́ть ему́ в же́ны твою́ дочь, царевну Буду́р.

Она́ сде́рнула с блю́да плато́к, и весь дива́н освети́лся — так засверка́ли ка́мни.

— О визи́рь! — сказа́л султа́н. — Ви́дел ли ты когда́-нибу́дь такие́ ка́мни?

— Нет, о влады́ка султа́н, не ви́дал, — отвеча́л визи́рь.

Султа́н о́чень люби́л драгоценности́, но у него́ не́ было ни одно́го ка́мня, подо́бного тем, кото́рые при́сла́л ему́ Аладди́н.

Султа́н сказа́л:

— Я ду́маю, что челове́к, у кото́рого есть такие́ ка́мни, мо́жет быть му́жем моёй до́чери. Как ты ду́маешь, визи́рь?

Когда́ визи́рь услы́шал э́ти слова́, он позави́довал Аладди́ну вели́кой за́вистью: у него́ был сын, кото́рого он хоте́л жени́ть на царевне Буду́р, и султа́н уже́ обеща́л ему́ вы́дать Буду́р за́муж за его́ сына́.

— О влады́ка султа́н, — сказа́л визи́рь, — не

слéдует отдава́ть царёвну за челове́ка, кото́рого ты да́же не зна́ешь. Мо́жет быть, у него́ ниче́го нет, кро́ме э́тих каме́ней. Пусть он подáрит тебе́ ещё́ со́рок та́ких же блю́д, напо́лненных драгоце́нными каме́нями, и со́рок нево́льниц, что́бы нести́ э́ти блю́да, и со́рок рабо́в, что́бы их охра́нять. Тогда́ мы узна́ем, бога́т он и́ли нет.

А про себя́ визи́рь подумал: «Невозмо́жно, что́бы кто́-нибудь мог всё э́то добы́ть! Аладди́н бу́дет бесси́лен э́то сде́лать, и султа́н не отда́ст за него́ свою́ дочь».

— Ты хорошо́ придумал, визи́рь! — закрича́л султа́н и сказа́л ма́тери Аладди́на: — Ты слы́шала, что говори́т визи́рь? Иди́ и переда́й твоему́ сы́ну: е́сли он хо́чет жени́ться на моёй до́чери, пусть присы́лает со́рок золоти́х блю́д с та́кими же каме́нями, со́рок нево́льниц и со́рок рабо́в.

Ма́ть Аладди́на поклони́лась и верну́лась домо́й.

Уви́дя, что у ма́тери нет в рука́х блю́да, Аладди́н сказа́л:

— О ма́тушка, я ви́жу, ты се́годня говори́ла с султа́ном. Что же он отве́тил тебе́?

— Ах, дитя́ моё, лу́чше бы мне не ходи́ть к султа́ну и не говори́ть с ним! — отве́тила стару́ха. — Послу́шай то́лько, что он мне сказа́л...

И она́ передала́ Аладди́ну слова́ султа́на. Но Аладди́н засмея́лся от ра́дости и восклицнул:

— Успоко́йся, ма́тушка, э́то са́мое лёгкое де́ло!

Он взял ла́мпу и потёр её. Когда́ ма́ть уви́дела э́то, она́ бего́м броси́лась в кúхню, что́бы не ви́деть джи́нна. А джи́нн то́тчас появи́лся и сказа́л:

— О господи́н, я к твои́м услу́гам. Чего́ ты хо́чешь? Требу́й — получи́шь!

— Мне ну́жно со́рок золоти́х блю́д, по́льных драгоце́нных каме́ней, со́рок нево́льниц, что́бы нести́ э́ти блю́да, и со́рок рабо́в, что́бы их охра́нять, — сказа́л Аладди́н.

— Бу́дет испо́лнено, о господи́н, — отве́тил Май-

мун, раб лампы. — Может быть, ты хочешь, чтобы я разрушил город или построил дворец? Приказывай!

— Нет, сделай то, что я тебе сказал, — ответил Аладдин.

И раб лампы скрылся.

Скоро он появился снова. За ним шли сборок прекрасных невольниц. Каждая держала на голове золотое блюдо с драгоценными камнями, а за невольницами шли рослые, красивые рабы с обнажёнными мечами в руках.

— Вот то, что ты требовал, — сказал джинн и скрылся.

Тогда мать Аладдина вышла из кухни и осмотрела рабов и невольниц. Потом, радостная и гордая, она повела их ко дворцу султана.

Весь народ сбежался посмотреть на это шествие. Стража во дворце застыла от изумления, когда увидела этих рабов и невольниц.

Мать Аладдина привела их прямо к султану. Все они поцеловали землю перед султаном и, сняв блюда с головы, поставили их в ряд.

— О визирь, — сказал султан, — каково твоё мнение? Разве не достоин тот, кто имеет такое богатство, стать мужем моей дочери, царевны Будур?

— Достойн, о владыка! — отвечал визирь, тяжело вздыхая.

— Пойди и передай моему сыну, — сказал султан матери Аладдина, — что я принял его подарок и согласен выдать за него замуж царевну Будур. Пусть он придёт ко мне: я хочу с ним познакомиться.

Мать Аладдина торопливо поклонилась султану и побежала домой так быстро, что ветер не мог бы за ней угнаться. Она прибежала к Аладдину и закрычала:

— Радуйся, сынок! Султан принял твой подарок и согласен, чтобы ты стал мужем царевны! Он сказал это при всех! Иди сейчас же во дворец: султан хочет с тобой познакомиться.

— Сейчас я пойду к султану, — сказал Аладдин. — А теперь уходи: я буду разговаривать с джином.

Аладдин взял лампу, потёр её, и тотчас же явился Маймун, раб лампы. Аладдин сказал ему:

— Приведи мне сорок восемь белых невольников: это будет моя свита. И пусть двадцать четыре невольника идут впереди меня, а двадцать четыре — сзади. И ещё доставь мне тысячу золотых и самого лучшего коня.

— Будет исполнено, — сказал джинн и скрылся.

Он достал всё, что велел ему Аладдин, и спросил:

— Чего ты хочешь ещё? Не хочешь ли ты, чтобы я разрушил город или построил дворец? Я всё могу.

— Нет, пока не надо, — сказал Аладдин.

Он вскочил на коня и поехал к султану. На рыночной площади, где было много народа, Аладдин достал из мешка горсть золота и бросил его в толпу. Все кинулись ловить и подбирать монеты, а Аладдин бросал и бросал золото, пока его мешок не опустел. Он подъехал ко дворцу, и все вельможи и приближённые султана встретили его у ворот и проводили в диван. Султан поднялся ему навстречу и сказал:

— Добро пожаловать, Аладдин! Я слышал, что ты хочешь жениться на моей дочери? Я согласен. Все ли ты приготовил к свадьбе?

— Нет ещё, о владыка султан, — ответил Аладдин. — Я не выстроил для царевны Будур дворца.

— А когда же будет свадьба? — спросил султан. — Ведь дворец скоро не выстроишь.

— Не беспокойся, султан, — сказал Аладдин. — Подожди немного.

— А где ты собираешься построить дворец? — спросил султан. — Не хочешь ли ты выстроить его перед моими окнами, вот на этом пустыре?

— Как тебе будет угодно, султан, — ответил Аладдин.

Он простился с султаном и уехал домой вместе со всей своей свитой.

Дома он взял лампу, потёр её и, когда появился джинн Маймун, сказал ему:

— Построй мне дворец, да такой, какого ещё не было на земле! Можешь ты это сделать?

— Могу! — воскликнул джинн голосом, подобным грому. — К завтрашнему утру будет готово.

И в самом деле: на следующее утро среди пустыря возвышался великолепный дворец. Стены его были сложены из золотых и серебряных кирпичей, а крыша была алмазная. Аладдин обошёл все комнаты и сказал Маймуну:

— Знаешь, Маймун, я придумал одну штуку. Сломай вот эту колонну, и пусть султан думает, что мы забыли её поставить. Он захочет построить её сам и не сможет этого сделать. Тогда он увидит, что я сильнее и богаче его.

— Хорошо, — сказал джинн и махнул рукой.

Колонна тотчас исчезла, как будто её и не было.

— Теперь, — сказал Аладдин, — я пойду и приведу сюда султана.

А султан утром подошёл к окну и увидел дворец, который так блестел и сверкал, что на него было больно смотреть. Султан приказал позвать визиря и показал ему дворец.

— Ну, визирь, что скажешь? — спросил он. — Достойн ли быть мужем моей дочери тот, кто в одну ночь построил такой дворец?

— О владыка султан! — закричал визирь. — Разве ты не видишь, что этот Аладдин — колдун? Берегись, как бы он не отобрал у тебя твоё царство!

— Ты говоришь всё это из зависти, — сказал ему султан.

В это время вошёл Аладдин и, поклонившись султану, попросил его осмотреть дворец.

Султан с визирем обошли дворец, и султан очень восхищался его красотой. Наконец Аладдин привёл

гостей к тому месту, где Маймун сломал колонну. Визирь сейчас же заметил, что не хватает одной колонны, и закричал:

— Дворец не достроен! Одной колонны здесь не хватает!

— Не беда, — сказал султан. — Я сам поставлю эту колонну. Позвать сюда главного строителя!

— Лучше не пробуй, султан, — тихо сказал ему визирь, — тебе это не под силу. Посмотри: эти колонны такие высокие, что не видно, где они кончаются. И они сверху донизу выложены драгоценными камнями.

— Замолчи, визирь! — гордо сказал султан. — Неужели я не могу поставить одну такую колонну?

Он велел созвать всех каменотёсов, какие были в городе, и отдал им свои драгоценные камни. Но их не хватило. Узнав об этом, султан рассердился и крикнул:

— Откройте главную казну, отберите у моих поданных все драгоценные камни! Неужели всего моего богатства не хватит на одну колонну?

Но через несколько дней строители пришли к султану и доложили, что камней и мрамора хватило только на четверть колонны. Султан велел отрубить им головы, но колонну всё-таки не поставил. Узнав об этом, Аладдин сказал султану:

— Не печалься, султан! Колонна уже стоит на месте, и я возвратил все драгоценные камни их владельцам.

В тот же вечер султан устроил великолепный праздник по случаю свадьбы Аладдина с царевной Бадур. Аладдин с женой стали жить в новом дворце.

А магрибинец вернулся к себе в Ифрикию и долго горевал и печалился. Только одно утешение осталось у него. «Раз Аладдин погиб в подземелье, значит, и лампа находится там же. Может быть, мне удастся завладеть ею без Аладдина», — думал он.

И вот однажды он захотёл убедиться, что лампа целá и находится в подземелье. Он погадáл на пескé и уви́дел, что лампы в подземелье бóльше нет. Магрибинец испугáлся и стал гадáть дáльше. Он уви́дел, что Аладд́ин спáсся из подземелья и живёт в своём роднóм гóроде.

Бы́стро собрался магрибинец в путь и поёхал чéрез моря, гóры и пусты́ни в далёкую Пёрсию. Дóлго ёхал он и наконец при́был в тот гóрод, где жил Аладд́ин.

Магрибинец пошёл на ры́нок и стал слúшать, что говорáют лúди. На ры́нке тóлько и бы́ло разговóров, что об Аладд́ине и его́ дворцé.

Магрибинец походíл, послúшал, а потóм подошёл к продавцú холóдной воды́ и спросíл его́:

— Кто такóй этот Аладд́ин, о котóром здесь все говорáют?

— Срáзу вíдно, что ты нездéшний, — отвéтил продавец, — ина́че ты знал бы, кто такóй Аладд́ин: этó сáмый богáтый человек во всём мíре, а его́ дворец — настоя́щее чúдо!

Магрибинец протяну́л продавцú золотóй и сказа́л ему́:

— Возьми́ этот золотóй и окажи́ мне услу́гу. Я и впра́вду чужо́й в гóроде, и мне хотéлось бы посмотре́ть на дворец Аладд́ина. Проводи́ меня́ к этóму дворцú.

Продавец воды́ привёл магрибинца́ ко дворцú и ушёл, а магрибинец обошёл вокрúг дворца́ и осмотрéл его́ со всех сторóн.

«Такóй дворец мог пострóить тóлько джинн, раб лампы. Наверно́, лампа находится в этóм дворцé», — подумáл он.

Дóлго раздумывáл магрибинец, как завладéть лампой, и наконец придумáл.

Он пошёл к мéднику и сказа́л ему́:

— Сдéлай мне дéсять мéдных ламп, тóлько поскорéе. Вот тебе́ пять золотóх в задáток.

— Слушаю и повинуюсь, — отвѣтил мѣдник. — Приходи к вечеру, лампы будут готовы.

Вечером магрибинец получил десять новеньких медных ламп, блестящих как золотые. Как только рассвело, он стал ходить по городу, громко крича:

— Кто хочет обменять старые лампы на новые? У кого есть старые медные лампы? Меняю на новые!

Народ толпой ходил за магрибинцем, а дети прыгали вокруг него и кричали:

— Сумасшедший, сумасшедший!

Но магрибинец не обращал на них внимания.

Наконец он пришёл ко дворцу. Аладдина в это время не было дома. Он уехал на охоту, и во дворец была только его жена, царевна Будур.

Услышав крик магрибинца, Будур послала слугу узнать, в чём дело. Слуга вернулся и сказал ей:

— Это какой-то сумасшедший: он меняет новые лампы на старые.

Царевна Будур рассмеялась и сказала:

— Хорошо бы узнать, правду он говорит или обманывает. Нет ли у нас во дворце какой-нибудь старой лампы?

— Есть, госпожа, — сказала одна служанка. — Я видела в комнате господина нашего Аладдина медную лампу. Она вся позеленела и никуда не годится.

— Принеси эту лампу! — приказала Будур. — Отдай её этому сумасшедшему, и пусть он даст нам новую.

Служанка вышла на улицу и отдала магрибинцу волшебную лампу, а взамен получила новенький медный светильник. Магрибинец очень обрадовался, что его хитрость удалась, и спрятал лампу за пазуху. Потом он купил на рынке осла и уехал. Выехав за город, магрибинец потёр лампу и, когда джинн Маймун явился, крикнул ему:

— Хочу, чтобы ты перенёс дворец Аладдина и всех, кто в нём находится, в Ифрикию! И меня тоже перенеси туда!

— Бúдет исполнено! — сказа́л джинн. — Закро́й глаза́ и откρόй глаза́ — дворе́ц бúдет в Ифр́икии.

— Поторопи́сь, джинн! — сказа́л магриби́нец.

И не успе́л он догово́рить, как уви́дел себя́ в своём саду́ в Ифр́икии, у дворца́. Вот пока́ всё, что с ним бы́ло.

А султа́н просну́лся у́тром, вы́глянул в окно́ и вдруг ви́дит — дворе́ц исчéз. Султа́н протёр глаза́ и да́же ущипну́л себя́ за́ руку, что́бы просну́ться, но дворца́ нет как нет.

Султа́н не знал, что и подúмать. Он на́чал гро́мко пла́кать и стона́ть. Он по́нял, что с царéвной Будúр случи́лась кака́я-то беда́. На кри́ки султа́на прибежа́л визи́рь и спроси́л:

— Что с тобо́й случи́лось, султа́н? Чего́ ты пла́чешь?

— Ра́зве ты ниче́го не зна́ешь? — закрича́л султа́н. — Ну так взгляни́ в окно́. Где дворе́ц? Где моя́ дочь?

— Не зна́ю, о влады́ка султа́н! — отве́тил испуганны́й визи́рь.

— Привести́ сюда́ Аладди́на! — закрича́л султа́н. — Я отрублю́ ему́ го́лову!

В э́то вре́мя Аладди́н как раз возвраща́лся с охоты. Слúги султа́на вы́шли на у́лицу и побежа́ли к нему́ навстрéчу.

— Прости́ нас, Аладди́н, — сказа́л оди́н из них. — Султа́н приказа́л связа́ть тебе́ ру́ки, закова́ть тебя́ в це́пи и привести́ к нему́. Мы не мо́жем ослу́шаться султа́на.

— За что султа́н рассерди́лся на меня́? — спроси́л Аладди́н. — Я не сде́лал ему́ ниче́го дурно́го.

Позва́ли кузнеца́, и он закова́л но́ги Аладди́на в це́пи. Вокру́г Аладди́на собралась це́лая толпа́. Жители́ го́рода люби́ли Аладди́на за его́ доброту́, и, когда́ узна́ли, что султа́н хо́чет отруби́ть ему́ го́лову, все сбежа́лись ко дворцу́. А султа́н велéл привести́ Аладди́на к себе́ и сказа́л ему́:

— Правду говорит мой визи́рь, что ты колдун и обманщик? Где твой дворец и где моя дочь Будур?

— Не знаю, о владыка султан! — ответил Аладдин. — Я ни в чём перед тобой не виноват.

— Отрубить ему голову! — крикнул султан.

И Аладдина снова вывели на улицу, а за ним вышел палач.

Когда жители города увидели палача, они обступили Аладдина и послали сказать султану: «Если ты не помилуешь Аладдина, мы разрушим твой дворец и перебьём всех, кто в нём находится. Освободи Аладдина, а не то тебе придётся плохо!»

Султан испугался, позвал Аладдина и сказал ему:

— Я пощадил тебя, потому что тебя любит народ. Но если ты не отыщешь мою дочь, я всё-таки отрублю тебе голову! Даю тебе сроку сорок дней.

— Хорошо, — сказал Аладдин и ушёл из города.

Он не знал, куда ему идти и где искать царевну Будур, и с горя решил утопиться; дошёл до большой реки и сел на берегу, грустный и печальный.

Задумавшись, он опустил в воду правую руку и вдруг почувствовал, что с его мизинца падает кольцо. Аладдин быстро подхватил кольцо и вспомнил, что это то самое колечко, которое надел ему на палец магрибинец.

Аладдин совсем забыл про это кольцо. Он потёр его, и перед ним явился джинн Дахнаш и сказал:

— О владыка кольца, я перед тобой! Чего ты хочешь? Приказывай!

— Хочу, чтобы ты перенёс мой дворец на прежнее место! — сказал Аладдин.

Но джинн, слуга кольца, опустил голову и ответил:

— О господин, я не могу этого сделать! Дворец построил раб лампы, и только он один может его перенести. Потребуй от меня чего-нибудь другого.

— Если так, — сказал Аладдин, — снеси меня туда, где стоит сейчас мой дворец.

— Закрой глаза́ и открóй глаза́, — сказа́л джинн. Аладди́н закры́л и снова́ откры́л глаза́. И очути́лся в саду́ перед своимъ дворцо́м.

Он взбежа́л по ле́стнице и уви́дел Буду́р, кото́рая го́рько пла́кала. Уви́дев Аладди́на, она́ вскрикну́ла и запла́кала ещё́ го́мче — тепе́рь уже́ от ра́дости. Она́ сказа́ла Аладди́ну обо́ всём, что с ней случи́лось, а зате́м сказа́ла:

— Э́тот магриби́нец мно́го раз приходи́л ко мне и уговари́вал меня́ вы́йти за него́ за́муж. Но я не слу́шаю зло́го магриби́нца, а всё́ вре́мя пла́чу о тебе́.

— А где он спря́тал волшебную́ ла́мпу? — спроси́л Аладди́н.

— Он никогда́ с ней не расста́ется и всегда́ де́ржит при себе́, — отве́тила Буду́р.

— Слу́шай, Буду́р, — сказа́л Аладди́н, — когда́ магриби́нец о́пять приде́т к тебе́, будь с ним пола́сковее. Попро́си его́ поу́жинать с тобо́й и, когда́ он начне́т есть и пить, всыпь ему́ в вино́ вот э́тот со́нный порошо́к. Как то́лько он засне́т, я войду́ в ко́мнату и убью́ его́.

— Он уже́ ско́ро до́лжен прийти́, — сказа́ла Буду́р. — Иди́ за мной, я тебя́ спря́чу в те́мной ко́мнате; а когда́ он усне́т, я хлопну́ в ладо́ши — и ты войде́шь.

Едва́ Аладди́н успе́л спря́таться, как в ко́мнату Буду́р воше́л магриби́нец. Она́ ве́село встрети́ла его́ и приве́тливо сказа́ла:

— О госпо́дин мой, подожди́ немно́го. Я принаряжу́сь, а пото́м мы с тобо́й вме́сте поужи́наем.

Магриби́нец вы́шел, а Буду́р надела́ своё́ лу́чшее пла́тье и пригото́вила ку́шанья и вино́. Когда́ колду́н верну́лся, Буду́р сказа́ла ему́:

— О госпо́дин мой, обеща́й мне испо́лнить сего́дня́ всё́, что я у тебя́ попрошу́!

— Хорошо́, — сказа́л магриби́нец.

Буду́р начала́ его́ угоща́ть и поить́ вино́м. Когда́ он немно́го опьяне́л, она́ сказа́ла ему́:

— Дай мне твой кубок, я отопью из него глоток, а ты выпей из моего.

И Будур подала магрибінцу кубок вина, в которое она подсыпала сонного порошка. Магрибинец выпил его и сейчас же упал, сражённый сном, а Будур хлопнула в ладоши. Аладдин только этого и ждал. Он вбежал в комнату и, размахнувшись, отрубил мечом голову магрибінцу. А затѣм он вынул у него из-за пазухи лампу, потѣр её, и сейчас же появился Маймун, раб лампы.

— Отнеси дворец на прежнее место! — приказал ему Аладдин.

Через мгновение дворец уже стоял напротив дворца султана. Султан в это время сидел у окна и горько плакал о своей дочери. Он сейчас же побежал во дворец своего зятя, где Аладдин с женой встретили его на лестнице, плача от радости.

Султан попросил у Аладдина прощения за то, что хотел отрубить ему голову...

Аладдин долго и счастливо жил в своём дворце вместе с женой и матерью, пока не пришла к ним всем смерть.

Али-Баба и сорок разбойников

Когда-то, очень давно, в одном персидском городе жили два брата — Касим и Али-Баба. Когда умер их отец, они поделили деньги, которые после него остались.

Касім стал торговать на рынке дорогими тканями и шелковыми халатами. Он умел расхваливать свой товар и зазывать покупателей, и в его лавке всегда толпилось много народу. Касім всё больше и больше богател и, когда накопил много денег, женился на дочери главного судьи, которую звали Фатима.

А Али-Баба не умел торговать и наживать деньги, и женат он был на бедной девушке по имени Зейнаб. Они быстро истратили почти всё, что у них было, и однажды Зейнаб сказала:

— Слушай, Али-Баба, нам скоро будет нечего есть. Надо тебе что-нибудь придумать, а то мы умрём с голоду.

— Хорошо, — ответил Али-Баба, — я подумаю, что нам делать.

Он вышел в сад, сел под дерево и стал думать. Долго думал Али-Баба и наконец придумал. Он взял оставшиеся деньги, пошёл на рынок и купил двух ослов, топор и верёвку.

А на следующее утро он отправился за город, на высокую гору, поросшую густым лесом, и целый день рубил дрова. Вечером Али-Баба связал дрова в вязанки, нагрузил ими своих ослов и вернулся в город. Он продал дрова на рынке и купил хлеба, мяса и зелени.

С тех пор Али-Баба каждое утро уезжал на гору и до самого вечера рубил дрова, а потом продавал их на рынке и покупал хлеб и мясо для себя и для Зейнаб.

И вот однажды он стоял под высоким деревом, собираясь его срубить, и вдруг заметил, что на дороге поднялась пыль до самого неба. А когда пыль рассеялась, Али-Баба увидел, что прямо на него мчится отряд всадников, одетых в панцири¹ и кольчуги²; к седлам были привязаны копья, а на поясах

¹ Панцирь — металлическая одежда для защиты от ударов оружием.

² Кольчуга — снаряжение воина в виде рубашки из металлических колец.

сверкали длинные острые мечи. Впереди скакал на высокой белой лошади одноглазый человек с черной бородой.

Али-Баба очень испугался. Он быстро влез на вершину дерева и спрятался в его ветвях. А всадники подъехали к тому месту, где он только что стоял, и сошли на землю. Каждый из них снял с седла тяжёлый мешок и взвалил его себе на плечи; потом они стали в ряд, ожидая, что прикажет Одноглазый — их атаман.

«Что это за люди и что у них в мешках? — подумал Али-Баба. — Наверное, это воры и разбойники».

Он пересчитал людей, и оказалось, что их ровно сорок человек, не считая атамана. Атаман встал впереди своих людей и повёл их к высокой скале, в которой была маленькая дверь из стали; она так заросла травой и колёчками, что её почти не было видно.

Атаман остановился перед дверью и громко крикнул:

— Симсím, открой дверь!

И вдруг дверь в скале распахнулась, атаман вошёл, а за ним вошли его люди, и дверь опять захлопнулась за ними.

«Вот чудо! — подумал Али-Баба. — Ведь симсím-то — это простое растение. Я знаю, что из его семян выжимают масло, но я не знал, что оно может открывать двери!»

Али-Бабе очень хотелось посмотреть поближе на волшебную дверь, но он так боялся разбойников, что не осмелился слезть с дерева.

Прошло немного времени, и вдруг дверь снова распахнулась и сорок разбойников вышли с пустыми мешками. Как и прежде, одноглазый атаман шёл впереди. Разбойники привязали к седлам пустые мешки, вскочили на коней и ускакали. Тогда Али-Баба, который уже устал сидеть, скорчившись, на дереве, быстро спустился на землю и подбежал к скале.

«А что будет, если я тоже скажу: «Симсím, от-

крóй дверь?» — подумал он. — Открóется дверь или нет? Попрóбую!»

Он набрался храбрости, вдохнул побóльше вóздуху и во весь гóлос крикнул:

— Симсím, открóй дверь!

И тóтчас же дверь распахнулася перед ним и открýлся вход в большúю пещеру.

Али-Бабá вошёл в пещеру, и, как тóлько он переступил порóг, дверь снóва захлóпнулась за ним. Али-Бабé стáло немногó страшно: а вдруг дверь бóльше не открóется и ему нельзя бóдет выйти? Но он всё же пошёл вперёд, с удивлением осмáтриваясь по сторонам.

Он уви́дел, что находится в большóй кóмнате и у стен стоит мнóжество стóликов, устáвленных золотými блюдами под серéбряными крышками. Али-Бабá почувствовал вку́сный за́пах кúшаний и вспомнил, что с утра́ ничегó не ел. Он подошёл к одному стóлику, снял крышки с блюд, и у него потекли слю́нки: на блюдах лежáли все кúшанья, каких тóлько мóжно пожела́ть: жареные кúры, рисо́вый пилáв, бли́нчики с вареньем, халва́, я́блоки и ещё мнóго други́х вку́сных вещей.

Али-Бабá схватил кúрицу и мýгом обглодал её. Потóм принялся за пилáв, а покóнчив с ним, отломил халвы́, но уже́ не мог съесть ни кусóчка — до тóго он был сыт. Отдохну́в немногó, он осмотрелся и уви́дал вход в другу́ю кóмнату. Али-Бабá вошёл туда́ и зажму́рил глаза́. Кóмната вся сверкала и блестя́ла — так мнóго бы́ло в ней зóлота и драгоценностей. Золотые́ дина́ры и серéбряные дирхемы ¹ гру́дами лежáли прýмо на землѣ, слóвно ка́мни на морско́м берегу́. Драгоценная посу́да — кúбки, подно́сы, блюда, укра́шенные дорогými ка́меньями, — стояла по всем угла́м. Кúпы шёлка и ткáней — кита́йских, инди́йских, сири́йских, еги́петских — лежáли посреди́ кóмнаты;

¹ Дирхэм и дина́р — монеты.

по стенам висели острые мечи и длинные копыя, которых хватило бы на целое войско.

У Али-Бабы разбежались глаза, и он не знал, за что ему взяться: то приметит красный шелковый халат, то схватит золотой поднос и смотрится в него, как в зеркало, то наберёт в пригоршню золотых монет и пересыпает их.

Наконец он немного успокоился и сказал себе: «Эти деньги и драгоценности, наверное, награблены, и сложили их сюда разбойники, которые только что здесь были. Эти богатства не принадлежат им, и если я возьму себе немножко золота, в этом не будет ничего дурного. Ведь его здесь столько, что не счесть».

Али-Баба подоткнул полы халата и, встав на колени, стал подбирать золото. Он нашёл в пещере два пустых мешка, наполнил их динарами, притащил к двери и крикнул:

— Симсим, открой двери!

Дверь тотчас же распахнулась. Али-Баба вышел из пещеры, и дверь захлопнулась за ним. Колючие кусты и ветви переплелись и скрыли её от глаз. Ослы Али-Бабы паслись на лужайке. Али-Баба взвалил на них мешки с золотом, прикрыл их сверху дровами и поехал домой. Когда он вернулся, уже была ночь и встревоженная Зейнаб ждала его у ворот.

— Что ты делал в лесу так долго? — спросила она. — Я думала, что тебя растерзали волки или гиены. Отчего ты привёз дрова домой, а не продал их?

— Сейчас всё узнаешь, Зейнаб, — сказал Али-Баба. — Помогй-ка мне внести в дом эти мешки и не шуми, чтобы нас не слышали соседи.

Зейнаб молча взвалила один из мешков себе на спину, и они с Али-Бабой вошли в дом. Зейнаб плотно прикрыла за собой дверь, зажгла светильник и развязала мешок.

Увидя золото, она побледнела от страха и крикнула:

— Что ты наделал, Али-Баба? Кого ты ограбил?

— Не тревожься, Зейнаб, — сказа́л Али-Баба́. — Я никого́ не огра́бил и сейчас расскажу́ тебе́, что со мно́ю сегодня́ случи́лось.

Он рассказа́л ей про разбо́йников и пеще́ру и, окóнчив свой рассказ, сказа́л:

— Смотри́, Зейнаб, спрячь э́то зо́лото и не говори́ о нём никому́. Люди́ поду́мают, что мы и впра́вду кого́-нибудь огра́били, и донесу́т на нас султа́ну¹, и тогда́ он отни́мет у нас всё зо́лото и поса́дит нас в подземелье. Дава́й вы́копаем я́му и спрячем в ней зо́лото.

Они́ вы́шли в сад, вы́копали при све́те луны́ я́му, сложи́ли всё зо́лото, а пото́м о́пять заброса́ли я́му землёй.

Покóнчив с э́тим де́лом, Али-Баба́ лёг спать. Зейнаб то́же легла́, но ещё до́лго воро́чалась с бо́ку на бок и ду́мала: «Ско́лько же зо́лота привёз Али-Баба́? Как то́лько рассветёт, я пересчита́ю все моне́тки, до последне́й!»

На сле́дующее у́тро, когда́ Али-Баба́, как всегда́, уе́хал на го́ру, Зейнаб побежа́ла к я́ме, раскопа́ла её и приняла́сь пересчи́тывать дина́ры.

Но их бы́ло так мно́го, что Зейнаб не могла́ сочита́ть. Она́ не о́чень хорошо́ счита́ла и всё вре́мя сбива́лась. Наконце́ э́то ей надо́ело, и она́ сказа́ла себе́: «Лу́чше я возьму́ ме́ру и перемеряю зо́лото. Вот то́лько ме́ры у меня́ нет. Приде́тся попроси́ть у Фати́мы».

А Каси́м с Фати́мой жи́ли в сосе́дном до́ме. Зейнаб сейчас же побежа́ла к ним. Вошла́ в се́ни и сказа́ла Фати́ме:

— Сде́лай ми́лость, одолжи́ мне ненадо́лго ме́ру. Я сегодня́ же верну́ её тебе́.

— Хорошо́, — отве́тила Фати́ма, — но моя́ ме́ра у сосе́дки. Сейчас я схожу́ за ней и дам её тебе́. Подожди́ здесь в сенях. У тебя́ но́ги грязные, а я то́лько что постла́ла чи́стые циновки.

---

¹ Султа́н — госуда́рь, пра́витель.

Всё это Фатима выдумала. И мёрка, которой мёряли крупу, висела на своём месте — в кухне, над очагом, — и циновок она не меняла уже дней десять. На самом деле ей просто очень хотелось узнать, для чего Зейнаб вдруг понадобилась мёрка, — ведь Фатима хорошо знала, что в доме у Али-Бабы давно уже нет никакой крупы. А спрашивать Зейнаб она не желала: пусть Зейнаб не воображает, что Фатима интересуется её делами. И она придумала способ узнать не спрашивая. Она вымазала дно мёрки мёдом, а потом вынесла её Зейнаб и сказала:

— На, возьми. Только смотри не забудь вернуть её в целости и не позже чем к закату солнца. Мне самой нужно мёрять чечевичу.

— Спасибо тебе, Фатима, — сказала Зейнаб и побежала домой.

Она выгребла из ямы всё золото и начала торопливо его мёрять, всё время оглядываясь по сторонам.

Золота оказалось десять мер и ещё полмеры.

Зейнаб вернула мёрку Фатиме и ушла, поклонившись ей до земли. Фатима сейчас же схватила мёрку и заглянула в неё. И вдруг она увидела: ко дну мёрки прилип какой-то маленький светлый кружочек. Фатима запустила руку в мёрку и вынула кружочек. Это был новенький золотой динар.

Фатима не верила своим глазам. Она повертела монету между пальцами и даже попробовала её на зуб — не фальшивая ли? Но динар был самый настоящий, из чистого золота.

— Так вот какая это крупá! — закричала Фатима. — Они такие богачи, что Зейнаб даже мёряет золото мёрой. Наверное, они кого-нибудь ограбили, а сами притворяются бедняками. Скорее бы Касим вернулся из лавки! Я непременно всё расскажу ему. Пусть пойдёт к Али-Бабе и пригрозит ему хорошенько. Али-Баба, наверное, поделится с ним.

Фатима весь день просидела у ворот, ожидая Касима. Когда стало смеркаться, Касим вернулся из

ла́вки, и Фати́ма, не дав ему́ да́же снять тюрба́н, закрича́ла:

— Слу́шай, Каси́м, какáя у меня́ но́вость! Твой брат Али́-Баба́ прики́дывается бедняко́м, а он, ока́зывается, бога́че нас с тобо́й!

— Что ты вы́думала! — рассерди́лся Каси́м. — Бога́че меня́ нет никогó на на́шей у́лице да и во всём кварта́ле. Недáром меня́ вы́брали старшино́й ры́нка.

— Ты мне не ве́ришь! — оби́делась Фати́ма. — Ну так скажи́: как ты счита́ешь де́ньги, когдá под-считываешь по вечера́м вы́ручку?

— Обыкновенно́ счита́ю, — отве́тил Каси́м. — Скла́дываю в кúчи дина́ры и дирхе́мы и пересчита́ваю. А как насчита́ю со́тню, загиба́ю па́лец, что́бы не ошибы́ться. Да что ты такие́ глúпости спра́шиваешь?

— Нет, не глúпости! — закрича́ла Фати́ма. — Ты вот счита́ешь дина́ры на десяти́тки и со́тни, а Зейна́б, жена́ твоего́ бра́та, счита́ет ме́рами. Вот что она́ оста́вила в моёй ме́рке!

И Фати́ма показа́ла ему́ дина́р, кото́рый прили́п ко дну ме́рки.

Каси́м посмотре́л его́ со всех сторо́н и сказа́л:

— Пусть меня́ не зову́т Каси́мом, е́сли я не допыта́юсь, отку́да у Али́-Бабы́ взяли́сь де́ньги. Хи́тростью́ и́ли си́лой, но я отберу́ их у него́!

И он сейча́с же отпра́вился к своему́ бра́ту.

Али́-Баба́ то́лько что верну́лся с горы́ и отды́хал на ка́менной скамье́ перед до́мом. Он о́чень обра́довался Каси́му и сказа́л:

— Добро́ пожа́ловать, Каси́м! Ты не ча́сто быва́ешь у меня́. Что привело́ тебя́ ко мне сегóдня, да е́щё в тако́й по́здний час?

— До́брый ве́чер, брат мой, — ва́жно сказа́л Каси́м. — Меня́ привела́ к тебе́ больша́я оби́да.

— Оби́да? — удиви́лся Али́-Баба́. — Чем же мог я, бе́дный дровосе́к, оби́деть старши́ну ры́нка?

— Ты тепе́рь бога́че меня́, — сказа́л Каси́м. —

Ты мѣряешь зѳлото мѣрами. Вот что моя женá нашлá на дне мѣрки, которóую она далá твоѣй женѣ Зейнáб. Не обмáнывай меня: я всё знáю! Почему ты скрыл от меня, что разбогатѣл? Навѣрное, ты когѳ-нибудь ограбил?

Али-Бабá пѳнял, что Касим провѣдал его тáйну, и решил во всѣм признáться.

— О брат мой, — сказáл он, — я вѳвсе не хотѣл тебя обмáнывать! Я тѳлько потому ничегѳ тебе не рассказáл, что боялся воров и разбѳйников, которóые мѳгут тебя убить.

И он рассказáл Касиму про пещѣру и про разбѳйников. Потѳм протянул брату рѳку и сказáл:

— О брат мой, мы с тобѳй ѳба сыновья одного отцá и одной мáтери. Давáй же делить пополам всё, что я привезу из пещѣры. Я знáю, как туда войти и как уберѣчься от разбѳйников. Возьми себе половину дѣнег и сокровищ — ѳтого хвáтит тебе на всю жизнь.

— Не хочу половину, хочу все дѣньги! — закричáл Касим и оттолкнул рѳку Али-Бабы. — Говори скорѣе, как войти в пещѣру, а ѳсли не скáжешь, я донесу на тебя султáну, и он велит отрубить тебе гѳлову!

— Зачѣм ты грозить мне султáном! — сказáл Али-Бабá. — Поезжай, ѳсли хочешь, в пещѣру, но тѳлько тебе всё равно не увезти все дѣньги и сокровища. Дáже ѳсли бы ты цѣлый год возил из пещѣры зѳлото и серебрѳ, не отдыхáя ни днѣм, ни нѳчью, — и тогда ты не увѣз бы и половины того, что там есть.

Он рассказáл Касиму, как найти пещѣру, и велѣд ему хорошѳ запѳмнить словá: «Симсим, открой дверь!»

— Не забуду, — сказáл Касим. — Симсим... симсим... Это, кáжется, растѣние врѳде конопли. Буду пѳмнить.

На слѣдующее ѳтро Касим оседлáл дѣсять мѳлов, взвалил на кáждого мѳла по два большѳх сундукá и отправился в лес. Он пустил своих мѳлов пастись на

опушке леса, отыскал дверь в скале и, встав перед нею, закричал изо всех сил:

— Эй, симсим, открой дверь!

Дверь распахнулась, Касим вошёл, и дверь снова захлопнулась за ним.

Касим увидел пещеру, полную сокровищ, и совсем потерял голову от радости. Он заплясал на месте, потом бросился вперёд и стал хватать всё, что попадалось под руку: охапки дорогих тканей, куски золота, кувшины и блюда, потом бросал их и срывал со стен золотые мечи и щиты, хватал пригоршнями деньги и совал их за пазуху. Так он метался по пещере целый час, но никак не мог забрать всего, что там было. Наконец он подумал: «У меня времени много. Буду выносить отсюда мешок за мешком, пока не нагрузю всех мулов, а потом приеду ещё раз. Я буду ездить сюда каждый день, пока не заберу всё, до последней монетки!»

Он схватил мешок с деньгами и поволок его к двери.

Дверь была заперта.

Касим хотел произнести волшебные слова, которые открывали дверь, но вдруг оказалось, что он позабыл их. Он помнил только, что надо сказать название какого-то растения. И он крикнул:

— Горюх, открой дверь!

Но дверь не открылась. Касим испугался. Он подумал и крикнул опять:

— Пшеница, открой дверь!

Дверь и не шевельнулась. Касим от страха уже ничего не мог вспомнить и выкрикивал названия всех растений, какие знал:

— Овес, открой дверь!

— Конопля, открой дверь!

— Ячмень открой дверь!

Но дверь не открывалась.

Касим понял, что ему никогда больше не выбрать из пещеры. Он сел на мешок с золотом и заплакал.

В это время разбойники ограбили богатых купцов, отобрали у них много золота и дорогих товаров. Они решили всё это спрятать в пещере. Подъезжая к лесу, атаман заметил на опушке мулов, которые мирно щипали траву.

— Что это за мулы? — сказал атаман. — К их сёдлам привязаны сундуки. Наверно, кто-нибудь разузнал про нашу пещеру и хочет нас ограбить!

Он приказал разбойникам не шуметь и, подойдя к двери, тихо произнёс:

— Симсим, открой дверь!

Дверь отворилась, и разбойники увидели Касима, который старался спрятаться за мешок с деньгами. Атаман бросился вперёд, взмахнул саблей и отрубил Касиму голову.

Разбойники оставили тело Касима в пещере, а сами переловили мулов и, погнав их перед собой, ускакали.

А Фатима весь день просидела у окна — всё ждала, когда покажутся мулы с сундуками, полными золота. Но время проходило, а Касима всё не было. Фатима прождала день, прождала ночь, а утром с плачем прибежала к Али-Бабё.

Али-Бабё сказал:

— Не тревожься, Фатима. Я сейчас сам поеду на гору и узнаю, что случилось с Касимом.

Он тотчас же сел на осла и поехал в лес, прямо к пещере.

И как только вошёл в пещеру — увидел, что его брат лежит мёртвый на мешках с деньгами.

Али-Бабё вынес тело Касима из пещеры, положил его в мешок и печальный поехал домой. «Вот до чего довела Касима жадность! — думал Али-Бабё. — Если бы он согласился разделить со мной деньги и не захотел забрать себе всё, он и сейчас был бы жив».

Али-Бабё устроил Касиму пышные похороны, но никому не сказал, как погиб его брат. Фатима гово-

ри́ла всем, кто провожа́л Каси́ма на кла́дбище, что её́ му́жа растерза́ли в лесу́ ди́кие зве́ри.

Когда́ Каси́ма похорони́ли, Али́-Баба́ сказа́л Фати́ме:

— Зна́ешь что, Фати́ма, прода́й мне́ твой дом, и бу́дем жить вме́сте. Тогда́ и мне не приде́тся стро́ить но́вый дом, и тебе́ не так стра́шно бу́дет жить одной́. Хорошо́?

— О Али́-Баба́, — сказа́ла Фати́ма, — мой дом — твой дом, и всё, что у меня́ есть, принадле́жит тебе́. Позво́ль то́лько мне жить с ва́ми — бо́льше мне ни́чего не ну́жно.

— Ну вот и хорошо́, — сказа́л Али́-Баба́, и они́ с Зейна́б и Фати́мой за́жили вме́сте.

Али́-Баба́ ещё́ не́сколько раз е́здил в пеще́ру и вы́вез оттуда́ мно́го зо́лота, драгоценных оде́жд, ковров́ и посу́ды.

Ка́ждый день у него́ на кúхне гото́вилась пи́ща не то́лько для него́ само́го, Зейна́б и Фати́мы, но и для всех его́ бе́дных сосе́дей, кото́рым не́чего бы́ло есть. А когда́ сосе́ди благода́рили его́, он говори́л:

— Приходи́те и за́втра и приводи́те с собо́й всех бедняко́в. А благода́рить не́ за что. Я угоща́ю вас на де́ньги моего́ бра́та Каси́ма, кото́рого съели на горе́ во́лки. Он ведь был челове́к бога́тый.

Ско́ро все бедняки́ и ни́щие ста́ли приходи́ть к до́му Али́-Бабы́ к обе́ду и у́жину, и жи́тели го́рода о́чень его́ полюби́ли.

Вот что бы́ло с Али́-Бабо́й, Зейна́б и Фати́мой.

Что же каса́ется разбо́йников, то они́ че́рез не́сколько дней о́пять при́ехали к пеще́ре и уви́дели, что те́ло их врага́ исче́зло, а мешки́ с де́ньгами разбро́саны по землё́.

— В на́шу пеще́ру о́пять кто́-то захо́дил! — вскрича́л атама́н. — Неда́вно я уби́л одно́го врага́, но, оказыва́ется, их не́сколько. Пусть не бу́ду я Ха́сан Одногла́зый, е́сли я не убью́ вся́кого, кто хо́чет поживи́ться на́шей добы́чей! Хра́брые разбо́йники,

найдётся ли среди вас смельчак, который не побоится отправиться в город и разыскать нашего обидчика? Пусть не берётся за это дело трус или слабый. Только хитрый и ловкий может исполнить его.

— О атамán, — сказал один из разбойников, — никто, кроме меня, не пойдёт в город и не выследит нашего врага. Недаром зовут меня Ахмéd Сорвиголова. А если я не найду его, делай со мной что хочешь.

— Хорошо, Ахмéd, — сказал атамán. — Даю тебе один день сроку. Если ты найдёшь нашего врага, я назначу тебя своим помощником, а если не найдёшь — лучше не возвращайся: я отрублю тебе голову.

— Будь спокоен, атамán, не пройдёт дня, как ты узнаешь, где найти своего врага, — сказал Ахмéd. — Ждите меня сегодня к вечеру здесь в лесу.

Он сбросил с себя разбойничье платье, надел синий шелковый халат, красные сафьяновые сапоги и тюбетейку и пошёл в город.

Было раннее утро. Рынок был ещё пуст, и все лавки были закрыты. Только старый башмачник сидел под своим навесом и, разложив инструменты, ждал заказчиков.

Ахмéd Сорвиголова подошёл к нему и, поклонившись, сказал:

— Доброе утро, дядюшка! Как ты рано вышел на работу! Если бы я не увидел тебя, мне пришлось бы ещё долго ждать, пока откроется рынок.

— А что тебе нужно? — спросил старый башмачник, которого звали Мустафа.

— Я чужой в вашем городе, — ответил Ахмéd. — Только сегодня ночью я пришёл сюда и ждал до рассвета, пока открыли городские ворота. В этом городе жил мой брат, богатый купец. Я пришёл к нему из далёких стран, чтобы повидать его, и, подходя к городу, услышал, что его нашли в лесу мёртвым. Теперь я не знаю, как отыскать его родных, чтобы плакать о нём вместе с ними.

— Ты говоришь, твой брат был богатый купец? — спросил башмачник. — В нашем городе недавно хоронили одного купца, и я был на похоронах. Жена купца говорила, что его растерзали волки, но я слышал от одного человека, что это неправда и что этого купца на самом деле младший брат нашёл в лесу убитым, без головы, и тайком привёз домой в мешке.

Ахмед Сорвиголова очень обрадовался. Он понял, что этот богатый купец и есть тот человек, которого убил атаман в пещере.

— Ты можешь меня провести к его дому? — спросил Ахмед башмачника.

— Могу, — ответил башмачник. — Но только как же мне быть с работой? Вдруг кто-нибудь придёт на рынок и захочет заказать мне туфли, а меня не будет на месте?

— Вот тебе динар, — сказал Ахмед. — Возьми его за убытки, а когда ты покажешь мне дом моего брата, я дам тебе ещё динар.

— Спасибо тебе за твою щедрость! — воскликнул обрадованный Мустафа. — Чтобы заработать этот динар, мне нужно целый месяц стáвить на туфлях заплатки. Пойдём!

И башмачник привёл Ахмеда к дому, где жил Касим.

— Вот дом, где жил убитый купец. Здесь поселился теперь его брат, — сказал Мустафа.

«Его-то мне и надо!» — подумал Ахмед. Он дал Мустафе динар, и Мустафа ушёл, кланяясь и благодаря.

Все дома в этом городе были обнесены высокими стенами, так что на улицу выходили только ворота. Запомнить незнакомый дом было нелегко.

«Надо отметить этот дом, чтобы потом узнать его», — решил Ахмед.

Он вытащил из кармана кусок мела и поставил на воротах дома крестик. А потом пошёл обратно.

«Теперь я запомню этот дом и приведу к нему»

завтра моих товарищей... Быть мне помощником атамана!» — радовался он.

Только что Ахмед успел уйти, как из дома вышла служанка Али-Бабы по имени Марджана, девушка умная и храбрая. Она собралась идти на рынок за хлебом и мясом к обеду. Закрывая калитку, она обернулась и вдруг увидела на воротах крестик, нарисованный мелом.

«Кто это вздумал пачкать наши ворота? — подумала она. — Наверное, уличные мальчишки... Нет, крест слишком высок. Его нарисовал взрослый человек, и этот человек задумал против нас злое дело. Он хочет запомнить наш дом, чтобы нас убить или ограбить. Надо мне сбить его с толку».

Марджана вернулась домой, вынесла кусок мела, поставила кресты на всех соседних домах и ушла по своим делам.

А разбойник прибежал в пещеру и крикнул:

— Слушай, атаман! Слушайте все! Я нашёл дом нашего врага и отметил его крестом. Завтра я вам покажу его.

— Молодлец, Ахмед Сорвиголовá! — сказал атаман. — Завтра к утру будьте все готовы. Мы спрячем под халаты острые ножи и пойдём с Ахмедом к дому нашего врага.

— Слушаем и повинемся тебе, атаман, — сказали разбойники, и все стали поздравлять Ахмеда с удачей.

А Ахмед Сорвиголовá ходил гордый и говорил:

— Вот увидите, я буду помощником атамана!

Он всю ночь не спал, дожидаясь утра, и, как только рассвело, вскочил и разбудил разбойников. Они надели широкие бухарские халаты, белые чалмы и туфли с загнутыми носками, спрятали под халаты ножи и пошли в город. И все, кто их видел, говорили:

— Это бухарцы. Они пришли в наш город и осматривают его.

Впереді всех шли Ахмéd с атамáном. Дóлго во-
дѣл Ахмéd своих товáрищей по гóроду и наконец
отыскáл нúжную úлицу.

— Смотри́те, — сказа́л он, — вот э́тот дом. Ви-
дите, на ворóтах крест.

— А вот ещё крест, — сказа́л друго́й разбо́й-
ник. — В како́м же до́ме живёт наш враг?

— Да вон и на том до́ме крест! И на э́том!
И здесь крест! Да тут на всех дома́х кресты́! — за-
крича́ли вдруг остальные разбо́йники.

Атамáн рассерди́лся и сказа́л:

— Что э́то значит? Ктó-то перехитри́л тебя́, Ах-
мéd! Ты не вы́полнил поруче́ние, и не придётся тебе́
бо́льше с на́ми разбо́йничать. Я сам отрублю́ тебе́
го́лову!

И когда́ они́ верну́лись в лес, жесто́кий атамáн от-
рубил го́лову Ахмеду́. А потóм сказа́л:

— Кто ещё возьме́тся отыскáть дом на́шего вра-
га́? У когó хва́тит хра́брости? Пусть не пробу́ет э́то
сде́лать лени́вый и́ли сла́бый!

— Позво́ль мне попы́таться, о атамáн! — сказа́л
оди́н из разбо́йников, Мухамме́д Плеши́вый. — Я че-
ловéк ста́рый, и меня́ так легко́ не проведёшь. А е́сли
я не вы́полню поруче́ние — казни́ меня́ так же, как
ты казни́л Ахме́да.

— Иди́, Мухамме́д, — сказа́л атамáн. — Бúду те-
бя́ ждать до за́втрашнего ве́чера. Но смотри́: е́сли ты
не найдёшь и не пока́жешь мне дом на́шего врага́,
тебе́ не бúдет поща́ды.

На слéдующее úтро Мухамме́д Плеши́вый отпра-
вился в гóрод. Ахмéd рассказы́вал разбо́йникам про
Мустафу́, и Мухамме́д прямо пошёл на ры́нок, к ста́-
рому башма́чнику. Он повёл с ним тако́й же разго-
во́р, как и Ахмéd, и пообещáл ему́ два дина́ра, е́сли
Мустафа́ пока́жет ему́ дом уби́того купца́. И Муста-
фа́, обра́дованный, довёл его́ до са́мых ворóт.

«Приде́тся и мне ка́к-нибудь отмéтить дом», —
подумáл Мухамме́д. Он взял кусо́к кирпи́ча, валя́в-

шийся на дороге, и нарисовал на воротах маленький крестик в правом верхнем углу.

«Здесь его никто не увидит, кроме меня, — подумал он. — Побегу скорее за атаманом и приведу его сюда».

И он быстро пошел обратно к своим товарищам.

А Марджана как раз возвращалась с рынка. Увидев, что от ворот их дома крадучись отошел какой-то человек и побежал по дороге, она сообразила, что тут что-то неладно. Марджана подошла к воротам, внимательно осмотрела их и увидела в правом верхнем углу маленький красный крестик.

«Так вот, значит, кто ставит кресты на наших воротах! — подумала Марджана. — Подожди же, я тебя перехитрю».

Она подняла с земли кусок кирпича и поставила такие же кресты на воротах всех домов их улицы.

— Ну-ка попробуй теперь найди наш дом! — воскликнула она. — Тебе это так же не удастся, как вчера.

А Мухаммед Плешивый всю дорогу бежал не останавливаясь и наконец вошел в пещеру, еле переводя дух.

— Идите скорее! — крикнул он. — Я так отметил этот дом, что уж теперь нашему врагу не уйти. Собирайтесь же скорее, не мешкайте!

Разбойники завернулись в плащи и пошли вслед за Мухаммедом. Они очень торопились, чтобы дойти до города за светом, и пришли туда перед самым закатом солнца. Найдя знакомую улицу, Мухаммед Плешивый подвел атамана к самым большим и красивым воротам и указал ему пальцем на маленький красный крестик в правом верхнем углу ворот.

— Видишь, — сказал он, — вот моя отметка.

— А это чья? — спросил один из разбойников, который остановился у соседних ворот. — Тут тоже нарисован крестик.

— Какой крестик? — закричал Мухаммед.

— Красный, — ответил разбойник. — И на тех воротах точно такой же. И напротив — тоже. Пока ты показывал атамáну свой крестик, я осмотрел все соседние ворота.

— Что же, Мухаммед, — сказал атамáн, — и тебя, значит, перехитрили? Хоть ты и хороший разбойник, а слова не сдержал. Пощады тебе не будет.

И Мухаммед погиб так же, как и Ахмед. И стало в шайке атамáна не сорок, а тридцать восемь разбойников.

«Надо мне самому взяться за это трудное дело, — подумал атамáн. — Мои люди хорошо сражаются, вору́ют и гра́бят, но они не годятся для хитростей и обмáна».

И вот на следующее утро Хасан Одноглазый, атамáн разбойников, вошёл в город сам. Торговля на рынке была в полном разгáре. Он нашёл Мустафу-башмáчника и, присев рядом с ним, сказал:

— О дядюшка, почему ты такой печальный? Работы, что ли, máло?

— Работы у меня уже давно нет, — ответил башмáчник. — Я бы, навёрно, умер с голоду, если бы судьба не послала мне помощь. Позавчера рано утром пришёл ко мне один щедрый человек и рассказал, что он ищет родных своего брата. А я знал, где дом его брата, и показал ему дорогу, и чужеземец подарил мне целых два динара. Вчера ко мне пришёл другой чужеземец и опять спросил меня, не знаю ли я его брата, который недавно умер. Я привёл его к тому же самому дому и опять получил два динара. А сегодня вот уже полдень, но никто ко мне не пришёл. Видно, у покойника нет больше братьев.

Услышав слова Мустафы, атамáн горько заплакал и сказал:

— Какое счастье, что я встретил тебя! Я третий брат этого убитого. Я пришёл из далёкой страны и только вчера узнал, что моего старшего брата убили. Нас было пятеро братьев, и мы все жили в разных

странах, и вот теперь мы сошлись в вашем городе, но только для того, чтобы найти нашего брата мертвым. Отведи же меня к его дому, и я дам тебе столько же, сколько дали мой братья.

— Хорошó! — радостно сказал старик. — А больше у него нет братьев?

— Нет, — ответил атамán, тяжело вздыхая. — Нас было пятеро, а теперь стало только четверо.

— Жалко, что вас так мало! — сказал старый Мустафа и тоже вздохнул. — Идем.

Он привел атамана к дому Касима, получил свою плату и ушел. А атамán сосчитал и хорошó запомнил, сколько ворот от угла улицы до этого дома, так что ему не нужно было отмечать ворота. Потом он вернулся к своим товарищам и сказал:

— О разбойники, я придумал одну хитрость! Если она удастся, мы убьем нашего врага и отберем все богатства, которые он увез из пещеры. Слушайте же меня и исполняйте все, что я прикажу.

И он велел одному из разбойников пойти в город и купить двадцать сильных мулов и сорок кувшинов для масла.

А когда разбойник привел мулов, нагруженных кувшинами, атамán приказал разбойникам влезть в кувшины. Он сам прикрыл кувшины пальмовыми листьями и обвязал травой, а сверху проткнул дырочки для воздуха, чтобы люди не задохнулись. А в оставшиеся два кувшина налил оливкового масла и вымазал им остальные кувшины, чтобы люди думали, что во всех кувшинах налито масло.

Сам атамán надел платье богатого купца и погнал мулов в город.

Наступал вечер, уже темнело. Атамán направился к дому Касима и увидел, что у ворот сидит веселый и приветливый человек. Это был Али-Бабá. Атамán подошел к нему и низко поклонился, коснувшись рукой земли.

— Дóбрый вечер, почтенный купец! — сказал

он. — Я чужеземец, из далёкой страны. Я привёз запáс дорогого ма́сла и надеялся продáть его в ва́шем го́роде. Но мои му́лы устáли от до́лгого пу́ти и шли ме́дленно. Когда я вошёл в го́род, уже наступи́л ве́чер и все ла́вки закры́лись. Я обошёл весь го́род, что́бы найти́ нощле́г, но никто́ не хоте́л пусти́ть к себе́ чужеземца. И вот я прошёл мимо́ тебя́ и уви́дел, что ты челове́к привётливый и раду́шный. Не позво́лишь ли ты мне провести́ у тебя́ одну́ ночь? Я сло́жу свои́ кувши́ны на дворе́, а за́втра ра́но у́тром увезу́ их на ры́нок и продáм. А потóм я уеду́ обрат́но в мою́ страну́ и бу́ду всем рассказывать о твоёй доброте́.

— Входи́, чужеземец, — сказа́л Али́-Баба́. — У меня́ ме́ста мно́го. Расседла́й му́лов и зада́й им ко́рму, а потóм мы бу́дем у́жинать... Эй, Марджáна, посади́ соба́к на цепь, что́бы они́ не искуса́ли на́шего го́стя!

— Благодарю́ тебя́, о почтённый купе́ц! — сказа́л атама́н разбо́йников. — Пусть испо́лнятся твои́ желáния, как ты испо́лнил мою́ про́сьбу.

Он ввёл свои́х му́лов во двор и разгрузи́л их у стени́ до́ма, осторо́жно снима́я кувши́ны, чтобы́ не ушиби́ть разбо́йников. А потóм нагну́лся к кувши́нам и прошепта́л:

— Сиди́те ти́хо и не дви́гайтесь. Но́чью я вы́йду к вам и сам поведу́ вас в дом.

И разбо́йники шёпотом отве́тили из кувши́нов:

— Слу́шаем и повину́емся, атама́н!

Атама́н вошёл в дом и подня́лся в ко́мнату, где уже́ был пригото́влен сто́лик для у́жина. Али́-Баба́ ждал его́, си́дя на низенькой ска́мейке, покры́той ковро́м. Уви́дев го́стя, он кри́кнул Марджáне:

— Эй, Марджáна, прикажи́ зажа́рить ку́рицу и пригото́вить побольше́ бли́нчиков с ме́дом! Я хочу́, что́бы мой го́сть был дово́лен на́шим угоще́нием.

— Слу́шаю и повиную́сь, — сказа́ла Марджáна. — Я пригото́влю всё это́ сама́, своими́ рука́ми.

Она́ побежа́ла на ку́хню, живо́ замеси́ла те́сто и

только что собралась печь блинчики, как вдруг увидела, что масло всё вышло и жарить не на чем.

— Вот беда! — закричала Марджана. — Как же теперь быть? Уже ночь, масла нигде не купишь. И у соседей не достанешь, все давно спят. Вот беда!

Вдруг она хлопнула себя по лбу и сказала:

— Глупая я! Говорю, что нет масла, а здесь, под окном, стоят сорок кувшинов с маслом. Я возьму немного у нашего гостя, а завтра чуть свет куплю масла на рынке и долью кувшин.

Она зажгла светильник и вышла во двор. Ночь была темная, пасмурная. Всё было тихо, только мулы у колодца фыркали и звенели уздечками.

Марджана высоко подняла светильник над головой и подошла к кувшинам. И как раз случилось так, что ближайший кувшин был с маслом. Марджана открыла его и стала переливать масло в котёл.

А разбойникам уже очень надоело сидеть в кувшинах скрючившись. У них так болели кости, что они не могли больше терпеть. Услышав шаг Марджаны, они подумали, что это атаман пришёл за ними, и один из них тихо сказал:

— Наконец-то ты пришёл, атаман! Скорее позволь нам выйти из этих проклятых кувшинов и дай расправиться с хозяином этого дома, нашим врагом.

Марджана, услышав голос из кувшина, чуть не упала от страха и выронила светильник. Но она была умная и храбрая девушка и сразу поняла, что торговец маслом — злодей и разбойник, а в кувшинах сидят его люди и что Али-Баба грозит страшная смерть.

Она подошла к тому кувшину, из которого послышался голос, и шепнула:

— Скоро придёт поря. Молчи, а то тебя услышат собаки. Их на ночь спустили с цепи.

Потом она подошла к другому кувшину и спросила:

— Кто тут?

— Я, Хасан, — ответил голос из кувшина.

— Будь готов, Хасан, скоро я освобожу тебя.

Так она обошла все кувшины и узнала, что в тридцати восьми кувшинах сидят разбойники и только в два кувшина налито масло.

Марджана схватила котёл с маслом, побежала на кухню и нагрела масло на огне так, что оно закипело. Потом вышла во двор и плеснула кипящим маслом в кувшин, где сидел разбойник. Тот не успел и крикнуть — сразу умер. Покончив с одним врагом, Марджана принялась за других. Она кипятила масло на огне и обливала им разбойников, пока не убила всех. А затем она взяла сковородку и нажарила много румяных блинчиков, красиво уложила их на серебряное блюдо, облила маслом и понесла навёрх, в комнату, где сидели Али-Баба и его гость.

Али-Баба не переставал угощать атамана разбойников, и скоро тот так наелся, что еле мог двигаться. Он лежал на подушках, сложив руки на животе, и тяжело дышал. Али-Баба увидел, что гость сыт, и захотел повеселить его. Он крикнул Марджане:

— Эй, Марджана, спляши для нашего гостя самую лучшую из твоих плясок!

— Слушаю и повинуюсь, господин, — ответила Марджана с поклоном. — Позволь мне только пойти и взять покрывало, потому что я буду плясать с покрывалом.

— Иди и возвращайся, — сказал Али-Баба.

Марджана убежала к себе в комнату, завернулась в вышитое покрывало и спрятала под ним острый кинжал. А потом она возвратилась и стала плясать.

Али-Баба и атаман разбойников смотрели на неё и качали головами от удовольствия.

И вот Марджана посреди танца стала всё ближе и ближе подходить к атаману. И вдруг она, как кошка, прыгнула на него и, взмахнув кинжалом, вонзила его в сердце разбойника. Разбойник громко вскрикнул и умер.

Али-Баба остолбенел от ужаса. Он подумал, что Марджана сошла с ума.

— Горе мне! — закричал он. — Что ты наделала, безумная? В моем доме убит чужеземец! Стыд и позор на мою голову!

Марджана опустилась на колени и сказала:

— Выслушай меня, господин, а потом делай со мной что хочешь. Если я виновата, убей меня, как я убила его.

И она рассказала Али-Бабе, как она узнала о разбойниках и как погубила их всех.

Али-Баба сразу понял, что это те самые разбойники, которые приезжали к пещере и убили Касима.

Он поднял Марджану с колен и громко закричал:

— Вставай, Зейнаб, и разбуди Фатиму! Нам грозил страшная смерть, а эта смелая и умная девушка спасла всех нас!

Зейнаб и Фатима сейчас же прибежали и крепко обняли Марджану, а Али-Баба сказал:

— Ты не будешь больше служанкой, Марджана. С этого дня ты будешь жить вместе с нами, как наша родная сестра.

И с этих пор они жили спокойно и счастливо, пока не пришла к ним смерть.

Сказка о рыбаке

Жил-был когда-то давно один рыбак. У него были жена и трое детей. Целый день он ловил рыбу, а вечером продавал её на рынке и покупал хлеб и мясо для

своей семьѣ. И каждый день он закидывал сеть три раза — не больше.

И вот однажды утром он положил на плечо свою сеть, взял корзину и пошел ловить рыбу. Он поставил корзину на берег, засучил рукава и закинул сеть как можно дальше в море. Когда сеть погрузилась в воду, рыбак осторожно потянул ее назад и почувствовал, что сеть тяжѣлая.

«В нее, наверно, попало много рыбы», — подумал рыбак. Когда он вытянул сеть на берег и развернул ее, то увидел, что в сети запутался мертвый осел и сеть вся порвана.

«Вот чудо! — подумал рыбак. — Я уже много лет ловлю здесь рыбу, но ни разу мне в сеть не попадался осел».

Рыбак кое-как починил сеть и еще раз закинул ее в море. Когда сеть погрузилась в воду, он попробовал ее вытянуть, но опять сеть была тяжѣлая, тяжелѣй, чем в первый раз.

Наконец он вытащил сеть на берег и развернул ее и нашел в ней черепки, осколки стекла и кости.

— Горе мне! — закричал рыбак и ударил рукой об руку. — Кажется, в море подохла вся рыба. Закину сеть еще, в последний раз, и если ничего не поймаю, придется мне вернуться домой без рыбы.

И снова закинул рыбак свою сеть в море и дождался, пока она погрузилась в воду. Он начал ее вытягивать, но сеть никак не поддавалась.

«Она, верно, зацепилась за что-нибудь», — подумал рыбак. Он быстро разделся, вошел в воду и нырнул. Долго пришлось ему биться над сетью, пока он не отцепил ее. А когда он вытащил сеть на берег, в ней оказался большой медный кувшин, запечатанный свинцовой печатью.

Рыбак обрадовался и сказал сам себе: «Посмотрю, что такое в этом кувшине, и продам его. На рынке медников мне за него могут дать, пожалуй, золотой».

Он вынул из-за пазухи нож и попробовал сорвать печать, но она плотно пристала к горлышку кувшина и не поддавалась. Наконец рыбаку удалось открыть кувшин, и он наклонил его. Но из кувшина ничего не вылилось.

— Он пустой! А я-то думал, в нём золото! — воскликнул рыбак и поставил кувшин прямо.

И вдруг из кувшина пошёл густой дым. Он поднимался всё выше и выше и наконец дошёл до самых облаков. И когда дым весь вышел из кувшина, дым этот превратился в огромное чудовище, у которого ноги были на земле, а голова — в небе.

Руки у него были длинные, до самых пяток, пальцы — крючковатые, с когтями, как у льва. Ноги его, точно столбы, росли в землю, во рту, широко, как городские ворота, торчали длинные острые зубы, из ноздрей валил дым, а из глаз летели искры. И голова — огромная, точно купол, — качалась из стороны в сторону. И вдруг этот великан закричал страшным голосом, от которого загудело всё вокруг:

— Слушай, рыбак! Сейчас я тебя обрадую.

Рыбак со страху упал на землю. У него во рту пересохло и зубы громко застучали. Полежав немного, он поднял голову и спросил:

— Чем же ты меня обрадуешь, о джинн?

— Тем, что убью тебя сию же минуту.

— О начальник джиннов, не убивай меня! — закричал рыбак. — Я ведь только что вытащил тебя со дна моря.

— За то, что ты меня вытащил, я окажу тебе милость: выбирай, какой смертью хочешь умереть. Что тебе приятнее: чтобы я тебя разорвал, повесил или утопил в море?

— За что ты меня убиваешь? — спросил рыбак.

— Послушай мою историю, о рыбак, — сказал джинн.

— Рассказывай, да поскорей, а то мне страшно на тебя смотреть, — ответил рыбак.

— Знай, рыба́к, — сказа́л джи́нн, — что я был стра́жником у ца́ря ифрита́в. Одна́жды я ослу́шался ца́ря, и ца́рь велел посади́ть меня́ в э́тот кувши́н и бро́сить в мо́ре. Я пролежа́л в мо́ре сто лет и сказа́л: «То́му, кто освободи́т меня́, я дам мно́го де́нег». Но никто́ не освободи́л меня́. Когда́ прошло́ ещё сто лет, я сказа́л: «То́му, кто освободи́т меня́, я исполню́ все жела́ния». Но о́пять никто́ не освободи́л меня́. Прошло́ ещё пятьсо́т лет, и я сказа́л: «То́му, кто освободи́т меня́, я откро́ю сокро́вища земли́». Но я пролежа́л в кувши́не ещё ты́сячу лет, и никто́ не освободи́л меня́. Тогда́ я о́чень рассерди́лся и сказа́л сам себе́: «Всякого, кто меня́ освободи́т, я убью́ и дам ему́ вы́брать, како́й сме́ртью умереть». И вот ты освободи́л меня́ — выбира́й же, как тебе́ умереть.

Когда́ рыба́к услы́шал слова́ ифрита́, он гро́мко запла́кал и сказа́л:

— Помилуй меня́ за то, что я освободи́л тебя́ из кувши́на.

— Я потому́ и хочу́ уби́ть тебя́, что ты меня́ освободи́л, — сказа́л ифрит.

И тогда́ рыба́к подумал: «Э́то — ифрит, а я — человек, и у меня́ есть разу́м, кото́рый помо́жет мне перехитри́ть ифрита́».

— О ифрит, — сказа́л он, — е́сли уж ты непреме́нно хо́чешь меня́ уби́ть, отве́ть мне сна́чала на о́дин вопро́с.

— Спра́шивай скорей, мне неко́гда, — отве́чал ифрит.

— Ты говори́шь, — сказа́л рыба́к, — что твой ца́рь велел посади́ть тебя́ в э́тот кувши́н. Но кувши́н ма́ленький, а ты большо́й. Как же ты умести́лся в э́том кувши́не?

— Так ты не ве́ришь, что я был в кувши́не и пролежа́л на дне мо́ря сто́лько лет? — закрича́л ифрит.

— Никогда́ тебе́ не пове́рю, пока́ не уви́жу тебя́ в кувши́не свои́ми глаза́ми, — отве́чал рыба́к.

— Клянусь тебе́, что я был в э́том кувши́не!

— Не клянись, — сказа́л рыба́к, — всё равно́ я тебе́ не пове́рю.

— Хо́чешь, я тебе́ докажу́, что я был в кувши́не? — сказа́л ифрít.

— Хо́чу, — отве́тил рыба́к.

Ифрít по́днял одну́ но́гу и опусти́л её в кувши́н.

— Смотри́, рыба́к: вот моя́ нога́ в кувши́не, — сказа́л он.

— А второ́я? — закрича́л рыба́к.

Ифрít по́днял друго́ю но́гу и су́нул её в кувши́н.

— Тепе́рь обе́ но́ги вме́сте в кувши́не. Ты пове́рил? — спроси́л он рыбака́.

— А ко́лени куда́ ты де́нешь? — крикну́л рыба́к.

— Я покажу́ тебе́, — отве́тил ифрít и опусти́лся в кувши́н по по́яс. — Тепе́рь ты ве́ришь?

— А живо́т и грудь, в кото́рых два́дцать четверте́й вы́соты, куда́ ты их де́нешь? — продо́лжа́л рыба́к.

— О несча́стный! — крикну́л ифрít. — Ты всё ещё́ не ве́ришь?

И он опусти́лся в кувши́н по ше́ю, а рыба́к сказа́л:

— Я ещё́ ви́жу э́ту го́лову, большо́ю, как ку́пол. Для неё-то и не хвата́ло ме́ста.

— Если я скро́юсь в кувши́не с голово́й, ты пове́ришь? — спроси́л ифрít.

— Пове́рю, — сказа́л рыба́к.

И ифрít су́нул го́лову в кувши́н, и, как то́лько он э́то сде́лал, рыба́к бы́стро схвати́л печа́ть, плóтно за́кры́л го́рлышко кувши́на и покати́л его́ по песку́ к мо́рю.

— Что ты хо́чешь сде́лать, рыба́к? — закрича́л джинн.

— Я хо́чу бро́сить тебя́ в мо́ре, где ты уже́ проле́жа́л сто́лько лет, — сказа́л рыба́к.

— Не на́до! — крикну́л ифрít.

Но рыба́к продо́лжа́л толка́ть кувши́н к мо́рю и го́ворил:

— Я сбро́шу тебя́ на дно мо́ря и сяду́ на бере́гу. А когда́ кто́-нибудь приде́т сюда́ с се́тями, я скажу́:

не ловите рыбу в этом месте. Здесь — ифрит. Всякому, кто его вытащит, он предлагает выбрать, какой смертью умереть.

— Выпусти меня, я окажу тебе милость, — сказал ифрит.

— Ты лжешь, проклятый! — закричал рыбак. — Если я тебя выпущу, ты сделаешь со мной то же, что сделал царь Юнан с врачом Дубаном.

— А кто такие царь Юнан и врач Дубан? — спросил ифрит.

— Слушай, я тебе расскажу, — ответил рыбак.

Был в одном персидском городе царь, которого звали царь Юнан. У него было много денег, войск и телохранителей, но всё тело было у него в пятнах, и ни один врач не мог его вылечить. Царь Юнан целые дни пил лекарства, глотал порошок и мазался мазями, но болезнь всё не проходила, и приближённые царя решили, что он уже не поправится.

И вот однажды пришёл в город царя Юнана старый, седой врач по имени Дубан. Он прочитал все врачебные книги — арабские, персидские и греческие, и не было такой болезни, которую он не мог бы вылечить. Врач Дубан скоро услышал, что царь Юнан очень болен. Тогда он раскрыл свои книги и читал их целый день и целую ночь, а потом он вынул из своей сумки разные мази и травы и приготовил из них лекарство. Когда лекарство было готово, врач Дубан взял палку и выдолбил её и положил лекарство в эту палку, а к палке он приделал сверху круглую ручку.

И когда наступило утро, врач Дубан пошёл во дворец и сказал царю Юнану:

— О царь, вот уже много лет, как ты лечишься от своей болезни, а она всё не проходит. Хочешь, я тебя вылечу?

— Хочу, — сказал царь. — А когда это будет? Поторопись, врач, мне уже очень надоело лечиться.

— Это будет завтра, — ответил врач Дубан. — Только смотри слушайся меня и делай всё, что я тебе скажу. Иди и ложись спать. Спи весь день и всю ночь, а утром выезжай на поле, где играют в мяч, и жди меня.

Царь проспал день, проспал ночь, а утром сел на коня и выехал в поле.

Врач Дубан тоже скоро пришёл. Он подал царю палку с круглой ручкой и сказал:

— Возьми эту палку и бей по мячу изо всей силы. Гоняйся за мячом на своём коне, пока не вспотеешь, и всё время сжимай ручку палки как можно сильней. Когда ты вспотеешь, лекарство разойдётся по твоему телу — и ты поправишься.

Царь послушался врача Дубана и стал гоняться по полю за мячом. Когда его конь выбился из сил и царь сам чуть не упал с седла от усталости, врач Дубан сказал:

— Теперь довольно. Слезай с коня, сходи в баню и ложись спать. А когда проснёшься — будешь здоров.

И правда, когда царь проснулся на следующее утро и вышел из своей спальни, тело у него было чистое и блестящее, как серебро, — без единого пятнышка. Все приближённые царя удивились искусству врача Дубана, а царь Юнан призвал его к себе и сказал:

— Теперь ты мой самый лучший друг. Проси чего хочешь.

— Мне ничего не надо, — сказал врач. — Позволь мне только видеть тебя и с тобой разговаривать.

— Приходи ко мне каждый день обедать, — сказал царь.

Он дал врачу много денег и подарил ему чистокровного коня и шелковый халат, весь расшитый золотом. И врач сел на коня и уехал.

С тех пор он каждый день приезжал во дворец к царю Юнану, и царь сажал его рядом с собой на трон. Врач Дубан стал для него дороже всех приближённых, и он советовался с ним обо всех своих делах.

А у царя был визирь — Махмуд Плешивый, злой и завистливый человек. Он позавидовал врачу Дубану и решил его погубить. И вот как-то раз после обеда, когда врач Дубан только что уехал, этот Махмуд Плешивый пришёл к царю и сказал:

— О царь, ты оказал мне много милостей, и я должен дать тебе совет.

— Говори скорей, — сказал царь.

— О царь, — продолжал визирь, — ты каждый день зовёшь к себе врача Дубана и обедаешь с ним. А этот врач — злодей, и он хочет тебя убить.

— Это ты напрасно говоришь, визирь, — сказал царь. — Разве ты не видел, как врач Дубан меня вылечил? У меня нет друга дороже этого врача. Завтра я дам ему ещё халат и десять кошельков золота.

— Опомнись, о царь! — сказал визирь. — Этот Дубан вылечил тебя палкой, которую ты подержал в руке, а завтра он, может быть, убьёт тебя чем-нибудь, что ты понижаешь. Вот тебе мой совет: когда врач к тебе придёт, вели палачу отрубить ему голову. Тогда ты избавишься от этого врача и спасёшься от смерти.

— Ты это всё говоришь из зависти, — сказал царь. — Врач Дубан — мой лучший друг, и если я его убью, то буду раскаиваться, как раскаивался царь, когда убил сокола.

— А как это было? — спросил визирь.

— Слушай, я тебе расскажу, — сказал царь Юнан. — Один царь очень любил охотиться. Он приручил сокола, чтобы пускать его вдогонку за дичью, и этот сокол всегда сидел у него на руке. А на шее у царя висела чашка, и он поил из неё своего сокола, когда соколу хотелось пить.

И вот однажды рано утром пришёл к царю главный сокольник и говорит:

«О царь, порá ехать на охоту».

Царь велел своим приближённым выезжать и сам сел на коня и поехал вперёд всех. Охотники еха-

ли до самого полдня и наконец приехали в одно место, где водилось много газелей¹. Царь велел своим людям встать в круг и растянуть сеть, и вдруг в сеть попала газель.

«Всякого, кто упустит эту газель, я убью своими руками!» — закричал царь.

И вдруг газель подошла к царю и встала перед ним на задние ноги, а передние сложила на груди и низко поклонилась царю. Царь так удивился, что нагнул голову и тоже поклонился газели, и вдруг газель перескочила через голову царя и убежала.

«Лови её, лови!» — закричал царь и поднял голову и увидел, что все охотники переглядываются и смеются.

«Чего вы смеетесь?» — спросил царь.

И один из охотников выступил вперед и сказал: «О царь, ты говорил, что убьешь всякого, кто упустит газель, но ты сам упустил её».

«Пусть я не буду царем, — закричал царь, — если я не поймаю эту газель! Ждите меня здесь и не двигайтесь».

Он вскочил на коня и погнался за газелью и скакал до тех пор, пока не настиг её. Он спустил с руки своего сокола, и сокол ударил газель крыльями по голове и ослепил её. Тогда царь сошел с коня и зарезал эту газель.

А день был жаркий, и царю очень хотелось пить, и коню его тоже. Он осмотрелся и увидел, что находится на высокой горе, где нет ни одного ручейка. Прямо перед ним росло дерево, а с дерева капала вода, похожая на масло.

Царь снял с шеи чашку и сошел с коня и, набрав в чашку этой воды, поставил её перед конем. И вдруг сокол ударил по чашке крылом и расплескал воду.

Царь подумал, что птица тоже хочет пить, и ещё раз набрал полную чашку воды. Он поставил её пе-

¹ Газель — животное из семейства антилоп, отличающееся быстротой бега и стройностью.

ред соколом, но сокол опять опрокинул чашку ударом крыла.

«Скверная птица! — закричал царь. — Ты лишила воды и себя и моего коня».

Снова наполнил он водой чашку и хотел выпить сам, но сокол вдруг закричал, захлопал крыльями и выбил чашку из рук царя. Царь очень рассердился, взмахнул мечом и отрубил соколу крылья. А сокол стал махать головой и показывать клювом на дерево. Царь поднял голову и увидел, что на верхушке дерева сидит змея и с дерева капает не вода, а змеиный яд. И вдруг сокол громко закричал, раскрыл клюв и умер. И царь пожалел, что убил сокола, который спас ему жизнь, и горько заплакал, но помочь горю было уже нельзя...

Так и я буду раскаиваться, если послушаюсь тебя и убью врача Дубана, который вылечил меня от болезни. Уходи же с моих глаз, о визирь, и не давай мне больше таких советов.

— О царь, — сказал визирь, — врач не сделал мне ничего дурного, и я советую тебе его убить только из жалости к тебе. Если ты доверишься этому врачу, он убьет тебя и сядет вместо тебя на трон. Ведь он вылечил тебя чем-то, что ты взял в руки, и, может быть, он тебя убьет чем-нибудь, что ты понюхаешь.

Царь испугался — а вдруг это и правда так будет? — и сказал:

— Ты прав, о визирь! Если врач вылечил меня палкой, которую я взял в руки, то он может меня убить чем-нибудь, что я понюхаю. Но как же мне с ним поступить?

— Пошли за ним сейчас же, — сказал визирь, — и, когда он придет, отрубь ему голову. Обмани его раньше, чем он тебя обманет.

— Ты правильно говоришь, — сказал царь и послал за врачом.

Врач сейчас же пришел, радостный и довольный, не зная, какая его ждет беда.

— Зна́ешь, зачём я тебя позва́л? — спроси́л его́ царь Юна́н.

— Нет, не зна́ю. Никто́ не зна́ет неизвёстного, — отве́тил Дуба́н.

— Я позва́л тебя́, что́бы уби́ть, — сказа́л царь.

Врач Дуба́н го́рько запла́кал и сказа́л царю́ Юна́ну:

— Что же я тебе́ сде́лал и за что ты хо́чешь меня́ уби́ть?

— Мне говори́ли, — сказа́л царь Юна́н, — что ты пришёл в моё ца́рство для того́, что́бы погуби́ть меня́. И вот я убью́ тебя́ ра́ньше, чем ты меня́ убьёшь. Ты вы́лечил меня́ па́лкой, кото́рую я взял в ру́ку, и убьёшь меня́ чём-нибудь, что я пони́хаю, и́ли чём-нибудь дру́гим.

— Пожа́ди меня́, не убива́й! — сказа́л врач Дуба́н.

Но царь воскли́кнул:

— Тебя́ непреме́нно ну́жно уби́ть!

— О царь, — сказа́л оди́н из прибли́жённых, — подарí мне жизнь э́того врача́ и не убива́й его́. Он не сде́лал тебе́ ниче́го дурно́го и вы́лечил тебя́ от боле́зни, когда́ никто́ не мог тебя́ вы́лечить.

— Э́тот врач пришёл, что́бы меня́ погуби́ть. Так сказа́л мой визи́рь Махму́д Плешивы́й! — закрича́л царь. — Э́й, пала́ч, отруби́ ему́ го́лову!

— Если уж ты реши́л меня́ уби́ть, — сказа́л врач Дуба́н царю́ Юна́ну, — дай мне отсро́чку до утра́. Отпусти́ меня́ домо́й, и я подарю́ тебе́ все свои́ кни́ги. А среди́ них есть така́я кни́га, како́й нет ни у одно́го царя́.

— Хорошо́, — сказа́л царь. — Ступа́й домо́й, а за́втра у́тром принеси́ мне кни́гу.

Царь Юна́н це́лую ночь воро́чался с бо́ку на́ бок и не мог засну́ть, до того́ ему́ не терпе́лось уви́деть кни́гу, кото́рую обеща́л ему́ подарить́ врач. Едва́ рас-свелó, царь вскочи́л с постёли и закрича́л:

— Привести́ сюда́ врача́ Дуба́на!

И врача́ привели́ под охра́ной двух стра́жников. В рука́х у него́ была́ кни́га и горшо́чек с порошко́м.

— Давай сюда твою книгу! — закричал царь.

— Подожди, о царь, — сказал врач, — потерпи ещё немного. Вели принести большое блюдо.

— Эй, блюдо поскорей! — крикнул царь, и двое слуг бегом бросились из комнаты и принесли блюдо.

Тогда врач Дубан высыпал на блюдо порошок из горшочка, разровнял его и сказал:

— О царь, возьми эту книгу, но не раскрывай её, пока мне не отрежут голову. А когда меня казнят, поставь мою голову на блюдо и прикажи её натереть этим порошком. Потом раскрой книгу и спрашивай что хочешь. Моя голова ответит на все вопросы.

Царь очень удивился и весь затрясся от любопытства. Он махнул рукой, и палач отрубил голову врачу Дубану. И когда голову поставили на блюдо, она вдруг открыла глаза и сказала:

— О царь, раскрой книгу и переверни от начала десять листков.

Царь раскрыв книгу и хотел перевернуть листок, но листки слиплись и пристали друг к другу. Царь поклонил палец и перевернул один листок, и другой, и третий, и когда царь Юнан дошёл до десятого листка, он вдруг зашатался и побледнел.

— В этой книге — яд! — закричал царь. — Меня отравили!

А голова врача Дубана пошевелила губами и сказала:

— Я тебя вылечил, а ты меня убил. Я просил пощады, а ты не пощадил. Вот наказание за твою жестокость.

И как только голова Дубана произнесла эти слова, царь сейчас же упал мёртвый...

— Так и ты, о ифрит, хотел меня убить, хотя я оказал тебе услугу и выгасил тебя со дна моря. А теперь я опять сброшу тебя туда.

— О рыбак, — закричал ифрит, — не делай этого! Если я был злодеем, то будь ты благодетелем.

Обещаю тебе, что я тебе не сделаю зла и научу тебя, как разбогатеть.

Долго упрашивал ифрит рыбака, и наконец рыбак согласился. Он открыл кувшин, дым пошел вверх и опять превратился в ифрита, и как только ифрит вышел из кувшина, он сейчас же пихнул кувшин ногой и сбросил в море. Тут рыбак до того испугался, что весь задрожал, но ифрит рассмеялся и сказал:

— Иди за мной.

И рыбак пошел сзади ифрита, не веря, что спасся, и шел до тех пор, пока они не вышли за город. Они поднялись на гору и спустились в широкую долину, и вдруг рыбак увидел перед собой пруд, которого никогда не видел раньше.

— Посмотри на этот пруд, — сказал ифрит, и рыбак посмотрел и увидел, что в пруду много рыб разного цвета — белых, красных, голубых и желтых.

— Что это за пруд и почему рыбы в нем разноцветные? — спросил рыбак.

— О рыбак, закинь твою сеть, — сказал ифрит.

И рыбак закинул сеть в пруд и вытащил ее и вдруг видит — в сети четыре рыбы: белая, красная, голубая и желтая.

— О рыбак, — сказал ифрит, — снеси эту рыбу во дворец к царю, и царь даст тебе за нее столько денег, что тебе хватит на всю жизнь. Приходи сюда каждый день и лови рыбу, но закидывай сеть не больше чем три раза. А теперь — прощай и извини меня, если я тебя чем-нибудь обидел.

Ифрит ударил ногой о землю, и земля под ним расступилась и поглотила его. А рыбак вернулся домой, положил рыбу в лоханку и понес ее к царю, как велел ему ифрит.

Он пришел во дворец и показал рыбу. Царь очень удивился: он никогда раньше не видел таких рыб.

— О визирь, — сказал он, — отдай этих рыб новой стряпухе, которую мне недавно подарил царь руй-

мов. Пусть она их изжарит, и мы увидим, хорошо ли она стряпает.

— Слушаю и повинуюсь, — сказал визирь и повёл рыбака на кухню. Он отдал рыбу стряпухе, и стряпуха, увидев этих рыб, тоже очень удивилась.

— О девушка, — сказал визирь, — царь хочет испытать твоё искусство. Изжарь же этих рыб как следует.

И потом визирь вернулся к царю, а царь велел ему заплатить рыбаку четыреста золотых динаров — по сто динаров за каждую рыбу. И рыбак положил деньги за пазуху и вернулся домой радостный и счастливый.

А стряпуха вычистила рыбу, поставила сковороду на огонь и положила рыбу жариться. Когда рыба поджарилась с одной стороны, стряпуха хотела её перевернуть, но едва она дотронулась до рыбы, как стена кухни вдруг раздвинулась, и из неё вышла молодая женщина с зелёной веткой в руке. Она дотронулась веткой до рыбы, и рыба превратилась в уголь, а потом эта женщина ушла, и стена снова сдвинулась.

Стряпуха до того испугалась, что упала на пол без памяти. А очнувшись, она увидела, что вся рыба сгорела.

— Что теперь будет! — закричала стряпуха. — Царь хотел меня испытать, а я сожгла рыбу. — И она опять упала на пол без чувств.

А тут как раз вошёл в кухню визирь.

Он увидел, что стряпуха лежит на полу, и толкнул её ногой, и тогда она пришла в себя и рассказала ему всё, как было.

— Это удивительное дело, — сказал визирь.

Он сейчас же послал за рыбаком и, когда рыбак привёл, закричал:

— О рыбак, принеси мне ещё четыре такие же рыбы — белую, красную, голубую и желтую!

Рыбак пошёл к пруду, закинул сеть и вытянул её и вдруг видит: в сеть опять попались четыре рыбы —

бѣлая, красная, голубая и желтая. Он принёс этих рыб визирю и получил за них четыреста динаров, а визирь пошёл на кухню и сказал стряпуче:

— Возьми этих рыб и изжари их при мне, чтобы я увидел, что будет.

И девушка приготовила рыбу и бросила её на сковородку. И когда рыба поджарилась с одной стороны, стена кухни раздвинулась, и из неё вышла та же самая женщина с веткой в руке. Она дотронулась веткой до рыб, и все рыбы сгорели, а женщина перевернула сковородку и ушла, а стена снова сдвинулась.

— Такое дело нельзя скрывать от царя! — закричал визирь. — Царь должен видеть это своими глазами.

И визирь бегом побежал к царю, путаясь в полах халата, и рассказал ему обо всём, что он видел.

— Ко мне рыбака, сию же минуту! — закричал царь, и, когда рыбак привели, царь велел ему принести ещё четыре разноцветные рыбы и приставил к нему трёх стражников, чтобы рыбак не убежал.

Рыбак в третий раз пошёл к пруду и принёс ещё четыре такие же рыбы. Тогда царь сказал своему визирю:

— Я сам изжарю их и посмотрю, что будет.

Он засучил рукава, повязал себе вокруг пояса полотёнце, взял в руки нож и вычистил рыбу. Потом он нагрел масло на сковородке и положил рыбу в масло, и вдруг масло поднялось и вспенилось и от него пошёл густой дым. Царь так испугался, что выронил нож и присел на землю, и вдруг стена раздвинулась, и из неё опять вышла женщина. В правой руке у неё был меч, а в левой — две змеи. Змеи были покрыты такими иглами, как у ежа; изо рта у них шёл синий дым.

Женщина закричала в лицо царю, и царь упал на спину от страха, а женщина сказала ему:

— Посмотри на меня хорошенько и запомни моё лицо. Если ты ещё раз будешь ловить мою рыбу, я

превращу твой город в море и всех твоих воинов в рыб.

Потом она опять закричала на царя, и царь лишился чувств, а когда он очнулся, то не увидел ни рыбы, ни сковороды, ни женщины, и стена кухни сдвинулась, как раньше.

Царь выбежал из кухни и закричал своему визи́рю:

— Приведи сюда рыбака, да поскорее!

Стражники побежали за рыбаком и привели его, а рыбак дрожал от страха и не рад был, что принёс царю разноцветных рыб.

— Эй, рыбак, откуда эти рыбы? — спросил его царь.

— Из пруда в долине между четырёх гор, — отвечал рыбак.

— А сколько дней пути до этого пруда?

— Пути полчаса, о владыка, наш царь.

И царь удивился: он не знал, что так близко от его города есть пруд с разноцветными рыбами. Он велел своим приближённым садиться на коней и сам сел на коня, и они поехали. А рыбак шёл впереди и показывал дорогу, ожидая для себя какой-нибудь беды.

Они поднялись на гору и спустились в широкую долину. Посредине долины был большой пруд, а в пруду плавали разноцветные рыбы: белые, красные, голубые и жёлтые.

— Знал ли кто-нибудь из вас раньше про этот пруд? — спросил царь своих приближённых.

И все, кто был с царём, ответили:

— Нет.

— Я не войду в мой город и не сяду на трон, пока не узнаю правду про этот пруд и про разноцветных рыб! — воскликнул царь.

Он подозвал своего визи́ря и сказал ему:

— О визи́рь, я задумал одно дело. Я уйду сегодня ночью один и узнаю, что это за пруд и почему ры-

бы в нём разноцвѣтные. А ты садись у входа в мою палатку и говори всякому, кто будет меня спрашивать: «Царь нездоров и приказал мне никого не впускать к нему».

Потом царь переменял одежду, опоясался мечом и пошёл. Он шёл всю ночь и весь день и вторую ночь до утра и вдруг он увидел вдали что-то чёрное.

Царь обрадовался и воскликнул:

— Может быть, я встречу кого-нибудь, кто расскажет мне об этом пруде и о рыбах!

Он подошёл ближе и увидел дворец, выстроенный из чёрного камня и блестящего железа. Царь тихонько постучался в ворота, но никто не открыл ему. Он постучался второй раз и третий, но не услышал ответа, и тогда царь что было силы ударил рукой в ворота, но никто не ответил ему.

«Во дворце, верно, никого нет», — подумал царь. Он толкнул ворота, и вдруг они открылись. Царь прошёл через двор и вошёл во дворец, но не увидел ни одного человека.

— О жители дворца, — крикнул тогда царь, — я чужестранец и путешественник! Нет ли у вас чего-нибудь поесть?

Никто не откликнулся на слова царя, и царь удивился и опечалился. Он сел на скамью около двери и вдруг услышал чьи-то стоны и рыдания. Царь прислушался и пошёл в ту сторону, откуда доносились стоны. Скоро он пришёл в большую комнату; посредине этой комнаты стоял высокий трон, а на троне сидел красивый юноша в шелковом халате и горько плакал. Царь обрадовался и сказал:

— Мир тебе, о юноша! Как хорошо, что я тебя увидел! Скажи мне, почему ты плачешь и что это за дворец? Отчего ты сидишь один и у тебя нет приближённых?

Юноша ничего не отвечал царю и продолжал плакать и стонать.

Царь рассердился и сказал:

— О юноша, почему ты не встаёшь передо мной и не отвечаешь на моё привётствие? Разве ты не знаешь, что я царь этой страны?

Тут юноша заплакал ещё сильнее и сказал:

— О владыка, наш царь, если бы ты знал, что со мной случилось, ты бы не гневался на меня.

Он приподнял полу своего халата, и царь увидел, что снизу до пояса он каменный, а от пояса до волос на голове он человек. Царь громко вскрикнул от ужаса и сказал:

— Я хотел узнать правду об этом дворце и о рыбах, а теперь приходится спрашивать и о них и о тебе. Расскажи мне скорей, кто совершил такое злодеяние?

— Слушай меня внимательно, — сказал юноша. — Со мной случилась удивительная история.

Знай, что мой отец был царём этой страны и звали его Махмуд, царь Чёрных островов. Он процарствовал семьдесят лет и умер, и я стал царём после него. А у меня была жена, и я очень её любил. И вот однажды вечером она велела затопить баню и пошла мыться, а я лежал на подушках и ждал её. Вдруг я услышал из соседней комнаты голоса двух её невольниц, которые разговаривали между собой.

«Бедный наш господин! — сказала одна из них. — Он думает, что наша госпожа его любит. А она каждый вечер подсыпает ему в вино сонный порошок и, когда он заснёт, уходит. Утром она даёт ему что-то понюхать, и он просыпается. Скоро она совсем убьёт его и станет вместо него царицей. Смотри только никому не говори то, что я тебе сказала. Вот идёт наша госпожа».

И правда, моя жена вошла в комнату и велела невольницам подавать ужин. Я так испугался, когда услышал слова невольницы, что ничего не сказал жене. После ужина она велела подать питьё, которое я пил на ночь, и налил его в мой кубок, но я только притворился, что пью, а сам вылил питьё за пазуху

и сейчас же захрапел, как храпит спящий. И моя жена надела своё лучшее платье, повязала вокруг пояса мой меч и сказала:

«Спи всю ночь и не просыпайся. Недолго тебе осталось жить. Скоро я убью тебя и сама стану царицей».

Потом она вышла из комнаты, и я поднялся и пошёл за ней следом. Она дошла до городских ворот и произнесла какие-то слова, которых я не понял, и вдруг замки упали с ворот и ворота раскрылись. Моя жена вышла за ворота (а я всё шёл за ней) и подошла к какой-то хижине, построенной из глины. Она вошла в эту хижину, а я забрался на крышу и посмотрел сверху вниз, и вдруг я увидел, что посреди хижины лежит негр, у которого одна губа как одеяло, а другая — как башмак, и он подбирает ею песок с земли. Я посмотрел на него хорошенько и узнал его. Это был страшный колдун по имени Абуль-Асвад. Он затаил злобу на моего отца за то, что тот выгнал его из города, и поклялся, что погубит меня. Этот колдун был болен проказой и не выходил из своей хижины.

Когда моя жена подошла к нему, он закричал на неё:

«О негодная, почему ты опоздала? Я уже давно жду тебя, чтобы сговориться, когда мы убьём твоего мужа и завладеем его царством, а ты всё не идёшь!»

«О господин мой, — сказала моя жена, — я, право, не виновата. Будь на то моя воля, не вошло бы ещё солнце, как его город лежал бы в развалинах. Но ты ведь знаешь, что время ещё не настало».

«О проклятая! — закричал колдун. — Если ты завтра же не убьёшь своего мужа, я перестану учить тебя колдовству. Ты играешь со мной всякие шутки и обманываешь меня».

Когда я услышал эти слова, о царь, у меня потемнело в глазах от гнева и я перестал сознавать, что делаю. Я спустился с крыши, вошёл в хижину, схва-

тил меч, который моя жена принесла с собой, и ударил негра по шее. Негр страшно захрипел, и я решил, что убил его. Я бросил меч, вернулся во дворец и лёг в постель, а утром пришла моя жена и ничего не сказала мне. И я тоже ничего не сказал ей, так как боялся её.

А через несколько дней она обрехала волосы и надела одежды печали.

«Что с тобой случилось?» — спросил я её.

«О господин мой, — отвечала мне жена, — я узнала, что моя матушка скончалась, что отец мой убит на войне, а из двух моих братьев одного ужалила змея, а другой свалился в пропасть. Позволь мне построить в нашем дворце гробницу и перенести в неё их тела. Я буду плакать над ними и печалиться о них».

«Делай, как тебе вздумается», — сказал я.

И моя жена построила посредине дворца гробницу с куполом и сидела там днём и ночью.

А я боялся её и не говорил ей ни слова про колдуну, про то, что я слышал в ту ночь.

Но однажды я не вытерпел и вошёл в гробницу, где сидела моя жена, и услышал, как она плачет и говорит:

«О господин мой, скажи мне хоть словечко! Скоро ли ты поправишься и мы с тобой убьём моего мужа и будем царствовать в его городе?»

Тут я подбежал к гробнице и заглянул в неё и увидел негра, который лежал весь обвязанный и тихо стонал. Я замахнулся на него мечом и хотел его прикончить, но моя жена схватила меня за руку и крикнула:

«Ты уже один раз чуть не убил моего друга и зарубил ему горло так, что он теперь лежит, как мёртвый, и не может говорить, но тебе мало этого. Я хотела тебя пощадить, но теперь нет тебе пощады. Ты будешь ни живой ни мёртвый, пока не кончится срок твоей жизни».

«Да, негодная, это я ударил колдуну мечом, и

сейчас я убью его и тебя с ним вместе!» — закричал я и замахнулся на мою жену мечом.

И вдруг она произнесла какие-то слова, которых я не понял, и сказала:

«Стань по моему колдовству наполовину камнем и наполовину человеком».

И я тотчас же стал таким, как ты видишь, о царь, и не могу подняться с места, и я ни мертвый ни живой. И когда я сделался таким, она заколдовала мой город и все его рынки и сады и превратила город в пруд, острова — в горы. А жителей города она превратила в разноцветных рыб.

И, кроме того, она каждый день меня бьет, сто раз ударяет меня бичом, а после этого она надевает на меня одежду из конского волоса и поверх нее шелковый халат.

— О юноша, — сказал царь, — ты объяснил мне тайну этого пруда и разноцветных рыб и рассеял мою заботу. Но мне жалко тебя, и я хочу тебе помочь. Где лежит негр и где эта женщина?

— Негр лежит больной в своей гробнице, и женщина скоро придет к нему, — ответил юноша.

Царь тотчас же пошел к гробнице, в которой лежал негр. Он подкрался к нему, взмахнул мечом и убил его, а потом взвалил его тело на плечи и бросил в колодец. Затем царь вернулся к гробнице и лег туда вместо негра. Он закрылся его покрывалами и стал ждать, когда придет женщина — жена юноши. Скоро она пришла, и в руках у нее была чашка с лекарством. Она наклонилась над постелью негра и сказала:

— О господин мой, протяни мне руку и скажи хоть словечко, чтобы я знала, что ты поправляешься.

Тут царь зашевелился и сказал слабым голосом на языке негров:

— Ах, ах, мне, кажется, стало лучше.

Услышав его слова, женщина вскрикнула от радости и сказала:

— О господин мой, это правда? Поговори со мной!
И царь сказал заплетаящимся языком:

— О проклятая, разве ты заслуживаешь, чтобы с тобой говорили? Ты каждый день бьёшь своего мужа, и он кричит и не даёт мне спать. Если бы не это, я бы давно поправился.

— Если ты хочешь, я расколдую его, — сказала женщина.

— Освободи его и дай мне отдых, — ответил ей царь.

И женщина пришла к юноше, взяла в руки чашку с водой и проговорила над ней что-то, и вода в чашке забублькала и стала кипеть, как кипит вода в котле на огне.

Потом женщина обрызгала юношу этой водой и сказала:

— Если ты стал таким по моему колдовству, обратись опять в человека.

И вдруг юноша встряхнулся и встал на ноги и опять стал человеком, как прежде, а женщина вернулась к гробнице и сказала:

— О господин, я исполнила то, что ты мне приказал.

— О несчастная, — сказал царь, — ты сделала только половину дела. Каждый раз, когда наступает полночь, рыбы поднимают головы из пруда и проклиняют нас с тобой. Вот почему я не могу поправиться. Иди скорей, снимь с них колдовство, а потом приходи ко мне.

— Слушаю и повинуюсь, о господин мой, — сказала женщина. Она взяла из пруда немного воды и поколдовала над нею, а потом опять вылила её в пруд, и сейчас же рыбы запрыгали и подняли головы и превратились в людей, а горы превратились в острова, как прежде. И торговцы опять начали торговать, и все люди принялись за свои дела, и город стал таким же, как был раньше.

А колдунья вернулась к царю и сказала:

— О господи́н, я испо́лнила твою́ волю. Встань же тепе́рь, е́сли ты здоро́в, и вы́йди из э́той моги́лы.

— Подожди́ ко мне бли́же и дай мне ру́ку, — сказа́л царь сла́бым го́лосом.

И как то́лько же́нщина подала́ ему́ ру́ку, он уда́рил её мечо́м и уби́л. А пото́м он вы́шел из моги́лы и уви́дел заколдо́ванного ю́ношу, кото́рый сто́ял и ждал его́.

— О ю́ноша, — сказа́л царь, — ты оста́нешься жить в своём го́роде и́ли пойдёшь со мной, в мой го́род?

— А зна́ешь ли ты, ско́лько дней пути́ отсю́да до твоего́ го́рода? — спроси́л ю́ноша.

— Два с полови́ной дня, — отве́тил царь.

— О царь, — воскли́кнул ю́ноша, — е́сли ты сяде́шь на хоро́шего коня́ и поска́чешь как мо́жно бы́стрей, то дое́дешь до твоего́ го́рода че́рез год! Ты прише́л сюда́ в два с полови́ной дня пото́му, что го́род был заколдо́ван. Но я не поки́ну тебя́ и поеду́ с тобо́й.

— Ты бу́дешь мо́им сы́ном и насле́дником моего́ ца́рства, — сказа́л царь. — Собира́йся же скорее́ в путь.

И они́ поеха́ли, и е́хали це́лый год, днём и но́чью. И когда́ они́ верну́лись в го́род ца́ря, царь сел на свой трон и сказа́л:

— Позва́ть ко мне рыбака́, кото́рый принёс разно́цветных рыб!

Посла́ли за рыбако́м, и ско́ро он прише́л, и царь рассказа́л ему́ обо всём, что с ним случи́лось. Рыба́к о́чень опеча́лился, услы́шав его́ расска́з, и сказа́л:

— Зна́чит, мне уже́ не приде́тся носи́ть тебе́ рыбу?

— Нет, не приде́тся, — сказа́л царь. — Но не го́рюй. Я дам тебе́ сто́лько зо́лота, что тебе́ хва́тит до конца́ жи́зни.

И он приказа́л своему́ визи́рю ще́дро награди́ть рыбака́, и рыба́к уше́л домо́й счастли́вый и дово́льный.

Сказка о волшебном коне

Жил в древние времена великий царь. Был у него единственный сын, красивый, словно месяц на небе. И однажды, когда царь сидел на престоле, вошли

к нему три мудреца. У одного был золотой павлин, у другого — медная труба, а у третьего — конь из слоновой кости и черного дерева.

Мудрецы поклонились царю и сказали:

— О царь, вот мы придумали и сделали эти игрушки. В каждой из них есть нечто удивительное и полезное. Примь их в дар от нас, твоих слуг.

— А что же в них полезного? — спросил царь.

И первый мудрец промолвил:

— Взгляни, о повелитель, на этого павлина. Весь он сделан из чистого золота, а глаза его — два больших изумруда. Каждое перо его хвоста украшено драгоценным камнем. Но не это в нем удивительно и полезно. Польза его в том, что через каждый час он хлопает крыльями и кричит. Возьми его — и будешь знать, сколько часов тебе следует уделить для дела, а сколько — для веселья и забав.

А второй мудрец сказал:

— О царь, моя труба полезнее этого павлина. Повесь её на ворота твоего города, и она будет сторожить его, и, когда войдет в этот город вор, труба затрубит голосом, подобным грому. Вора узнают и схватят.

А третий мудрец сказал:

— О владыка! Эти подарки ничего не стоят в сравнении с моим конём. Видел ли ты когда-нибудь коней, летающих по воздуху?

— Нет, — ответил царь. — Этого не бывает.

— Примь же от меня в дар этого коня, и ты сможешь полететь на нём в какую хочешь страну.

После этого все три мудреца поклонились царю и сказали:

— О царь, награди нас за эти удивительные и полезные вещи!

— Я не награжу вас, пока не испытаю полезности этих вещей, — ответил царь.

И царь велел поставить павлина перед собой, и, когда прошёл час, павлин хлопал крыльями и кричал.

И царь велел поместить трубу на воротах города и ввести через эти ворота одного из воров, заключённых в тюрьму. Когда вор прошёл под воротами, труба затрубила голосом, подобным грому, вор испугался и ничком упал на землю. Царь щедро наградил обоих мудрецов золотом.

Тогда выступил третий мудрец, владéлец коня, и сказал:

— О царь, награди и меня так же, как наградил моих товарищей.

— Сначала я испытаю твоего коня, — сказал царь.

В это время подошёл сын царя — а звали его Хасан — и сказал:

— Позволь мне сесть на этого коня и испытать его.

— Испытывай его как хочешь, — ответил царь.

Царевич сел на коня и ударил его пяткой, но конь не двинулся с места. Хасан закричал:

— Что же ты говорил нам об этом коне, мудрец? Он не двигается с места!

Тогда мудрец подошёл к царевичу и показал ему винт на правом плече коня.

— Поверни этот винт, — сказал он.

Хасан повернул винт, и вдруг конь задвигался, поднялся к облакам и полетел быстрее ветра.

А Хасан, когда перестал видеть под собой землю, испугался и закричал:

— Зачем я сел на этого коня? Мудрец нарочно так сделал, чтобы погубить меня!

Царевич снова схватился за винт на правом плече, и вдруг конь поднялся выше и полетел ещё быстрее. Тогда Хасан стал осматривать коня и увидел такой же винт на его левом плече. Он повернул этот винт, и конь полетел медленнее и стал опускаться...

«Теперь я нашёл винт подъёма и винт спуска и вижу, в чём тайна этого коня», — сказал себе царевич. Он обрадовался и стал летать то выше, то ниже, то быстрее, то медленнее, как ему хотелось.

А потѡм он рѣшил опуститься на зѣмлю и опускался весь день, так как залетѣл ѡчень высокѡ. Он летѣл над землѣй и смотрѣл на страны и городá, котѡрых он никогдá не видѣл рáньше.

А когдá солнце склонилось к закáту, Хасán окарáлся над прекрасным большйм гѡродом с дворцáми, садáми и канáлами.

Хасán принялся кружить над гѡродом и рассмáтривать егѡ со всех сторѡн, а потѡм стал выбирать мѣсто, удѡбное для спуска.

И вот он увидѣл дворец, окружѣнный крѣпкой стѣной с бойницами. Это мѣсто показáлось ему удѡбным, он повернул винт спуска, и конь опустился прямо на крышу дворцá.

Хасán сошел с коня, осмотрѣл егѡ со всех сторѡн и сказáл самому себе:

— Тот, кто сдѣлал этого коня, действительно великий мудрец!

Хасán просидѣл на крыше дворцá, пока не настáла ночь. Егѡ мучили гѡлод и жáжда, потому что уже мнѡго часѡв он не ел и не пил. И он подумал: «Не мѡжет быть, чтѡбы в таком большѡм дворце нельзя было раздобыть пйшу».

Он обошел всю крышу, увидѣл лѣстницу и спустился по ней во двор, вымощенный мрамором. Нигде не слышно было никакого шума и никого не было видно. Вдруг Хасán увидѣл свет и слышал голоса. Он спрятался за выступ стѣны, и мимо него прошлá толпа невѡльниц со свѣтильниками в руках, а среди них была прекрасная дѣвушка, по имени Зумурруд, дочь царя этого гѡрода. Царь построил для нее этот дворец, чтѡбы она могла там играть и веселиться. И случилось, что она пришлá туда как раз в этот вечер и вошлá в комнату со своими невѡльницами. Хасán последовал за ними и спрятался за колонну. Невѡльницы разостлáli ковры и устáвили комнату свѣтильниками, а потѡм стáli играть и веселиться. И был с ними страж, огрѡмный негр, опоясанный мечѡм.

И негр ётот встал у той же колóнны, где был Хасáн, задёл его плечóм и увидел царёвича. Тогда Хасáн брóсился на негра и удáрил его по лицу, а потóм повалил и вёрвал у него меч из рук. Невольницы в ўжасе разбежáлись. Но царевна Зумурруд не испугáлась, подошла к Хасáну и спросила его:

— Кто ты — человек или джинн? По поступкам ты джинн, но я слышала, что онí безобразны, а ты красáвец.

— Я сын царя, — отвётил ей Хасáн, — и я не хочú тебе зла.

Онí сели на ковёр и стáли беседовать.

А негр побежал к царю и вошёл к нему, кричá:

— О царь, дочь твою захватил джинн в óбразе человека! Иди же и накажи его!

Царь взволновáлся и поспешил во дворец. Увидев Хасáна, он брóсился на него с обнажённым мечóм. Но Хасáн вскочил нá ноги и так закричáл на царя, что тот со стрáху едва не упáл на зёмлю. Тогда царь пóнял, что царевич сильнее его, стал лáсковее и спросил:

— О юноша, ты человек или джинн?

— Я сын царя Пёрсии, а вóвсе не джинн, — отвётил Хасáн. — И ёсли бы не твоя дочь, я убил бы тебя! Как ты осмелился назвáть меня джинном?

— Если ты не джинн, — сказáл царь, — то как ты вошёл во дворец? Вот я кликну своих рабóв и слуг, и онí тóтчас же убьют тебя.

— О царь, — отвётил царевич, — я удивляюсь твоёй глúпости. Если твой рабы и слúги убьют меня, люди узнают об ётом, бóдут говорить, что ты убил царского сына, твоего гóстя, и ты опозоришь сам себя. Лúчше слúшай, что я скажу тебе: давай сразимся с тобой один на один, а ещё лúчше бóдет, ёсли ты выведешь ко мне свой войска́ и вооружённых слуг и скажешь им: «Вот ётот человек пришёл ко мне и хочет жениться на моёй дóчери». А потóм дай мне сразиться с ними, и ёсли онí меня убьют, то тебе не бóдет

позора, а если я их одолею, ты отдашь мне в жены дочь твою Зумурруд и для тебя будет честью иметь такого зятя.

Царь удивился, услышав эти слова, и сказал:

— А знаешь ли ты, что у меня сорок тысяч всадников, кроме рабов и приближенных?

— Приведи их на площадь, — ответил царевич, — и ты увидишь, что будет.

— Хорошо, — сказал царь, — я так и сделаю.

А утром царь собрал на площади всех своих воинов в полном вооружении и велел им садиться на коней. Он приказал привести царевичу самого лучшего коня в прекрасной сбруе, но Хасан сказал:

— Я не сяду на твоего коня.

Тогда царь крикнул своим войскам:

— Воины! Этот юноша хочет жениться на моей дочери и заявляет, что одолел бы вас, даже если бы вас было сто тысяч. Поднимите его на острия копий и мечей: он взялся за непосильное дело!

Но Хасан сказал:

— О царь, где твоя справедливость? Как я буду с ними сражаться, когда я пеший, а они конные?

— Я давал тебе моего лучшего коня, а ты отказался, — сказал царь. — Вот тебе кони, выбирай какого хочешь.

— Мне не нравятся эти кони, — сказал Хасан. — Я сяду на того, который привез меня сюда.

— А где же твой конь? — спросил царь.

— Он на крыше твоего дворца, — ответил царевич.

— Горе тебе! Ты сошел с ума! — закричал царь. — Как может быть конь на крыше? Я сейчас докажу тебе, что ты солгал.

И царь велел двум своим приближенным пойти на крышу и посмотреть, есть ли там конь.

А люди вокруг удивлялись и говорили друг другу:

— Как это конь мог попасть на крышу? Мы никогда не слышали ничего подобного.

Приближённые поднялись на крышу и увидели, что там стоит конь, прекраснее которого нет на свете. Он был сделан из чёрного дерева и слоновой кости. Они стали смеяться и говорить один другому:

— И на этом коне он будет сражаться с войсками царя? Это, наверно, сумасшедший!

Они подняли коня и принесли его к царю, и все удивились его красоте, прекрасному седлу и уздечке.

А царь спросил Хасана:

— О юноша, вот это и есть твой конь?

— Да, — ответил Хасан.

— Возьми же своего коня и садись на него, — сказал, усмехаясь, царь.

Но Хасан ответил:

— Я сяду на него тогда, когда твои воины от него удалятся.

И царь велел воинам отойти от коня на полёт стрелы. Тогда Хасан сел на коня, а воины выстроились напротив Хасана и говорили друг другу:

— Когда он будет между рядами, мы возьмём его на острия копий и мечей.

Хасан повернул винт подъёма, и вдруг конь заволновался, забился и стал делать все движения, какие делают кони. Внутренность его наполнилась воздухом, он поднялся и полетел.

Царь увидел, что конь поднимается, и закричал своим воинам:

— Горе вам, хватайте его, пока он не улетел!

Но его приближённые и визири сказали ему:

— Кто может настичь летящую птицу? О царь, наверно, это великий колдун. Радуйся, что ты избавился от него.

Хасан взлетел к облакам, повернул коня и направил его ко дворцу царевны. А царевна Зумурруд в это время вышла на крышу дворца, чтобы посмот-

реть, что случится с Хасаном. Вокруг неё стояли невольницы и няньки. Увидев её, Хасан повернул винт спуска, конь замедлил ход и стал опускаться. Няньки и невольницы испугались и с криком бросились бежать. А царевич опустился на крышу и сказал:

— О Зумурруд, вот я обманул твоего отца и его воинов. Хочешь, поедем со мной в мою страну и мое царство?

— Да, — сказала Зумурруд, — я поеду с тобой всюду, куда ты захочешь.

— Тогда поспеши сесть со мной на моего коня, пока не прибежали сюда слуги и стража, — сказал Хасан.

Он посадил царевну на коня позади себя и крепко привязал её верёвками, а затем повернул винт подъёма, и они взвились на воздух и полетели. Они летели до тех пор, пока не достигли столицы персидского царя. Тогда Хасан опустился в одном из садов, отвёл Зумурруд в беседку, а деревянного коня поставил у дверей и велел девушке стеречь его. А сам пошёл к отцу и застал его в горе и печали из-за разлуки с сыном. Когда царь увидел царевича, он обрадовался и прижал его к своей груди, а Хасан спросил царя:

— Что стало с мудрецом, который сделал коня?

— Горе ему! — ответил царь. — Это из-за него ты покинул нас, и я посадил его в тюрьму.

— Освободи его и приведи сюда, — сказал Хасан, — потому что это великий мудрец.

И когда мудреца привели, царевич наградил его почётной одеждой и деньгами. Но мудрец затаил гнев на царевича за то, что тот узнал тайну коня и научился летать на нём:

А Хасан рассказал отцу обо всём, что с ним случилось, и сказал:

— Знай, что я привёз с собой прекрасную царевну и хочу на ней жениться. Я оставил её в саду

эміра¹ Махмұда и пришёл сообщить тебе об этом. Прошу тебя, собери своих приближённых и визіря и выезжай ей навстрёчу.

— Хорошó, — отвётил царь и тотчас же приказал жителям украсить гóрод и встречать царёвну.

А Хасан сел на коня, поскакал в сад эміра Махмұда и уви́дел, что бесёдка пуста и Зумурру́д исчёзла. Он начал бить себя по лицу́ и закричал:

— Где она́ и отку́да узнала тайну деревянного коня́?

Он позвал сторожéй сада́ и спросил их, не приходил ли кто-нибудь в сад.

— Никогó не́ было, крóме мудреца́, — отвётили сторожа́.

Тогда́ царевич пóнял, что дёвушку и коня́ укра́л мудре́ц.

И это́ действительно было так. Когда́ Хасан расказывал царю́ о том, где он оставил царёвну, мудре́ц стоял за двёрью́ и слúшал. А потóм побежал в сад эміра Махмұда. Придя́ туда́, он уви́дел своего́ коня́ и óчень обра́довался. Оказáлось, что все винты́ в порядке́ и у коня́ ничегó не слóмано. Тогда́ мудре́ц вошёл в бесёдку́ и поклонился́ царёвне.

— Кто ты? — спросила́ Зумурру́д.

И мудре́ц отвётил:

— О госпожа́, я посланный от царевича. Он велел мне перевезти́ тебя́ в друго́й сад. По́едем со мной, и я покажу́ тебе́, что я для́ тебя́ пригото́вил.

Зумурру́д повёрила его́ словам и сказа́ла:

— А на чём же я по́еду, отец мой?

— На конё, на котóром ты сю́да прибы́ла, — сказа́л мудре́ц.

— Но я не умею́ ёздить на нём одна́, — сказа́ла Зумурру́д.

Мудре́ц пóнял, что она́ не умеет управлять конём.

— Я сам сяду́ с тобо́й, — сказа́л он.

---

¹ Эмір — княжеский титул в мусульманских странах Востока.

И он посадил Зумурруд позади себя, привязал её верёвками и повернул винт подъёма. Конь наполнился воздухом и полетел. Они летели, пока город не скрылся у них из глаз.

Тогда царевна спросила:

— Куда мы летим и где царевич?

А мудрец засмеялся и ответил:

— Горе твоему царевичу! Я всю жизнь строил этого коня, а когда я его наконец построил, царевич отнял его у меня и дал мне ничтожную награду. Но теперь я опять завладел конём, а тебя я захватил в свои руки, и царевич будет горевать так же, как горевал я.

Зумурруд понял, что ей нет спасения, и заплакала. Они летели весь день и вечером опустылись на зелёный луг, недалеко от города. А в городе жил царь этой страны. И случилось, что царь как раз в это время охотился. Он заметил мудреца с девушкой и конём, и не успели те двинуться, как рабы царя бросились на них, схватили обоих и привели к царю.

— О девушка, кто ты и кто этот старик? — спросил царь.

И мудрец поспешил ответить:

— Это моя жена.

Тогда Зумурруд закричала:

— О царь, он лжёт! Он украл меня и увёз хитростью!

И царь велел отвести мудреца в город и посадить в тюрьму, а девушку и коня доставить к себе во дворец.

Вот что произошло с мудрецом и девушкой.

Что же касается царевича Хасана, то, когда он убедился, что мудрец увёз его невесту Зумурруд, он надел дорожное платье и отправился искать её. Он ходил из города в город и везде спрашивал про летающего коня из чёрного дерева. Но все смеялись и говорили, что таких коней не бывает и что он, наверно, сошёл с ума.

Однажды он пришёл в большой город и остановился переночевать на постоялом дворе. Вдруг он услышал, как один путник говорил другим, собравшимся вокруг него:

— О друзья мой, я видел чудо.

— Расскажи нам о нём, — попросили его.

И он сказал:

— Я был в городе Кайсарии, и царь этого города пригласил меня на охоту. И когда мы проезжали по лугу, мы увидели там безобразного старика и прекрасную девушку, а возле них — коня из чёрного дерева. Этот конь — чудо из чудес, никогда не было коня прекраснее и лучше его.

— Что же стало со стариком, конём и девушкой? — спросили путника.

И он ответил:

— Старика царь посадил в тюрьму, а коня и девушку взял к себе во дворец.

Услышав это, Хасан тотчас же расспросил путника, как дойти до города Кайсарии. На следующее утро он отправился в этот город и через несколько дней дошёл до его ворот. Но стражи, стоявшие у ворот, сказали Хасану:

— У нас в городе такой обычай: когда к нам приходит чужеземец, царь велит привести его к себе и расспрашивает, кто он такой и какое знает ремесло. Сейчас уже поздно идти к царю. Пойдём с нами, ты переночуешь у нас. А завтра мы отведём тебя во дворец.

Они привели Хасана к себе, накормили его, а потом один из них спросил царевича, из какой он страны.

— Из Персии, — ответил Хасан.

Тогда другой сторож сказал:

— У нас в тюрьме есть один старик персиянин. Много я видел людей, но не встречал человека более живого, чем он.

— А в чём его ложь? — спросил Хасан.

— Он говорит, что он мудрец. Царь нашёл его на лугу вместе с девушкой и конём из чёрного дёрева. Он посадил старика в тюрьму, а коня и девушку взял во дворец. Но только эта девушка бесноватая, и если бы персиянин был на самом деле мудрец, он бы её вылечил. А он этого не может, и царь не нашёл ещё никого, кто бы мог вылечить девушку.

— Отведите меня к царю, и я её вылечу, — сказал Хасан.

Когда настало утро, его привели к царю, и он сказал:

— О царь, я знаю много наук и особенно хорошо знаю науку врачевания. Я лечу всех больных и бесноватых, и стоит мне посмотреть на больного, как он становится здоровым.

— О великий мудрец, тебя-то нам и нужно! — закричал царь. — Вылечи девушку, которая находится у меня, и я дам тебе всё, что ты потребуешь!

— Расскажи мне, чем больна девушка, — сказал Хасан.

И царь рассказал ему всё, что было с девушкой, конём и мудрецом.

— А что ты сделал с конём? — спросил царевич.

И царь ответил:

— Он стоит у меня в сокровищнице.

Тогда Хасан обрадовался и сказал:

— Я хочу взглянуть на этого коня, и тогда я, может быть, найду средство вылечить девушку.

Царь привёл Хасана к коню, и Хасан обошёл его, осмотрел и увидел, что конь цел и в исправности.

— Теперь я пойду посмотрю девушку, — сказал он, — и вылечу её при помощи этого коня.

Он вошёл к Зумурруд и увидел, что она бьётся в припадке, как бесноватая. А она не была бесноватой и делала это нарочно, чтобы царь не взял её в жёны.

Хасан подошёл к ней, и она узнала его и вскрикну-

ла от радости. И Хасан велел царю выйти и сказал Зумурруд:

— Чтобы нам спастись, нужна хитрость. Ты увидишь, что я придумал! А теперь успокойся и, когда царь войдет, говори с ним ласково, чтобы он увидел, что ты выздоровела. Тогда исполнится всё, что мы хотим.

— Я так и сделаю, — сказала Зумурруд.

И Хасан вышел к царю и сказал:

— О царь, будь счастлив: болезнь девушки прошла.

Царь вошел к Зумурруд, а она встала ему навстречу и сказала:

— Добро пожаловать!

Царь обрадовался и спросил Хасана:

— Как мне наградить тебя?

— Лечение ещё не окончено, — сказал Хасан. — Собери твоих воинов и пойдёшь с девушкой на то место, где ты её нашёл. Возьми с собой и коня из чёрного дерева. Там я уничтожу злого духа, который мучает девушку.

— Пусть будет по-твоему, — сказал царь.

Он поехал на луг со своими войсками, с конём и с царевной Зумурруд.

Там Хасан попросил царя и его воинов отойти от коня на полёт стрелы и сказал:

— Я зажгу куренья, прочту заклинания и убью здесь духа, а потом сяду на чёрного коня вместе с девушкой и привезу её к тебе.

Царь отошёл со своими воинами на полёт стрелы, а Хасан и Зумурруд сели на коня. Царевич повернул винт подъёма, конь взвился в воздух и полетел. А царь и воины смотрели на коня, Хасана и Зумурруд, пока они не скрылись из глаз. Царь простоял на месте полдня, ожидая царевича, но он не вернулся. Наконец царь возвратился в город. Он никак не мог утешиться, что потерял девушку и коня, а его приближённые говорили ему:

— Этот врач колдун, и очень хорошо, что он улетел и ты избавился от его колдовства.

А Хасан между тем прилетел в родной город и опустился около дворца. Он женился на царевне Зумурруд и в день своей свадьбы устроил пир для всех жителей города. Царь, отец Хасана, был доволен и счастлив, что сын его вернулся живым и здоровым.

А чтобы царевич не мог больше никогда летать, царь велел сломать волшебного коня.

Сказка об одноглазом царевиче

Жил когда-то давно в Багдаде царь. У него был сын по имени Али. Когда Али исполнилось десять лет, царь позвал самых лучших учителей, и они стали

учить мальчика чтению, письму, счёту, науке о звёздах и всему, что следует знать.

Через семь лет они пришли к царю и сказали:

— Твой сын Али изучил все науки, какие есть на свете, и стал мудрее всех людей. Больше мы ничему не можем его научить.

Царь щедро наградил учителей и отпустил их. Затем он созвал мудрецов со всех концов земли и велел им испытать знания своего сына. И о чём бы мудрецы ни спросили, мальчик на всё отвечал им, а они не могли ответить ни на один из его вопросов.

Когда испытание кончилось, мудрецы вернулись в свои страны и всем рассказали о великой учёности Али. Услышал о ней и махараджа, царь Индии. Ему захотелось увидеть Али и поговорить с ним. Он послал царю Багдада караван с дорогими подарками и письмо, в котором писал: «До меня дошла весть о великой мудрости твоего сына, царевича Али. Отпусти его ненадолго в мою страну, чтобы я мог его увидеть и поговорить с ним».

Царю Багдада было жалко расставаться с сыном, но он не хотел отказать царю Индии. Он приказал снарядить корабль с дорогими подарками, и его сын с большой свитой и отрядом войск отплыл на этом корабле в Индию из приморского города Басы.

Долго плыл он по морю и наконец пристал к твёрдой земле.

Все подарки погрузили на верблюдов, и караван направился к владениям индийского царя. И вот когда путники почти достигли границ его земли, они вдруг увидели на дороге большое облако пыли. Не прошло и минуты, как их караван окружила шайка разбойников, закованных в железо и вооружённых мечами и копьями. Разбойники выставили концы своих копий и приготовились напасть на воинов царевича. Напрасно кричал им царевич Али: «Мы гости царя Индии, не трогайте нас!» Разбойники ограбили караван и перебили всех, кто сопровождал его. Толь-

ко один Али спáсся, хотя был рáнен. Он упáл на зéмлю и лежáл неподвígжно; разбóйники решíли, что он мёртв, и ускака́ли.

Когдá они скрýлись íз виду, Али поднялся нá ноги и пошёл кудá глазá глядýт. Он шёл нéсколько дней и нóчей и наконéц пришёл в большóй гóрод с высокими стенáми и красíвыми домáми. Еле держáсь на ногáх от устáлости, Али добрался до глáвного городскóго рýнка и присёл отдохнýть на кáменную скамью вóзле лáвки портнóго. А этот портнóй был человек дóбрый и жáлостливый. Он увíдел, что Али худ и блéден и одéжда на нём вся в пы́ли, и сказа́л ему́:

— Дóбро пожáловать, юноша! Зайдí ко мне в лáвку и подкрепись. Ты, вíдно, пришёл издалекá.

Али поблагодарíл портнóго, и тот накормíл его́ и напоíл.

Потóм Али рассказа́л ему́ обо всём, что с ним случíлось, и портнóй, выслушав его́ истóрию, сказа́л:

— Не говорí никому́, кто ты такой. Царь нáшего гóрода мнóго лет враждует с твоím отцóm и тóлько о том и дýмает, как бы навредíть ему́. Поживí у меня́, пока́ не отдохнёшь, а потóм я придумаю, что тебе́ дéлать дáльше.

Он посели́л царевича в кóмнатке за лáвкой, и Али прóжил у него́ три дня. Чéрез три дня портнóй пришёл к нему́ и сказа́л:

— Знáешь ли ты како́е-нибудь ремеслó?

— Я писец, счётчик и законовéд и знáю все нау́ки, — отвéтил царевич.

— На твоё ремеслó нет спрóса в нáших зéмлях, — сказа́л портнóй. — Жíтели нáшего гóрода не знáют ничегó, крóме торгóвли. Возьми́ топóр и верёвку, иди́ в лес и руби́ дровá. Продава́й их и кормись этим, да смотри́ не говорí никому́, кто ты такой, а то тебя́ убьют.

Портнóй купíл для Али топóр и верёвку, и Али пошёл в лес рубíть дровá. Он рабóтал весь день, а

вечером продал дрова на рынке и получил за них полдинара. На другое утро он опять отправился в лес за дровами и снова продал их и стал делать это каждый день.

Однажды он, по обыкновению, пошёл в лес и скоро нашёл место, где было много валёжника и пней. Он взял топор и стал окапывать толстый корень. Вдруг под топором что-то звякнуло. Али расчистил это место и увидел большое медное кольцо; придёланное к опускной двери. Быстро поднял Али эту дверь — под ней оказалась длинная лестница.

«Куда ведёт эта лестница? — подумал Али. — Может быть, в этом месте закопан клад?»

Али спустился по лестнице и оказался в большой подземной пещере с высокими колоннами. Посредине стоял стол, уставленный кушаньями, а за столом на золотой скамье сидела красивая девушка и горько плакала. Увидев Али, девушка поднялась на ноги и спросила:

— Кто ты — человек или джинн? Как ты попал в эту пещеру? Я уже двадцать пять лет томлюсь в этом подземелье и никогда никого в нём не видела.

— Я человек, — ответил Али. — А ты кто такая? И почему ты сидишь одна под землёй?

— Я дочь царя Эфитамуса, владыки Чёрных островов, — ответила девушка. — Меня похитил ифрит, по имени Джирджис, и принёс в это подземелье. Он приходит ко мне каждые десять дней, а когда мне что-нибудь нужно, мне стоит только прикоснуться рукой к надписи на этой колонне и Джирджис приносит всё, что я хочу. Он похитил меня, чтобы отомстить моему отцу, и поклялся, что я никогда не выйду из-под земли и не увижу человеческого лица. Прошло четыре дня с тех пор, как он приходил, и до его прихода осталось шесть дней. Посиди со мной немного — с тобой не будет ничего дурного.

— Хорошо, — сказал Али, и девушка очень обрадовалась.

Она предложила царевичу поесть, и Али, который был голоден, с удовольствием отведал кушаний, стоявших на столе. Потом он лёг отдохнуть и заснул, а когда проснулся, увидел, что девушка сидит около него грустная и печальная.

— О Али, — сказала она, — я так долго томлюсь в этом подземелье! Теперь ты со мной, но скоро ты уйдёшь, и я опять останусь одна.

— Не горюй! — воскликнул Али. — Я сейчас сломаю колонну с надписью, и пусть ифрит приходит. Я убью его и выведу тебя из-под земли.

— Не делай этого, тебе не справиться с ифритом! — закричала девушка и схватила Али за руку, но Али вырвал свою руку, подошёл к колонне и что есть силы ударил по ней кулаком.

И вдруг раздался страшный грохот, всё вокруг задрожало, и девушка закричала:

— Ифрит идёт! Спасайся, пока не поздно!

Али бросился к лестнице и побежал наверх. От страха он уронил топор и потерял одну туфлю. Дойдя до половины лестницы, он оглянулся и вдруг увидел, что земля в пещере расступилась и из-под земли вышел страшный рогатый ифрит. Он подошёл к девушке и спросил её:

— О проклятая, почему ты меня потревожила таким сильным ударом? Что тебе нужно?

— Мне ничего не нужно, — сказала девушка. — У меня заболела голова, и я поднялась, чтобы приложить к голове мокрый платок. Но мне стало дурно, я упала и ударилась об эту колонну.

— Ты лжёшь! — закричал ифрит. — К тебе кто-то приходил. Чья это туфля и чей это топор?

— Не знаю, — сказала девушка. — Я только сейчас увидела эти вещи.

— Ты меня не обманешь! — закричал ифрит и начал бить и мучить девушку, а девушка кричала и плакала.

Али было тяжело слышать её крики. Он вышел и

поверхность земли, опустил дверь и засыпал её землёй, а потом вернулся домой и увидел, что портной ждёт его и беспокоится.

— Хорошо, что ты наконец пришёл, — сказал портной. — Я боялся, что с тобой случилась беда.

Али поблагодарил портного за его заботливость и ушёл в свою комнату. Он сидел и размышлял о том, что с ним случилось в подземелье, и вдруг вошёл к нему портной и сказал:

— Какой-то старик спрашивает тебя. У него твой топор и топор. Он пришёл к дровосекам и сказал им: «Я нашёл эти вещи и не знаю, чьи они. Укажите мне их владельца». Дровосеки узнали твой топор и указали старику на тебя. Выйди же к нему, поблагодари его и возьми у него топор и топор.

Услышав слова портного, Али побледнел и задрожал от ужаса. И вдруг земля в его комнате расступилась и из-под земли вышел страшный ифрит Джирджис. Он схватил Али за кушак, поднял его и улетел с ним сквозь крышу дома, и портной замер на месте от испуга и удивления.

Долго летел ифрит вместе с Али и наконец принёс его в подземную пещеру. И увидел Али, что та девушка лежит на земле связанная. Али заплакал от жалости, а ифрит подошёл к девушке и крикнул:

— О проклятая, признавайся! Этот человек хотел тебя увести из подземелья и вырвать тебя из моих рук?

Но девушка посмотрела на Али и сказала:

— Я никогда не видела его до этой минуты.

И ифрит начал бить и мучить её, а она кричала и плакала. Наконец ифрит устал бить девушку и сказал ей:

— Если ты никогда не видела этого человека, убей его!

Али затрясся как лист и посмотрел на девушку, говоря ей знаками: «Не убивай меня». А девушка ответила ему знаками: «Всё это случилось из-за тебя» —

и взяла меч и подошла к Али. Но царевич так жалобно посмотрел на неё, что она бросила меч и сказала:

— Я не могу убить человека, который не сделал мне никакого зла.

— Ты не можешь его убить, потому что он обещал освободить тебя! — закричал ифрит. Потом он подошёл к Али и сказал: — Ты говоришь, что не знаешь эту девушку и никогда не видел её? Отрубь ей голову вот этим мечом, и я отпущу тебя.

— Хорошо, — сказал Али и, взяв в руки меч, быстро подошёл к девушке. Он поднял меч над её головой и хотел её убить, но девушка жалобно посмотрела на него и сказала ему глазами: «Я не сделала тебе ничего плохого, неужели ты убьёшь меня!»

Али бросил меч, заплакал и сказал:

— О сильный, могучий ифрит, я никогда не видел этой девушки. За что же мне её убивать?

— Тогда я убью её сам, — сказал ифрит. — Ну, а тебя я помилую: выбирай, в какое животное мне тебя превратить!

— О ифрит, — воскликнул Али, — чем я виноват перед тобой? Прости меня, как счастливый простил завистливому.

— А как это было? — спросил ифрит.

— Слушай, я расскажу тебе, — сказал Али. — Жили когда-то в одном городе два соседа — Ахмед и Мансур. Мансур был умный и добрый человек, и все дела ему удавались. А Ахмед был злой и завистливый. Он завидовал Мансору всё больше и больше и от зависти перестал спать и есть. Наконец Мансору стало жалко Ахмеда, и он сказал сам себе:

«Если я не уеду отсюда, мой сосед заболеет и умрёт, до того он мне завидует. Лучше я переселюсь куда-нибудь в другое место».

И он уехал в другой город и построил себе дом. А около этого дома был колодец. И Мансур зажил в своём новом доме и по-прежнему делал людям доб-

рб. Отовсюду к нему приходили больные и бедные, и слава о нём разнеслась по всей стране.

Ахмед, его бывший сосед, тоже услышал, что Мансур по-прежнему доволен и счастлив и что все его любят. Он пришёл в тот город, где жил Мансур, и вошёл в его дом, и Мансур встретил его радушно и приветливо.

«Слушай, Мансур, — сказал ему Ахмед, — я хочу тебя порадовать. Вели всем, кто есть у тебя в доме, уйти — у меня будет с тобой разговор. Или лучше выйдем из дома и пройдемся по двору».

«Хорошо», — сказал Мансур.

И они вышли во двор и дошли до колодца.

И вдруг Ахмед толкнул Мансура, бросил его в колодец и ушёл домой.

А в этом колодце жили джинны. Они подхватили Мансура и осторожно опустили его на дно колодца. Один джинн спросил:

«Знаете ли вы, кто это такой?»

«Я знаю, — сказал другой джинн. — Этот человек бежал от завистника и поселился в этом городе. Он выстроил себе дом возле нашего колодца, и все бедняки и нищие приходили к нему за помощью. Весть о нём дошла до царя, и царь хочет завтра посетить его ради своей дочери».

«А что с его дочерью?» — спросил кто-то из джиннов.

«Она бесноватая, и если бы этот человек знал, как ей помочь, он бы, наверно, вылечил её. А лекарство для неё самое простое».

«Какое же это лекарство?» — спросил первый джинн.

И второй джинн ответил:

«У этого человека есть чёрный кот, а у кота на хвосте белое пятнышко. Пусть возьмёт из этого пятнышка семь волосков и сожжёт их и окурит дымом царевну. Тогда злой дух выйдет из неё, и она поправится».

Мансúr слышал их разговор и хорошо всё запомнил. Потом джінны подняли его, и он вышел из ко́лдца.

На другой день приехал к Мансúру царь со своей свíтой, и, как только царь вошёл в дом, Мансúr сказа́л ему́:

«Хочешь, я угадаю, зачём ты ко мне приехал?»

«Угадай», — сказа́л царь.

Мансúr сказа́л:

«Ты хочешь попросить меня, чтобы я вылечил твою́ дочь».

«Верно, о мýдрый человек», — сказа́л царь и удивился.

«Пошли́ когó-нибудь за своей дочерью», — продолжа́л Мансúr.

И царь тотчас же велел привести́ свою́ дочь Халиму́.

И когда её привели́, Мансúr зажёг волосы из бёлого пятнышка на хвосте́ котá и окурил царевну дымом. А Халима́, как только почувствовала запах дыма, грóмко вскрикнула, и злой дух, котóрый вселился в неё, вышел, и она́ выздоровела.

Царь обрадовался так, как никогда́ не радовался в своей жизни. Он обнял Мансúра, поцелова́л его́ и спросил своих приближённых:

«Как мне наградить человека, котóрый вылечил мою́ дочь?»

«Выдай царевну за него́ замуж», — сказа́ли приближённые, и царь выдал Халиму́ замуж за Мансúра.

Вскоре у царя́ умер визи́рь, и царь спросил своих советников:

«Когó мне сделать визи́рем?»

«Мансúра», — сказа́ли советники.

И царь назначил Мансúра своим визи́рем и стал ещё мýлостивей к нему́.

А когда царь умер, Мансúr сделался царём вмéсто него́. И вот одна́жды поехал Мансúr куда́-то на ко-

не, окружённый большо́й сви́той, и ви́дит: идёт по доро́ге Ахме́д, его́ бы́вший сосе́д, кото́рый ему́ зави́довал.

«Приведи́ ко мне э́того челове́ка и не пуга́й его́», — сказа́л Мансу́р своему́ визи́рю, и визи́рь привё́л к нему́ Ахме́да, кото́рый дрожа́л от стра́ха, ожида́я, что Мансу́р его́ нака́жет.

Но Мансу́р дал ему́ сто кошелько́в збо́лота и краси́вый ше́лковый хала́т и отпу́стил его́, хотя́ Ахме́д сде́лал ему́ так мно́го зла.

Отпу́сти же и ты меня́, о ифрита́, — ведь я не сде́лал тебе́ ниче́го дурно́го.

И Али́ го́рько запла́кал перед ифрита́м и стал проси́ть и умоля́ть его́, но ифрита́ восклицнул:

— Я не могу́ тебя́ прости́ть и непреме́нно зако́лдую тебя́.

Он по́днял царевича́ с земли́ и до́лго летёл с ним по во́здуху, а пото́м они́ опу́стились на каку́ю-то вы́сокую го́ру. Ифрита́ взял немно́го земли́, поколдова́л над не́ю и осы́пал э́той землёй царевича́, и царевич вдруг превра́тился в ста́рую уро́дливую обезья́ну.

— Будь же таки́м, пока́ не умре́шь, — сказа́л ифрита́ и улетёл, а царевич Али́ го́рько запла́кал. Он спу́стился с горы́ в ра́внину и шёл по ней до тех пор, пока́ не дошёл до бе́рега мо́ря. А к бе́регу как раз в э́то вре́мя подплы́л большо́й кора́бль. Али́ вскара́бкался на па́лубу, и оди́н из матро́сов восклицнул:

— Отку́да взяла́сь э́та обезья́на? Прогони́те её!

— На́до её уби́ть, — сказа́л капита́н, но Али́ схвати́л капита́на за полу́ хала́та и стал его́ проси́ть глаза́ми: «Не убива́й меня́! Я бу́ду тебе́ служи́ть!» капита́н пожа́лел обезья́ну и сказа́л: — Она́ попроси́ла у меня́ защи́ты, и я защи́щу её. Пусть никто́ её не тро́гает.

Он стал хоро́шо обра́щаться с царевичем, и Али́ исполня́л всё, что капита́н ему́ прика́зывал. Кора́бль плыл пятьдеся́т дней и приста́л к большо́му го́роду. Как то́лько он стал на я́корь, ца́рь э́того го́рода при-

слáл на корáбль своих слуг, и слúги царя сказáли капитáну:

— Наш царь поздравляет вас с благополúчным прибýтием и посылáет вам éтот листóк бумаги. Пусть кáждый из вас напишет на нём одну стрóчку. Дéло в том, что у царя был визирь и éтот визирь úмер. Он умёл óчень красиво писáть, и царь дал клятву, что сдéлает визирем тóлько тогó, кто пишет так же красиво, как он. Покажите, как вы пишете.

И все, кто умёл писáть, написáли на éтом листке одну стрóчку.

Когдá слúги царя сложили листóк и хотéли уезжáть, обезьяна вдруг подбежáла к ним, вьхватила у них листóк и сказáла знáками: «Дáйте и мне написáть стрóчку. Я тóже умéю писáть».

Слúги испугáлись, что обезьяна мóжет разорвáть листóк, и принялись её бить и кричáть на неё, но капитáн сказáл им:

— Пусть пишет. Я не ви́дел обезьяны умнее, чем ésta.

Тогдá Али пóдали перó, и он написáл на листке нéсколько стрóчек, да все по-рáзному: и прямым пóчерком, и косым, и крúглым, и угловáтым. Слúги царя взяли листóк и отнесли его царю. Царь посмотрéл на листóк и воскликнул:

— Никтó не написáл так красиво, как человек, котóрый писáл послéдним! Надéньте на него драгоценную одéжду, посадите его на коня и привезите ко мне с мýзыкой.

Услышав éто, приближённые царя грóмко рассмеялись.

— Что éто знáчит? — сказáл царь. — Я отдаю вам приказáние, а вы смеётесь!

— О царь, — отвéтили приближённые, — мы смеёмся не напрáсно. Ты велёл привести к тебе человека, котóрый писáл на листке послéдним. Но éто не человек, а обезьяна, и она принадлежит капитáну корабля.

— Это правда? — закричал царь. — Тогда я куплю эту обезьяну у капитана, и моя дочь будет с ней играть. Пойдите скорее, приведите её.

Капитан не хотел отдавать обезьяну, но слуги царя отняли её у него силой, посадили на коня и повезли по улицам города. Весь народ сбежался смотреть на это невиданное зрелище, и огромная толпа шла за конём до самого дворца.

Когда Али в образе обезьяны привели к царю, он три раза поклонился ему до земли и сел перед ним на подушку, как садятся люди. Все приближённые царя очень удивились, а больше всех удивился сам царь. Он приказал принести обезьяне поест, и перед ней поставили столик, на котором были самые лучшие кушанья. Али попробовал все эти кушанья и поблагодарил царя, поклонившись ему до земли. Потом он вытер себе рот, вымыл руки и, взяв перо, написал на листке бумаги стихи, в которых прославлял царя за его милость. Когда царь прочитал стихи, он ещё больше удивился и сказал:

— Как жаль, что это не человек, а обезьяна! Будь она человеком, я бы сделал его своим визирем.

Потом царь подвинул Али шахматную доску и спросил его:

— А в шахматы ты умеешь играть?

Али закивал головой: «Умею, умею!» — и расставил шахматы на доске и обыграл царя два раза. Царю стало очень обидно, что его обыграла в шахматы обезьяна, и он сыграл с ней ещё несколько раз, но ни разу не победил её.

Он решил показать эту удивительную обезьяну своей дочери и сказал одному из слуг, маленькому мальчику:

— Бегй к царевне, твоёй госпоже, и скажи ей, чтобы она шла сюда посмотреть на обезьяну.

Мальчик побежал за царевной и привёл её, и когда царевна вошла в комнату, она вдруг закрыла себе лицо рукавом и хотела убежать.

— Куда ты?! — закричал царь. — Посмотри, какя у меня удивительная обезьяна.

— Это не обезьяна, а человек, — сказала царевна. — Как тебе не стыдно звать меня, когда у тебя чужие люди? Эта обезьяна — мужчина, которого заколдовал ифрит.

Услышав слова царевны, Али закивал головой, а царь спросил свою дочь Фатиму:

— Откуда ты знаешь, что эта обезьяна — заколдованный человек?

— Когда я была маленькая, — сказала царевна, — у меня была нянька-колдунья. Она учила меня колдовать, и я выучила сто семьдесят способов колдовства. Если я захочу, я могу превратить твой город в море, а его жителей — в рыб.

— Прошу тебя, — сказал царь, — расколдуй этого человека. Я сделаю его своим визирем.

— Хорошо, — отвечала царевна, — сейчас я расколдую его.

Она взяла большой нож, на котором были написаны какие-то буквы, и очертила им широкий круг посреди комнаты, а в кругу она написала слова, которые никто не мог прочитать. Потом она взяла чашку с водой и сказала над ней что-то и обрызгала царевича этой водой. И вдруг в комнате стало темно, и из-под земли появился тот самый ифрит, который заколдовал царевича. Руки у него были как вилы, ноги — как мачты, а глаза — как две огненные искры. Царь и Али так испугались, что застыли на месте, а царевна закричала ифриту:

— Зачем ты пришёл сюда, когда никто тебя не звал? Уходи, пока я не превратила тебя в кучу пепла.

А ифрит превратился в льва и зарычал:

— Ты обманщица! Разве ты не обещала, что мы с тобой не будем мешать друг другу? Получи же то, что ты заслужила.

И он разинул пасть и бросился на девушку, но царевна быстро вырвала из головы волосок, потряс-

ла им в воздухе, и волосок превратился в острый меч. Она ударила льва этим мечом и разрубила его на две части, и вдруг его голова превратилась в скорпиона; тогда царица обратилась в змею и бросилась на скорпиона, и между ними начался жестокий бой.

Когда скорпион увидел, что змея его побеждает, он превратился в орла, а змея — в ястреба, и ястреб стал преследовать орла и клевать его. Тогда орёл сделался чёрным котом, а ястреб стал полосатым волком, и они долго боролись во дворце. А когда кот выбился из сил, он превратился в большой красный гранат. Волк подбежал к гранату и хотел его съесть, и вдруг гранат взвился в воздух, упал на каменный пол и разбился, и все его зёрнышки рассыпались по полу. Тут волк встряхнулся и превратился в петуха. Он стал подбирать зёрнышки граната и бегал по всей комнате, чтобы не оставить ни одного зёрнышка. Но одно зерно попало в щель между каменными плитами, и петух не мог его достать. Он начал кричать и хлопать крыльями, делая царю и царевичу Али знаки клювом, но те не понимали его и не могли ему помочь. И вдруг зёрнышко подпрыгнуло вверх и превратилось в рыбу, которая нырнула в бассейн с водой. Тотчас же петух тоже превратился в рыбу и бросился в бассейн, и обе рыбы скрылись под водой. Царь и царевич слышали страшные крики и ещё больше испугались.

И вдруг ифрит вышел из-под воды и дунул на царя и царевича огнём. В эту минуту царица настгла его и тоже дунула на него огнём. Одна искра ифрита попала царевичу в лицо и выжгла ему глаз. Царю тоже попала в лицо искра ифрита и сожгла ему половину бороды.

Царевич Али и царь очень испугались и приготовились к смерти. И вдруг они слышали голос царицы:

— Мне удалось победить ифрита, хотя никто до меня не мог убить его.

И оказа́лось, что царевна сожгла́ ифрита́ и он преврати́лся в кучу́ пепла́.

А царевна́ взяла́ ча́шку с водо́й и сказа́ла над ней что́-то, пото́м она́ брызнула́ э́той водо́й на обезья́ну, и обезья́на снова́ преврати́лась в царевича́. Но одногó глаза́ у него́ не́ было. И вдруг царевна́ закрича́ла:

— Ого́нь! Ого́нь! Я сейча́с умру́! Я не приви́кла боро́ться с ифрита́ми. Если бы я подобрала́ все зёрнышки́ граната́, ифрит бы́ умер и не мог бы сде́лать мне зла́. Но я оста́вила зёрнышко́, в кото́ром была́ жизнь ифрита́, и он напáл на меня́ под водо́й. Я защища́лась от него́ все́ми спосо́бами, какие́ зна́ла, но он напра́вил на меня́ свой ого́нь, а ма́ло кто устои́т перед огне́м ифрита́. Мне все́-таки удало́сь сжечь его́, он преврати́лся в кучу́ пепла́, но и мне не спасти́сь от сме́рти.

И вдруг по все́му́ те́лу царевны́ побежа́ли и́скры, и она́ то́же преврати́лась в кучу́ пепла́.

Когда́ царь уви́дел, что его́ дочь сгорела́, он вы́щипал от го́ря оста́ток своёй боро́ды́ и разорва́л на себе́ оде́жду, и царевич Али́ сде́лал то же са́мое. А пото́м царь сказа́л ему́:

— О юноша́, мы жи́ли весе́ло и сча́стливо, пока́ не ви́дели и не зна́ли тебя́. Из-за тебя́ я потеря́л свою́ дочь и лиши́лся боро́ды́. Уходи́ же отсю́да, мне тяжело́ ви́деть тебя́.

Он дал Али́ де́нег, что́бы добра́ться до Багда́да, и Али́ верну́лся на ро́дину, к отцу́, и до конца́ жи́зни никуда́ не уезжа́л.

Синдбад-Мореход

Первое путешествие

Давно-давно жил в городе Багдаде купец, которого звали Синдбад. У него было много товаров и денег, и его корабли плавали по всем морям. Капитаны кораблей, возвра-

щаясь из путешествий, рассказывали Синдбаду удивительные истории о своих приключениях и о далёких странах, где они побывали.

Синдбад слушал их рассказы, и ему всё больше и больше хотелось своими глазами увидеть чудеса и диковины чужих стран.

И вот он решил поехать в далёкое путешествие.

Он накупил много товаров, выбрал самый быстрый и крепкий корабль и пустился в путь. С ним поехали и другие купцы со своими товарами.

Долго плыл их корабль из моря в море и от суши к суше, и, приставая к земле, они продавали и выменивали свои товары.

И вот однажды, когда они уже много дней и ночей не видели земли, матрос на мачте закричал:

— Берег! Берег!

Капитан направил корабль к берегу и бросил якорь у большого зелёного острова. Там росли чудесные, невиданные цветы, а на ветвях тенистых деревьев пели пёстрые птицы.

Путешественники сошли на землю, чтобы отдохнуть от качки. Один из них развел костёр и стали варить пищу, другие стирали бельё в деревянных корытах, а некоторые гуляли по острову. Синдбад тоже пошёл погулять и незамётно для себя удалился от берега. Вдруг земля зашевелилась у него под ногами, и он услышал громкий крик капитана:

— Спасайтесь! Бегите на корабль! Это не остров, а огромная рыба!

И в самом деле, это была рыба. Её занесло песком, на ней выросли деревья, и она стала похожа на остров. Но когда путешественники развели огонь, рыбе стало жарко и она зашевелилась.

— Скорей! Скорей! — кричал капитан. — Сейчас она нырнёт на дно!

Купцы бросали свои котлы и корыта и в ужасе бросились к кораблю. Но только те, что были у самого берега, успели добежать. Рыба-остров опусти-

лась в глубь моря, и все, кто опоздал, пошли ко дну. Ревущие волны сомкнулись над ними.

Синдбад также не успел добежать до корабля. Волны обрушились на него, но он хорошо плавал и вынырнул на поверхность моря. Мимо него плыло большое корыто, в котором купцы только что стирали белье. Синдбад сел верхом на корыто и попробовал грести ногами. Но волны швыряли корыто направо и налево, и Синдбад не мог им управлять.

Капитан корабля приказал поднять паруса и поплыл прочь от этого места, даже не взглянув на утонувшего.

Синдбад долго смотрел вслед кораблю, а когда корабль скрылся вдали, он заплакал от горя и отчаяния. Теперь ему неоткуда было ждать спасения.

Волны били корыто и бросали его из стороны в сторону весь день и всю ночь. А утром Синдбад вдруг увидел, что его прибило к высокому берегу. Синдбад схватился за ветки дерева, которые свешивались над водой, и, собрав последние силы, вскарабкался на берег. Как только Синдбад почувствовал себя на твердой земле, он упал на траву и лежал как мертвый весь день и всю ночь.

Утром он решил поискать какую-нибудь пищу. Он дошел до большой зеленой лужайки, покрытой пестрыми цветами, и вдруг увидел перед собой коня, прекраснее которого нет на свете. Ноги коня были спутаны, и он щипал траву на лужайке.

Синдбад остановился, любуясь этим конем, и спустя немного времени увидел вдали человека, который бежал, размахивая руками, и что-то кричал. Он подбежал к Синдбаду и спросил его:

— Кто ты такой? Откуда ты и как ты попал в нашу страну?

— О господин, — ответил Синдбад, — я чужеземец. Я плыл на корабле по морю, и мой корабль утонул, а мне удалось схватиться за корыто, в котором стирают белье. Волны до тех пор носили меня по мо-

рю, пока не принесли к вашим берегам. Скажи мне, чей это конь, такой красивый, и почему он пасётся здесь один?

— Знай, — отвечал человек, — что я конюх царя аль-Михрджана. Нас много, и каждый из нас ходит только за одним конём. Вечером мы приводим их пастись на этот луг, а утром уводим обратно в конюшню. Наш царь очень любит чужеземцев. Пойдём к нему — он встретит тебя приветливо и окажет тебе милость.

— Благодарю тебя, господин, за твою доброту, — сказал Синдбад.

Конюх надел на коня серебряную уздечку, снял путы и повёл его в город. Синдбад шёл следом за конюхом.

Скоро они пришли во дворец, и Синдбада ввели в зал, где сидел на высоком троне царь аль-Михрджан. Царь ласково обошёлся с Синдбадом и стал его спрашивать, и Синдбад рассказав ему обо всём, что с ним случилось, Аль-Михрджан оказал ему милость и назначил его начальником гавани.

С утра до вечера стоял Синдбад на пристани и записывал корабли, которые приходили в гавань. Он долго прожил в стране царя аль-Михрджана, и всякий раз, когда к пристани подходил корабль, Синдбад спрашивал купцов и матросов, в какой стороне город Багдад. Но никто из них ничего не слышал о Багдаде, и Синдбад почти перестал надеяться, что увидит родной город.

А царь аль-Михрджан очень полюбил Синдбада и сделал его своим приближённым. Он часто разговаривал с ним о его стране и, когда объезжал свои владения, всегда брал Синдбада с собой.

Много чудес и диковинок пришлось увидеть Синдбаду в земле царя аль-Михрджана, но он не забыл своей родины и только о том и думал, как бы вернуться в Багдад.

Однажды Синдбад стоял, как всегда, на берегу

моря, грустный и печальный. В это время подошёл к пристани большой корабль, на котором было много купцов и матросов. Все жители города выбежали на берег встречать корабль. Матросы стали выгружать товары, а Синдбад стоял и записывал. Под вечер Синдбад спросил капитана:

— Много ли ещё осталось товаров на твоём корабле?

— В трюме лежит ещё несколько тюков, — ответил капитан, — но их владелец утонул. Мы хотим продать эти товары, а деньги за них отвезти его родным в Багдад.

— Как зовут владельца этих товаров? — спросил Синдбад.

— Его зовут Синдбад, — отвечал капитан.

Услышав это, Синдбад громко вскрикнул и сказал:

— Я Синдбад! Я сошёл с твоего корабля, когда он пристал к острову-рыбе, а ты уехал и покинул меня, когда я тонул в море. Эти товары — мои товары.

— Ты хочешь меня обмануть! — вскричал капитан. — Я сказал тебе, что у меня на корабле есть товары, владелец которых утонул, и ты желаешь взять их себе! Мы видели, как Синдбад утонул, и с ним утонуло много купцов. Как же ты говоришь, что товары твои? Нет у тебя ни чести, ни совести!

— Выслушай меня, и ты узнаешь, что я говорю правду, — сказал Синдбад. — Разве ты не помнишь, как я нанимал твой корабль в Басре, а свёл меня с тобой писец по имени Сулейман Вислоухий?

И он рассказал капитану обо всём, что случилось на его корабле с того дня, как все они отплыли из Басры. И тогда капитан и купцы узнали Синдбада и обрадовались, что он спасся. Они отдали Синдбаду его товары, и Синдбад продал их с большой прибылью. Он простился с царём аль-Михрджаном, погрузил на корабль другие товары, которых нет в Багдаде, и поплыл на своём корабле в Басру.

Много дней и ночей плыл его корабль и наконец бросил якорь в гавани Басры, а оттуда Синдбад отправился в Город Мира, как называли в то время арабы Багдад.

В Багдаде Синдбад роздал часть своих товаров друзьям и приятелям, а остальные продал.

Он перенёс в пути столько бед и несчастий, что решил никогда больше не выезжать из Багдада.

Так окончилось первое путешествие Синдбада-Морехода.

Второе путешествие

Но скоро Синдбаду наскучило сидеть на одном месте, и захотелось ему опять поплавать по морям. Снова купил он товаров, отправился в Басру и выбрал большой, крепкий корабль. Два дня складывали матросы в трюм товары, а на третий день капитан приказал поднять якорь, и корабль тронулся в путь, подгоняемый попутным ветром.

Много островов, городов и стран повидал Синдбад в это путешествие, и наконец его корабль пристал к неведомому прекрасному острову, где текли прозрачные ручьи и росли густые деревья, увешанные тяжёлыми плодами.

Синдбад и его спутники, купцы из Багдада, вышли на берег погулять и разбрелись по острову. Синдбад выбрал тенистое место и присел отдохнуть под густой яблоней. Скоро ему захотелось есть. Он вынул из дорожного мешка жареного цыплёнка и несколько лепёшек, которые захватил с корабля, и закусил, а потом лёг на траву и сейчас же заснул.

Когда он проснулся, солнце стояло уже низко. Синдбад вскочил на ноги и побежал к морю, но корабля уже не было. Он уплыл, и все, кто был на нём, — капитан, и купцы, и матросы — забыли о Синдбаде.

Бѣдный Синдбад остался один на острове. Он горько заплакал и сказал сам себѣ:

— Если в первое путешествіе я спасся и встрѣтил людей, которые привезли меня обратно в Багдад, то теперь никто меня не найдѣт на этом безлюдном острове.

До самой ночи стоял Синдбад на берегу, смотрѣл, не плывѣт ли вдали корабль, а когда стемнѣло, он лег на землю и крепко заснул.

Утром, с восходом солнца, Синдбад проснулся и пошел в глубь острова, чтобы поискать пищи и свежей воды. Время от времени он взбирался на деревья и осматривался вокруг, но не видел ничего, кроме леса, земли и воды.

Ему становилось тоскливо и страшно. Неужели придется всю жизнь прожить на этом пустынном острове? Но потом, стараясь подбодрить себя, он говорил:

— Что толку сидеть и горевать! Никто меня не спасет, если я не спасу себя сам. Пойду дальше и, может быть, дойду до мѣста, где живут люди.

Прошло несколько дней. И вот однажды Синдбад влез на дерево и увидал вдали большой бѣлый купол, который ослепительно сверкал на солнце. Синдбад очень обрадовался и подумал: «Это, навѣрно, крыша дворца, в котором живѣт царь этого острова. Я пойду к нему, и он поможет мне добратъся до Багдада».

Синдбад быстро спустился с дерева и пошел вперед, не сводя глаз с бѣлого купола. Подойдя на близкое расстояние, он увидал, что это не дворец, а бѣлый шар — такой огромный, что верхушки его не было видно. Синдбад обошел его кругом, но не увидал ни окон, ни дверей. Он попробовал влезть на верхушку шара, но стѣнки были такіе скользкіе и гладкіе, что Синдбаду не за что было ухватиться.

«Вот чудо! — подумал Синдбад. — Что это за шар?»

Вдруг всё вокруг потемнело. Синдбад взглянул вверх и увидел, что над ним летит огромная птица и крылья её, словно тучи, заслоняют солнце. Синдбад сначала испугался, но потом вспомнил, что капитан его корабля рассказывал, будто на дальних островах живёт птица Рухх, которая кормит своих птенцов слонами. Синдбад сразу понял, что белый шар — это яйцо птицы Рухх. Он притаялся и стал ждать, что будет дальше. Птица Рухх, покругившись в воздухе, опустилась на яйцо, покрыла его своими крыльями и заснула. Синдбада она и не заметила.

А Синдбад лежал неподвижно возле яйца и думал: «Я нашёл способ выбраться отсюда. Лишь бы только птица не проснулась».

Он подождал немного и, увидев, что птица крепко спит, быстро снял с головы тюрбан, размотал его и привязал себя к ноге птицы Рухх. Она и не шевельнулась — ведь в сравнении с ней Синдбад был не больше муравья. Привязавшись, Синдбад улёгся на ногу птицы и сказал себе:

«Завтра она улетит со мною и, может быть, перенесёт меня в страну, где есть люди и города. Но если даже я упаду и разобьюсь, всё-таки лучше умереть сразу, чем ждать смерти на этом необитаемом острове».

Рано утром перед самым рассветом птица Рухх проснулась, с шумом расправила крылья, громко и протяжно вскрикнула и взвилась в воздух. Синдбад от страха зажмурил глаза и крепко ухватился за ногу птицы. Она поднялась до самых облаков и долго летела над водами и землями, а Синдбад висел, привязанный к её ноге, и боялся посмотреть вниз. Наконец птица Рухх стала опускаться и, сев на землю, сложила крылья. Тогда Синдбад быстро и осторожно развязал тюрбан, дрожа от страха, что Рухх заметит его и убьёт.

Но птица так и не увидела Синдбада. Она вдруг схватила когтями с земли что-то длинное и толстое

и улетела. Синдбад посмотрел ей вслед и увидел, что Рухх уносит в когтях огромную змею, длиннее и толще самой большой пальмы.

Синдбад отдохнул немного и осмотрелся — и оказалось, что птица Рухх принесла его в глубокую и широкую долину. Вокруг стеной стояли огромные горы, такие высокие, что вершины их упирались в облака, и не было выхода из этой долины.

— Я избавился от одной беды и попал в другую, ещё худшую, — сказал Синдбад, тяжело вздыхая. — На острове были хоть плоды и пресная вода, а здесь нет ни воды, ни деревьев.

Не зная, что ему делать, он печально бродил по долине, опустив голову. Тем временем над горами взошло солнце и осветило долину. И вдруг вся она ярко засверкала. Каждый камень на земле блестел и переливался синими, красными, желтыми огнями. Синдбад поднял один камень и увидел, что это драгоценный алмаз, самый твердый камень на свете, которым сверлят металлы и режут стекло. Долина была полна алмазов, и земля в ней была алмазная.

И вдруг отовсюду послышалось шипение. Огромные змеи выползали из-под камней, чтобы погреться на солнце. Каждая из этих змей была больше самого высокого дерева, и если бы в долину пришел слон, змеи, наверно, проглотили бы его целиком.

Синдбад задрожал от ужаса и хотел бежать, но бежать было некуда и нигде было укрыться. Синдбад заметался во все стороны и вдруг заметил маленькую пещеру. Он забрался в нее ползком и очутился прямо перед огромной змеей, которая свернулась клубком и гробно шипела. Синдбад еще больше испугался. Он выполз из пещеры и прижался спиной к скале, стараясь не шевелиться. Он видел, что нет ему спасения.

И вдруг прямо перед ним упал большой кусок мяса. Синдбад поднял голову, но над ним ничего не было, кроме неба и скал. Скоро сверху упал другой ку-

сок мяса, за ним третий. Тогда Синдбад понял, где он находится и что это за долина.

Давно-давно в Багдаде он слышал от одного путешественника рассказ о долине алмазов. «Эта долина, — говорил путешественник, — находится в далекой стране между гор, и никто не может попасть в нее, потому что туда нет дороги. Но купцы, которые торгуют алмазами, придумали хитрость, чтобы добывать камни. Они убивают овец, режут ее на куски и бросают мясо в долину. Алмазы прилипают к мясу, а в полдень в долину спускаются хищные птицы — орлы и ястребы, — хватают мясо и взлетают с ним на гору. Тогда купцы стуком и криками отгоняют птиц от мяса и отдирают прилипшие алмазы; мясо же они оставляют птицам и зверям».

Синдбад вспомнил этот рассказ и обрадовался. Он придумал, как ему спастись. Быстро собрал он столько крупных алмазов, сколько мог унести с собой, а потом распустил свой тюрбан, лег на землю, положил на себя большой кусок мяса и крепко привязал его к себе. Не прошло и минуты, как в долину спустился горный орел, схватил мясо когтями и поднялся на воздух. Долетев до высокой горы, он принялся клевать мясо, но вдруг сзади него раздались громкие крики и стук. Встревоженный орел бросил свою добычу и улетел, а Синдбад развязал тюрбан и встал. Стук и грохот слышались все ближе, и скоро из-за деревьев выбежал старый, толстый бородатый человек в одежде купца. Он колотил палкой по деревянному щиту и кричал во весь голос, чтобы отогнать орла.

Не взглянув даже на Синдбада, купец бросился к мясу и осмотрел его со всех сторон, но не нашел ни одного алмаза. Тогда он сел на землю, схватился руками за голову и воскликнул:

— Что это за несчастье! Я уже целого быка сбросил в долину, но орлы унесли все куски мяса к себе в гнезда. Они оставили только один кусок и, как на-

рочно, такой, к которому не прилипло ни одного камешка. О горе! О неудача!

Тут он увидел Синдбада, который стоял с ним рядом, весь в крови и пыли, босой и в разорванной одежде. Купец сразу перестал кричать и замер от испуга. Потом он поднял свою палку, закрылся щитом и спросил:

— Кто ты такой и как ты сюда попал?

— Не бойся меня, почтенный купец. Я не сделаю тебе зла, — ответил Синдбад. — Я тоже был купцом, как и ты, но испытал много бед и страшных приключений. Помогй мне выбраться отсюда и попасть на родину, и я дам тебе столько алмазов, сколько у тебя никогда не было.

— А у тебя правда есть алмазы? — спросил купец. — Покажи.

Синдбад показал ему свои камни и подарил самые лучшие из них. Купец обрадовался и долго благодарил Синдбада, а потом он позвал других купцов, которые также добывали алмазы, и Синдбад рассказывал им обо всех своих несчастьях.

Купцы поздравили его со спасением, дали ему хорошую одежду и взяли его с собой.

Они долго шли через степи, пустыни, равнины и горы, и немало чудес и диковинок пришлось увидеть Синдбаду, пока он добрался до своей родины.

На одном острове он увидел зверя, которого называют каркаданны. Каркаданны похож на большую корову, и у него один толстый рог посередине головы. Он такой сильный, что может носить на своём роге большого слона. От солнца жир слона начинает таять и заливает каркаданну глаза. Каркаданны слепнет и ложится на землю. Тогда к нему прилетает птица Рухх и уносит его в когтях вместе со слонем в своё гнездо.

После долгого путешествия Синдбад наконец добрался до Багдада. Родные с радостью встретили его и устроили праздник по случаю его возвращения. Он

думали, что Синдбад погіб, и не надѣялись больше его увидѣть. Синдбад продал свой алмазы и опять стал торговать, как прежде.

Так окончилось второе путешествіе Синдбада-Морехода.

Третье путешествіе

Нѣсколько лет прожил Синдбад в родном городе, никуда не выезжая. Его друзья и знакомые, багдадские купцы, каждый вечер сходились к нему и слушали рассказы о его странствіях, и всякий раз, как Синдбад вспоминал про птицу Рухх, алмазную долину огромных змей, ему становилось так страшно, как будто он все еще бродил в долине алмазов.

Однажды вечером к Синдбаду, по обыкновению, пришли его приятели-купцы. Когда они кончили ужин и приготовились слушать рассказы хозяина, в комнату вошел слуга и сказал, что у ворот стоит человек и продает диковинные плоды.

— Прикажи ему войти сюда, — сказал Синдбад.

Слуга привел торговца плодами в комнату. Это был смуглый человек с длинной черной бородой, одетый по-иноземному. На голове он нес корзину, полную великолѣпных плодов. Он поставил корзину перед Синдбадом и снял с нее покрывало.

Синдбад заглянул в корзину — и ахнул от удивления. В ней лежали огромные круглые апельсины, кислые и сладкие лимоны, померанцы, яркие, словно огонь, персики, груши и гранаты, такие большие и сочные, каких не бывает в Багдаде.

— Кто ты, чужеземец, и откуда ты пришел? — спросил Синдбад торговца.

— О господин, — ответил тот, — я родился далеко отсюда, на острове Серендибе. Всю мою жизнь я плавал по морям и побывал во многих странах, и везде я продавал такие плоды.

— Расскажи мне про остров Серендиб: какой он и кто на нём живёт? — сказал Синдбад.

— Про мою родину не рассказешь словами. Её нужно видеть, так как нет в мире острова прекраснее и лучше Серендиба, — ответил торговец. — Когда путник вступает на берег, он слышит пение прекрасных птиц, перья которых горят на солнце, как драгоценные камни. Даже цветы на острове Серендибе светятся, словно яркое золото. И есть на нём цветы, которые плачут и смеются. Каждый день на восходе солнца они поднимают свои головки вверх и громко кричат: «Утро! Утро!» — и смеются, а вечером, когда солнце заходит, они опускают головки к земле и плачут. Лишь только наступает темнота, выходят на берег моря всевозможные звери — медведи, барсы, львы и морские кони, — и каждый держит во рту драгоценный камень, который сверкает, как огонь, и освещает всё вокруг. А деревья на моей родине самые редкие и дорогие: алёз, которое так прекрасно пахнет, если его зажечь; крепкий тек, что идёт на корабельные мачты, — ни одно насекомое не прогрызёт его, и не повредит ему ни вода, ни холод; высокие пальмы и блестящие эбен, или чёрное дерево. Море вокруг Серендиба ласковое и тёплое. На дне его лежат чудесные жемчужины — белые, розовые и чёрные, и рыбаки ныряют в воду и достают их. А иногда они посылают за жемчугом маленьких обезьян...

Долго ещё рассказывал торговец плодами про диковины острова Серендиба, и, когда он кончил, Синдбад щедро наградил его и отпустил. Торговец ушёл, низко кланяясь, а Синдбад лёг спать, но ещё долго ворочался с боку на бок и не мог заснуть, вспоминая рассказы об острове Серендиб. Ему слышался плеск моря и скрип корабельных мачт, он видел перед собой чудесных птиц и золотые цветы, сверкавшие яркими огнями. Наконец он заснул, и ему приснилась обезьяна с огромной розовой жемчужиной во рту.

Проснувшись, он сразу же вскочил с постели и сказал себе:

— Я непременно должен побывать на острове Серендибе! Сегодня же начну собираться в путь.

Он собрал все, какие у него были, деньги, купил товаров, простился со своими родными и опять отправился в приморский город Басру. Он долго выбирал себе корабль получше и наконец нашёл прекрасное, крепкое судно. Капитаном этого судна был мореход из Персии по имени Бузург — старый толстый человек с длинной бородой. Он много лет плавал по океану, и его корабль ни разу не потерпел крушения.

Синдбад велел погрузить свои товары на корабль Бузурга и тронулся в путь. С ним вместе поехали его приятели-купцы, которым также захотелось побывать на острове Серендибе.

Ветер был попутный, и корабль быстро двигался вперёд. Первые дни всё шло благополучно. Но однажды утром на море началась буря; поднялся сильный ветер, который то и дело менял направление. Корабль Синдбада носило по морю как щепку. Огромные волны одна за другой перекатывались через палубу. Синдбад и его приятели привязали себя к мачтам и стали прощаться друг с другом, не надеясь спастись. Только капитан Бузург был спокоен. Он сам встал у руля и громким голосом отдавал приказания. Видя, что он не боится, успокоились и его спутники. К полудню буря начала стихать. Волны стали меньше, небо прояснилось. Скоро наступило полное затишье.

И вдруг капитан Бузург принялся бить себя по лицу, стонать и плакать. Сорвал с головы тюрбан, бросил его на палубу, разорвал на себе халат и крикнул:

— Знайте, что наш корабль попал в сильное течение и мы не можем из него выйти! А это течение несёт нас к стране, которая называется «Страна мох-

натых». Там живёт люди, похожие на обезьян, и никто ещё не вернулся живым из этой страны. Готовьтесь же к смерти — нам нет спасения!

Не успел капитан договорить, как раздался страшный удар. Корабль сильно встряхнуло, и он остановился. Течение пригнало его к берегу, и он сел на мель. И сейчас же весь берег покрылся маленькими человечками. Их становилось всё больше и больше, они скатывались с берега прямо в воду, подплывали к кораблю и быстро карабкались на мачты. Эти маленькие люди, покрытые густой шерстью, с желтыми глазами, кривыми ногами и цепкими руками, перегрызли корабельные канаты и сорвали паруса, а потом бросились на Синдбада и его спутников. Передний человечек подкрался к одному из купцов. Купец выхватил меч и разрубил его пополам. И сейчас же на него кинулись ещё десять мохнатых, схватили его за руки и за ноги и сбросили в море, а за ним и другого и третьего купца.

— Неужели мы испугаемся этих обезьян?! — воскликнул Синдбад и вынул меч из ножен.

Но капитан Бузург схватил его за руку и закричал:

— Берегись, Синдбад! Разве ты не видишь, что если каждый из нас убьёт десять или даже сто обезьян, остальные разорвут его в клочья или выкинут за борт? Бежим с корабля на остров, а корабль пусть достаётся обезьянам.

Синдбад послушался капитана и вложил меч в ножны.

Он выскочил на берег острова, и его спутники последовали за ним. Последним ушёл с корабля капитан Бузург. Ему было очень жалко оставлять своё судно этим мохматым обезьянам.

Синдбад и его приятели медленно пошли вперед, не зная, куда направиться. Они шли и тихо разговаривали между собой. И вдруг капитан Бузург воскликнул:

— Смотрите! Смотрите! Дворец!

Синдбад поднял голову и увидел высокий дом с чёрными железными воротами.

— В этом доме, может быть, живут люди. Пойдём и узнаем, кто его хозяин, — сказал он.

Путники пошли быстрее и вскоре дошли до ворот дома. Синдбад первым вбежал во двор и крикнул:

— Тут, наверно, недавно был пир! Смотрите — на палках вокруг жаровни висят котлы и сковороды и всюду разбросаны обглоданные кости. А угли в жаровне ещё горячие. Посидим немного на этой скамье — может быть, хозяин дома выйдет во двор и позовёт нас,

Синдбад и его спутники так устали, что едва держались на ногах. Они уселись, кто на скамью, а кто прямо на землю, и вскоре уснули, пригрёвшись на солнце. Синдбад проснулся первым. Его разбудил сильный шум и гул. Казалось, что где-то недалеко проходит большое стадо слонов. Земля дрожала от чьих-то тяжёлых шагов. Было уже почти темно. Синдбад привстал со скамьи и замер от ужаса: прямо на него двигался человек огромного роста — настоящий великан, похожий на высокую пальму. Он был весь чёрный, глаза у него сверкали, как горящие головни, рот был похож на отверстие колодца, а зубы торчали, точно клыки кабана. Уши падали ему на плечи, а ногти на его руках были широкие и острые, как у льва. Великан шёл медленно, слегка согнувшись, точно ему трудно было нести свою голову, и тяжело вздыхал. От каждого вздоха шелестели деревья и верхушки их пригибались к земле, как во время бури. В руках у великана был огромный факел — целый ствол смолистого дерева.

Спутники Синдбада тоже проснулись и лежали на земле полумёртвые от страха. Великан подошёл и нагнулся над ними. Он долго рассматривал каждого из них и, выбрав одного, поднял его, как пёрыш-

ко. Это был капитан Бузург — самый большой и толстый из спутников Синдбада.

Синдбад выхватил меч и бросился к великану. Весь его страх прошёл, и он думал только об одном: как бы вырвать Бузурга из рук чудовища. Но великан ударом ноги отбросил Синдбада в сторону. Он разжёл огонь на жаровне, зажарил капитана Бузурга и съел его.

Кончив есть, великан растянулся на земле и громко захрапел. Синдбад и его товарищи сидели на скамье, прижавшись друг к другу и затаив дыхание.

Синдбад оправился первый и, убедившись, что великан крепко спит, вскочил и воскликнул:

— Лучше было бы, если бы мы утонули в море! Неужели мы позволим великану съесть нас, как овёц?

— Уйдём отсюда и пойдём такое место, где бы мы могли спрятаться от него, — сказал один из купцов.

— Куда нам уйти? Он ведь всюду нас найдёт, — возразил Синдбад. — Лучше будет, если мы убьём его и потом уплывём по морю. Может быть, нас подберёт какой-нибудь корабль.

— А на чём же мы уплывём, Синдбад? — спросили купцы.

— Посмотрите на эти брёвна, что сложены около жаровни. Они длинные и толстые, и, если их связать вместе, выйдет хороший плот, — сказал Синдбад. — Перенесём их на берег моря, пока спит этот жестокий людоед, а потом мы вернёмся сюда и придумаем способ его убить.

— Это прекрасный план, — сказали купцы и начали перетаскивать брёвна на морской берег и связывать их верёвками из пальмового лыка¹.

К утру плот был готов, и Синдбад с товарищами вернулись во двор великана. Когда они пришли, лю-

---

¹ Лыко — волокнистая внутренняя часть коры листовых деревьев, разделяемая на узкие полосы.

доёда на дворé нé было. До сáмого вéчера он не появлялся.

Когда стемнело, земля опять затряслась и послышался гул и топот. Великán был близко. Как и накануне, он медленно подошёл к товарищам Синдбада и нагнулся над ними, освещая их факелом. Он выбрал самого толстого купца, проткнул его вертелом¹, зажарил и съел. А потом он растянулся на земле и заснул.

— Ещё один наш спутник погиб! — воскликнул Синдбад. — Но это последний. Больше этот жестокий человек никого из нас не съест.

— Что же ты задумал, Синдбад? — спросили его купцы.

— Смотрите и делайте так, как я скажу! — воскликнул Синдбад.

Он схватил два вертела, на которых великán жарил мясо, раскалил их на огне и приставил к глазам людоеда. Потом он сделал знак купцам, и они все вместе навалились на вертелá. Глазá людоеда ушли в глубь головы, и он ослеп.

Людоед со страшным криком вскочил и принялся шарить вокруг себя руками, стараясь поймать своих врагов. Но Синдбад и его товарищи врассыпную бросились от него и побежали к морю. Великán пошёл за ними, продолжая громко кричать. Он догонял беглецов и перегонял их, но так и не поймал никого. Они пробегали у него между ногами, увертывались от его рук и наконец добежали до берега моря, сели на плот и отплыли, гребя, как веслом, тонким стволóm молодой пальмы.

Когда людоед услышал удары весла о воду, он понял, что добыча ушла от него. Он закричал ещё громче прежнего. На его крик прибежали ещё два великана, такие же страшные, как он. Они отломали от скал по громадному камню и бросили вслед беглецам.

¹ Вертел — железный прут для жарения мяса над огнём.

Глыбы скал со страшным шумом упали в воду, только слегка задёв плот. Но от них поднялись такие волны, что плот перевернулся. Спутники Синдбада почти совсем не умели плавать. Они сразу захлебнулись и пошли ко дну. Только сам Синдбад и ещё двое купцов помоложе успели схватиться за плот и удержались на поверхности моря.

Синдбад с трудом вскарабкался снова на плот и помог своим товарищам выбраться из воды. Волны унесли их весло, и им пришлось плыть по течению, слегка направляя плот ногами. Становилось светлее. Скоро должно было взойти солнце. Товарищи Синдбада, мокрые и дрожащие, сидели на плоту и громко жаловались. Синдбад стоял на краю плота, высматривая, не видно ли вдали берега или паруса корабля. Вдруг он обернулся к своим спутникам и крикнул:

— Мужайтесь, друзья мои Ахмед и Хасан! Земля недалеко, и течение несёт нас прямо к берегу. Видите, птицы кружатся там, вдали, над водою? Их гнёзда, наверно, где-нибудь близко. Ведь птицы не улетают далеко от своих птенцов.

Ахмед и Хасан подбодрились и подняли головы. Хасан, у которого глаза были зоркие, как у ястреба, посмотрел вперёд и сказал:

— Твоя правда, Синдбад. Вон там, вдаль, я вижу остров. Скоро течение пригонит к нему наш плот, и мы отдохнём на твёрдой земле.

Измученные путники обрадовались и стали сильнее грести ногами, чтобы помочь течению. Если бы они только знали, что ждёт их на этом острове!

Скоро плот прибило к берегу, и Синдбад с Ахмедом и Хасаном вышли на сушу. Они медленно пошли вперёд, подбирая с земли ягоды и корни, и увидели высокие, развесистые деревья на берегу ручья. Густая трава так и манила прилечь и отдохнуть.

Синдбад бросился под дерево и сейчас же заснул. Его разбудил какой-то странный звук, точно кто-то перетирал зерно между двумя огромными камнями.

Синдба́д откры́л глаза́ и вскочи́л на́ ноги. Он уви́дел перед собо́й о́громного зме́я с ши́рокой па́стью, как у кита́. Змей споко́йно лежа́л на брjúхе и ле́ниво с гро́мким хру́стом дви́гал че́люстями. Э́тот хруст и разбуди́л Синдба́да. А из па́сти зме́я торча́ли челове́ческие но́ги в санда́лиях. По санда́лиям Синдба́д узна́л, что э́то но́ги Ахме́да.

Постепенно́ Ахме́д цели́ком исче́з в брjúхе зме́я, и змей ме́дленно упо́лз в лес. Ко́гда он скры́лся, Синдба́д осмо́трелся круго́м и уви́дел, что он оста́лся оди́н.

«А где же Ха́сан? — подумал Синдба́д. — Неужели егó то́же съел змей?»

— Э́й, Ха́сан, где ты? — кри́кнул он.

— Здесь! — разда́лся го́лос отку́да-то свёрху.

Синдба́д подня́л го́лову и уви́дел Ха́сана, кото́рый сиде́л скорчи́вшись в густы́х ветв́ях де́рева, ни жи́вой ни ме́ртвый от стра́ха.

— Полеза́й и ты сю́да! — кри́кнул он Синдба́ду.

Синдба́д схвати́л с земли́ не́сколько кокосовых оре́хов и вскара́бкался на де́рево. Ему́ пришло́сь сиде́ть на ве́рхней ветке́, э́то было́ о́чень неудобно́. А Ха́сан прекра́сно устро́ился на ши́роком сукóу по́ниже.

Мно́го часо́в просиде́ли Синдба́д и Ха́сан на де́реве, ка́ждую мину́ту ожида́я появле́ния зме́я. Ста́ло смерка́ться, наступи́ла ночь, а чуде́вища всё не́ было. Наконéц Ха́сан не вы́держал и засну́л, оперши́сь спино́й о ствол де́рева и свеси́в но́ги. Вскоре задрема́л и Синдба́д. Ко́гда он просну́лся, было́ светло́ и со́лнце стоя́ло дово́льно высоко́. Синдба́д осто́рожно наклони́лся и посмо́трел вниз. Ха́сана на ветке́ больше́ не́ было. На траве́, под де́ревом, белела́ егó чалма́ и валя́лись сто́птаные ту́фли — всё, что оста́лось от бе́дного Ха́сана.

«Егó то́же сожра́л э́тот ужасный змей, — подумал Синдба́д. — Ви́дно, и на де́реве от него́ не спря́чешься».

Тепе́рь Синдба́д был оди́н на о́строве. До́лго иска́л

он како́го-нибудь местёчка, что́бы укры́ться от зме́я, но на о́строве не́ было ни одной скалы́ или пещёры. Уста́в иска́ть, Синдба́д присе́л на землё́ у са́мого мо́ря и стал ду́мать, как бы ему́ спасти́сь.

«Если я вы́рвался из рук людое́да, так неужели я дам себя́ съесть зме́ю? — ду́мал он. — Я челове́к, и у меня́ есть ра́зум, кото́рый помо́жет мне перехитри́ть это́ чуде́вище».

Вдруг с мо́ря плесну́ла о́громная волна́ и вы́бросила на бе́рег то́лстую корабельную до́ску. Синдба́д уви́дел э́ту до́ску и сейча́с же придума́л, как ему́ спасти́сь. Он схвати́л до́ску, подобра́л на бере́гу ещё́ не́сколько досо́к по́меньше и уне́с их в лес. Вы́брав до́ску подходя́щего разме́ра, Синдба́д привяза́л её к своим нога́м большо́м кусо́ком па́льмового лы́ка. Та́кую же до́ску он привяза́л к голове́, а две дру́гие — к те́лу, справа́ и сле́ва, так что оказа́лся как бу́дто в ящи́ке. А пото́м он ле́г на зе́млю и стал жда́ть.

Ско́ро слы́шался треск хво́роста и гро́мкое шипё́ние. Змей почу́ял за́пах челове́ка и разыска́л свою́ добы́чу. Из-за дере́вьев показа́лась его́ дли́нная голова́, на кото́рой свети́лись, как фа́келы, два большо́х гла́за. Он подпо́лз к Синдба́ду и широ́ко разину́л пасть, высыва́я дли́нный раздво́енный язы́к.

Он уди́вленно осмо́трел ящи́к, из кото́рого так вку́сно па́хло челове́ком, и по́пробовал захва́тить его́ и разгры́зть зу́бамн, но кре́пкое дере́во не поддава́лось.

Змей обошёл Синдба́да со все́х сторо́н, пыта́ясь сорва́ть с него́ дере́вянный щит. Щит оказа́лся сли́шком кре́пким, и змей то́лько обломáл себе́ зу́бы. В я́рости он стал би́ть хвостом по до́ска́м. До́ски задрожа́ли, но вы́держали. До́лго труди́лся змей, но так и не добра́лся до Синдба́да. Наконе́ц он вы́билсЯ из сил и упо́лз обра́тно в лес, шипя́ и разбра́сывая хвостом су́хие ли́стья.

Синдба́д бы́стро отвяза́л до́ски и вскочи́л на́ ноги.
— Лежа́ть ме́жду до́ска́ми о́чень неудо́бно, но

если змей застигнет меня беззащитным, он меня сожрёт, — сказал себе Синдбад. — Надо бежать с острова. Пусть лучше я утону в море, чем погибну в пасти змея, как Ахмед и Хасан.

И Синдбад решил опять смастерить себе плот. Он вернулся к морю и начал собирать доски. Вдруг он увидел неподалёку парус корабля. Корабль всё приближался, попутный ветер гнал его к берегам острова. Синдбад сорвал с себя рубашку и принялся бегать по берегу, размахивая ею. Он махал руками, кричал и всячески старался обратить на себя внимание. Наконец матросы заметили его, и капитан приказал остановить корабль. Синдбад бросился в воду и в несколько взмахов достиг корабля. По парусам и по одежде матросов он узнал, что корабль принадлежит его землякам. Действительно, это был арабский корабль. Капитан корабля много слышал рассказов про остров, где живёт страшный змей, но никогда не слышал, чтобы кто-нибудь от него спасся.

Матросы ласково встретили Синдбада, накормили и одели его. Капитан приказал поднять паруса, и корабль помчался дальше.

Долго плыл он по морю и наконец доплыл до какой-то земли. Капитан остановил корабль у пристани, и все путники вышли на берег продавать и выменивать свои товары. Только у Синдбада ничего не было. Грустный и печальный, остался он на корабле. Скоро капитан подозвал его к себе и сказал:

— Я хочу сделать доброе дело и помочь тебе. С нами был один путешественник, которого мы потеряли, и я не знаю, умер он или жив. А товары его так и лежат в трюме. Возьми их и продай на рынке, и я дам тебе что-нибудь за труды. А то, что не удастся продать, мы отвезём в Багдад и отдадим его родственникам.

— Охотно сделаю это, — сказал Синдбад.

И капитан приказал матросам вынести товары из трюма.

Когда выгрузили последний тюк, корабельный пи-сец спросил капитана:

— Что это за товары и как зовут их хозяина? На чье имя их записать?

— Запиши на имя Синдбада-Морехода, который плыл с нами на корабле и пропал, — ответил капитан.

Услышав это, Синдбад едва не лишился чувств от удивления и радости.

— О господин, — спросил он капитана, — знаешь ли ты того человека, чьи товары ты приказал мне продать?

— Это был человек из города Багдада по имени Синдбад-Мореход, — отвечал капитан.

— Это я Синдбад-Мореход! — закричал Синдбад. — Я не пропал, а заснул на берегу, а ты не дождался меня и уплыл. Это было в мое прошлое путешествие, когда птица Рухх принесла меня в долину алмазов.

Матросы слышали слова Синдбада и толпой обступили его. Некоторые ему верили, другие называли его лжецом. И вдруг подошел к капитану один купец, который тоже плыл на этом корабле, и сказал:

— Помнишь, я тебе рассказывал, как я был на алмазной горе и бросил в долину кусок мяса, и к мясу прицепился какой-то человек, и орел принес его на гору вместе с мясом? Ты мне не поверил и сказал, что я лгу. Вот человек, который привязался тюрбаном к моему куску мяса. Он подарил мне такие алмазы, лучше которых не бывает, и сказал, что его зовут Синдбад-Мореход.

Тут капитан обнял Синдбада и сказал ему:

— Возьми свои товары. Теперь я верю, что ты Синдбад-Мореход. Продай их поскорей, пока на рынке не кончилась торговля.

Синдбад продал свои товары с большой прибылью и вернулся в Багдад на этом же корабле. Он был

очень доволен, что возвратился домой, и твердо решил никогда больше не пускаться в путешествия.

Так окончилось третье путешествие Синдбада.

Четвёртое путешествие

Но прошло немного времени, и Синдбаду опять захотелось побывать в чужих странах. Он купил самых дорогих товаров, отправился в Басру, нанял хороший корабль и поплыл в сторону Индии.

Первые дни всё шло благополучно, но однажды под утро поднялась буря. Корабль Синдбада стало кидать по волнам, как щепку. Капитан велел бросить якорь в мелком месте, чтобы переждать бурю. Но не успел корабль остановиться, как якорные цепи лопнули, и корабль понесло прямо на берег. Паруса на корабле порвались, волны залили палубу и унесли всех купцов и матросов в море.

Несчастные путешественники, точно камни, пошли ко дну. Только Синдбад и ещё несколько купцов схватились за обломок доски и удержались на поверхности моря.

Целый день и целую ночь носились они по морю, а утром волны выбросили их на скалистый берег.

Еле живые лежали путники на земле. Только когда прошёл день, а за ним ночь, они немного опомнились.

Дрожая от холода, Синдбад и его друзья пошли по берегу, надеясь, что встретят людей, которые их приютят и накормят. Долго шли они и наконец увидели вдалеке высокую постройку, похожую на дворец. Синдбад очень обрадовался и пошёл быстрее. Но едва путники приблизились к этой постройке, их окружила толпа людей. Эти люди схватили их и отвели к своему царю, а царь знаком приказал им сесть. Когда они сели, перед ними поставили миски с каким-

то дикóвинным кúшаньем. Ни Синдбáд, ни его прíятели-купцы́ никогдá тако́го не ёли. Слúтники Синдбáда с жáдностью набрóсились на кúшанье и съели всё, что бýло в мíсках. Одíн Синдбáд почти́ не притронулся к кúшанью, а то́лько попрóбовал его.

А царь э́того гóрода был людое́д. Его́ приближённые лови́ли всех чужезёмцев, кото́рые заходи́ли в их страну́, и корми́ли их э́тим кúшаньем. Всякий, кто ел его́, постепеннó терял рáзум и станови́лся похóж на живóтное. Откормив чужезёмца, приближённые царя́ убивáли его́, жáрили и съедáли. А царь ел людéй прýмо сыры́ми.

Прíятелей Синдбáда то́же ждалá такáя úчасть. Кáждый день онí ёли помно́гу э́того кúшанья, и всё тéло у них заплýло жíром. Онí перестáли пони́мать, что с нíми дéлается, — то́лько ёли и спáли. Их óтдали пастухú, то́чно свинéй; кáждый день пастух выгоня́л их зá город и корми́л из больш́их коры́т.

Синдбáд не ел э́того кúшанья, а друго́го ему́ не дава́ли. Он подбирáл на лугáх коренья́ и я́годы и кое-кáк пита́лся нíми. Всё его́ тéло вы́сохло, он ослабéл и ёле держáлся на ногáх. Видя, что Синдбáд тако́й слáбый и то́щий, приближённые царя́ реши́ли, что его́ не нáдо стеречь — всё равнó не убежит, — и скóро забы́ли о нём.

А Синдбáд то́лько и мечтáл, как бы вы́рваться от людое́дов. Одна́жды úтром, когдá все ещё спáли, он вы́шел из ворóт дворца́ и пошёл куда́ глаза́ глядят. Скóро он пришёл на зелёный луг и уви́дел челове́ка, кото́рый сидéл на большóм кáмне. Это был пастух. Он то́лько что пригна́л купцов, прíятелей Синдбáда, из гóрода и поста́вил перед нíми коры́то с кóрмом. Уви́дев Синдбáда, пастух срáзу пóнял, что Синдбáд здоров и владеет сво́им умóм. Он сдéлал ему́ знак рукой: «Подойди́ сюда!» — и, когдá Синдбáд прибли́зился, сказа́л ему́:

— Иди́ по э́той тропи́нке, а когдá дойдёшь до ле-рекрёстка, сверни́ напра́во и вы́йдешь на султáнскую

дорогу. Она выведет тебя из земли нашего царя, и ты, может быть, доберёшься до твоей родины.

Синдбád поблагодарил пастуха и пошёл. Он старался идти как можно быстрее и скоро увидел справа от себя дорогу. Семь дней и семь ночей шёл Синдбád по этой дороге, питаюсь кореньями и ягодами. Наконец на восьмой день утром он увидел невдалеке от себя толпу людей и подошёл к ним. Люди обступили его и стали расспрашивать, кто он и откуда пришёл. Синдбád рассказал им обо всём, что с ним случилось, и его отвели к царю той страны. Царь велел накормить Синдбада и тоже спросил его, откуда он родом и что с ним произошло. Когда Синдбád рассказал царю о своих приключениях, царь очень удивился и воскликнул:

— Я в жизни не слышал истории удивительней! Добро пожаловать, чужеземец! Оставайся жить в моём городе.

Синдбád остался в городе этого царя, которого звали Тайгамус. Царь очень полюбил Синдбада и скоро так привык к нему, что не отпускал его от себя ни на минуту. Он оказывал Синдбаду всякие милости и исполнял все его желания.

И вот однажды после обеда, когда все приближённые царя, кроме Синдбада, разошлись по домам, царь Тайгамус сказал Синдбаду:

— О Синдбád, ты стал для меня дороже всех моих приближённых, и я не могу расстаться с тобой. У меня есть к тебе большая просьба. Обещай мне, что исполнишь её.

— Говори, какая у тебя просьба, — ответил Синдбád. — Ты был добр ко мне, и я не могу тебя ослушаться.

— Остаётся у нас навсегда, — сказал царь. — Я найду тебе хорошую жену, и тебе будет в моём городе не хуже, чем в Багдаде.

Услышав слова царя, Синдбád очень огорчился. Он всё ещё надеялся вернуться когда-нибудь в Баг-

дад, а теперь надежду приходилось оставить. Ведь не мог же Синдбад отказать царю!

— Пусть будет по-твоему, о царь, — сказал он. — Я останусь здесь навсегда.

Царь тотчас же велел отвести Синдбаду помещение во дворце и женил его на дочери своего vizиря.

Ещё несколько лет прожил Синдбад в городе царя Тайгамуса и стал понемногу забывать Багдад. У него завелись друзья и среди жителей города, все его любили и уважали.

И вот однажды ранним утром к нему вошёл один из его приятелей по имени Абу-Мансур. Одежда на нём была разорвана и тюрбан съехал набок; он ломал себе руки и горько рыдал.

— Что с тобой, Абу-Мансур? — спросил Синдбад.

— Сегодня ночью у меня умерла жена, — ответил его приятель.

Синдбад принялся его утешать, но Абу-Мансур продолжал горько плакать, ударяя себя руками в грудь.

— О Абу-Мансур, — сказал Синдбад, — что пользы так убиваться? Пройдёт время, и ты утетишься. Ты ведь ещё молодой и долго проживёшь.

И вдруг Абу-Мансур заплакал ещё сильнее и воскликнул:

— Как это ты говоришь, что я долго проживу, когда мне осталось жить всего один день! Завтра ты лишишься меня и никогда больше меня не увидишь.

— Почему? — спросил Синдбад. — Ты ведь здоров, и тебе не грозит смерть.

— Завтра похоронят мою жену, и меня тоже опустят с нею в могилу, — сказал Абу-Мансур. — В нашей стране такой обычай: когда умирает женщина, её мужа хоронят живым вместе с нею, а когда умирает мужчина, с ним вместе хоронят его жену.

«Это очень скверный обычай, — подумал Синд-

бад. — Хорошó, что я чужеземец и меня не похорóнят живымъ».

Он постарáлся, как мог, утешить Абú-Мансúра и обещáл, что попросит царя избáвить его от такой страшной смёрти. Но когда Синдбад пришёл к царю и высказал ему свою просьбу, царь покачáл головой и сказáл:

— Проси о чём хочешь, Синдбад, но только не об этом. Я не могу нарушить обычаи моих прédков. Завтра твоего приятеля опустят в могилу.

— О царь, — спросил Синдбад, — а если умрёт женá у чужеземца, её мýжа тоже похорóнят вместе с нею?

— Да, — отвéтил царь. — Но не беспокойся за себя. Твоя женá ещё слишком молодá и, наверно, не умрёт раньше тебя.

Когда Синдбад услышал эти слова, он óчень огорчился и испугáлся. Печáльный, вернулсá он к себе и с этих пор всё время думал об одном — как бы его женá не заболела смертельной болéзнь. Прошло немало времени, и то, чего он боялся, случилось. Его женá тяжело занемогла и через нéсколько дней скончалась.

Царь и все жители гóрода пришлi, по обычаю, утешáть Синдбада. На его жеңу надели её лóчшие драгоценности, положили её тéло на носилки и понесли к высокой горé, находившейся недалекó от гóрода. На вершинé горы была вырыта глубокая яма, прикрытая тяжёлым камнем. Носилки с тéлом жеңы Синдбада обвязали верёвками и, подняв кáмень, опустили в могилу. А потóm царь Тайгамус и друзья Синдбада подошли к нему и начали с ним прощáться. Бédный Синдбад понял, что пришёл час его смёрти. Он бросился бежать с криком:

— Я чужеземец и не должен подчиняться вашим обычаям! Я не хочу умереть в этой яме!

Но как ни отбивáлся Синдбад, его всё-таки привели к страшной яме. Ему дали с собой кувшин воды

и семь хлебных лепёшек и, обвязав верёвками, опустили в яму. А потом яму завалили камнем, и царь и все, кто был с ним, ушли обратно в город.

Бедный Синдбад очутился в могиле, среди мертвецов. Сначала он ничего не видел, но когда его глаза привыкли к темноте, он заметил, что в могилу проходит сверху слабый свет. Камень, закрывавший вход в могилу, неплотно прилегал к её краям, и тоненький луч солнца пробивался в пещеру.

Вся пещера была полна мертвецов — мужчин и женщин. На них были надеты их лучшие платья и драгоценности. Отчаяние и горе охватили Синдбада.

«Теперь-то уже мне не спастись, — подумал он. — Из этой могилы никому не выйти».

Через несколько часов солнечный луч, освещавший пещеру, погас, и вокруг Синдбада стало совсем темно. Синдбад был очень голоден. Он съел лепёшку, напился воды и уснул прямо на земле, среди мертвецов.

День, другой, а за ним и третий провёл Синдбад в страшной пещере. Он старался есть как можно меньше, чтобы еды хватило на более долгий срок, но на третий день вечером он проглотил последний кусок лепёшки и запил её последним глотком воды. Теперь ему оставалось только ждать смерти.

Синдбад расстелил на земле свой плащ и лёг. Всю ночь пролежал он без сна, вспоминая родной Багдад, друзей и приятелей. Только под утро его глаза закрылись, и он уснул.

Проснулся он от слабого шороха: кто-то с ворчаньем и фырканьем скрёб когтями каменные стены пещеры. Синдбад вскочил на ноги и пошёл по направлению шума. Кто-то пробежал мимо него, стуча лапами.

«Это, верно, какой-нибудь дикий зверь, — подумал Синдбад. — Почувяв человека, он испугался и убежал. Но как же он попал в пещеру?»

Синдбад бросился следом за зверем и вскоре уви-

дел вдалькѣ свет, котóрый становился тем ярче, чем ближе Синдбад подходил к нему. Скоро Синдбад окаялся перед большѣм отвѣрстием. Синдбад вышел чѣрез отвѣрстие наружу и окаялся на склóне горы. Морскіе волны с рѣвом разбивались о её подножіе.

Радостно стало у Синдбада на душе, снова появилась у него надежда на спасѣние.

«Ведь проходят же мимо этого мѣста кораблі, — подумал он. — Может быть, какое-нибудь судно подберѣт меня. А если да же я умру здесь, это будет лучше, чем погібнуть в этой пещѣре, полнóй мертвецов».

Синдбад посидѣл немного на камне у входа в пещѣру, наслаждаясь свѣжим утренним воздухом. Он принялся думать о своём возвращѣнии в Багдад, к друзьям и приятелям, и грустно стало ему, что он вернѣтся к ним, разорѣнный, без единого дирхема. И вдруг он хлопнул себя рукой по лбу и громко сказал:

— Я печалюсь о том, что вернусь в Багдад нищим, а недалекó от меня лежат такіе богатства, каких нет в сокровищницах персидских царѣй! Пещѣра полна мертвецов, мужчин и жѣнщин, котóрых опускают в неё ужѣ много сотен лет. И вмѣсте с ними опускают в могилу их лучшіе драгоценности. Эти драгоценности так и пропадут в пещѣре без всякой пользы. Если я возьму себе часть их, никто не пострадает от этого.

Синдбад тотчас же вернулся в пещѣру и стал собирать перстни, ожерелья, серьги и браслеты, разбросанные по землѣ. Он завязал всё это в свой плащ и вынес узел с драгоценностями из пещѣры. Несколько дней провѣл он на берегу моря, питаясь травой, плодами, кореньями и ягодами, котóрые он собирал в лесу на склóне горы, и с утра до вечера смотрѣл на море. Наконѣц он увидал вдаль, на волнах, корабль, котóрый направлялся в его сторону.

Мигом сорвал Синдбад с себя рубашку, привязал её к толстой палке и принялся бѣгать по берегу,

размахивая ёю в вóздухе. Дозóрный, сидéвший на мáчте корабля́, замéтил егó зна́ки, и капитáн приказáл остано́вить корáбль невдалекé от бéрега. Не дожидáясь, пока́ за ним пришлёт лóдку, Синдба́д брóсился в во́ду и в нéсколько взма́хов достíг корабля́. Спустя́ мину́ту он уже́ стоя́л на пáлубе, окружённый матрóсами, и рассказывал свою́ истóрию. От матрóсов он узна́л, что корáбль их идёт из Индии в Бáсру. Капитáн охóтно согласился довести́ Синдба́да до э́того гóрода и взял у него́ в уплáту то́лько о́дин драгоценный ка́мень, пра́вда са́мый большо́й.

Че́рез ме́сяц пу́ти корáбль благополúчно достíг Бáсры. Отту́да Синдба́д-Морехóд отпра́вился в Багда́д. Он сложи́л в кладовúю драгоценности, кото́рые привёз с собо́й, и о́пять за́жил в своём до́ме, счастли́вый и ра́достный.

Так окóнчилось четвёртое путеше́ствие Синдба́да.

Пятое путеше́ствие

Прошло́ небольшо́ времени, и снова́ наскúчило Синдба́ду жить в своём прекра́сном до́ме в Го́роде Ми́ра. Кто хо́ть раз пла́вал по́ морю, кто привы́к засыпа́ть под вой и свист вéтра, тому́ не сидётся на твёрдой землé.

И вот одна́жды пришлòсь ему́ поéхать по дела́м в Бáсру, отку́да он не раз начина́л свои́ путеше́ствия. Он о́пять уви́дел э́тот богáтый весёлый гóрод, где нéбо всегда́ тако́е синее и со́лнце свéтит так я́рко, уви́дел кораблè с высо́кими мáчтами и разноцвётными парусáми, услы́шал крèки матрóсов, выгружа́вших из трю́мов дикóвинные замóрские това́ры, и ему́ до того́ захотéлось путеше́ствовать, что он немéдя реши́л соби́раться в путь.

Че́рез де́сять дней Синдба́д уже́ плыл по́ морю на большо́м, крèпком кораблè, нагрúженном това́рами. С ним бы́ло ещё́ нéсколько купцо́в, а вёл корáбль

старый опытный капитан с большою командою матросов.

Два дня и две ночи плыл корабль Синдбада в открытом море, а на третий день, когда солнце стояло как раз над головами путников, вдали показался небольшой скалистый остров. Капитан приказал направиться к этому острову, и, когда корабль приблизился к его берегам, все увидели, что посреди острова возвышается огромный купол, белый и сверкающий, с острой верхушкой. Синдбад в это время спал на палубе в тени паруса.

— Эй, капитан! Останови корабль! — закричали спутники Синдбада.

Капитан велел бросить якорь, и все купцы и матросы выскочили на берег. Когда корабль стал на якорь, толчок разбудил Синдбада, и он вышел на середину палубы, чтобы посмотреть, почему остановился корабль. И вдруг он увидел, что все купцы и матросы стоят вокруг огромного белого купола и стараются пробить его ломami и крючьями.

— Не делайте этого! Вы погибнете! — крикнул Синдбад.

Он сразу понял, что этот купол — яйцо птицы Рухх, такое же, как то, которое он видел в первое путешествие. Если птица Рухх прилетит и увидит, что его разбили, всем матросам и купцам не миновать смерти.

Но товарищи Синдбада не послушались его и стали ещё сильнее бить по яйцу. Наконец скорлупа треснула. Из яйца полилась вода. Потом из него показался длинный клюв, за ним — голова и лапы: в яйце был птенец. Если б яйцо не разбили, он, наверно, скоро бы вылупился.

Матросы схватили птенца, зажарили его и принялись есть. Только Синдбад не притронулся к его мясу. Он бегал вокруг своих товарищей и кричал:

— Кончайте скорей, а то прилетит Рухх и убьёт вас!

И вдруг в воздухе послышался громкий свист и оглушительное хлопанье крыльев. Купцы посмотрели вверх и кинулись к кораблю. Прямо над их головами летела птица Рухх. В когтях у неё извивались две огромные змеи. Увидев, что её яйцо разбито, птица Рухх так закричала, что люди попадали от страха на землю и уткнулись головами в песок. Птица выпустила свою добычу из когтей, покружила в воздухе и скрылась из виду. Купцы и матросы поднялись на ноги и побежали к морю. Они подняли якорь, распустили паруса и поплыли как можно быстрее, чтобы спастись от страшной птицы Рухх.

Чудовищной птицы не было видно, и путники начали было уже успокаиваться, но вдруг опять послышалось хлопанье крыльев, и вдали показалась птица Рухх, но уже не одна. С ней летела другая такая же птица, ещё больше и страшней первой. Это был Рухх-самец. Каждая птица несла в когтях огромный камень — целую скалу.

Товарищи Синдбада забегали по палубе, не зная, куда укрыться от разъяренных птиц. Некоторые легли на палубу, другие спрятались за мачты, а капитан неподвижно застыл на месте, подняв руки к небу. Он до того испугался, что не мог шевельнуться.

Вдруг раздался страшный удар, точно выстрел из самой большой пушки, и по морю заходили волны. Это одна из птиц бросила камень, но промахнулась. Увидя это, второй Рухх громко закричал и над самым кораблем выпустил из когтей свой камень. Камень упал на корму. Корабль жалобно затрещал, накренился, снова выпрямился, подброшенный волной, и стал тонуть. Волны залили палубу и унесли всех купцов и матросов. Спасся один Синдбад. Он ухватился за корабельную доску и, когда волны улеглись, взобрался на неё.

Два дня и три ночи носился Синдбад по морю, и наконец на третий день волны прибили его к неведомой земле. Синдбад выбрался на берег и огляделся.

Ему показáлось, что он не на о́строве, среди мóря, а до́ма, в Багда́де, в своём чуде́сном саду́. Но́ги его сту́пали по мя́гкой зеле́ной траве́, усéянной пёстрыми цве́тами. Вётки дере́вьев гну́лись от тяжести плодо́в. Кру́глые сверка́ющие апельси́ны, души́стые лимо́ны, грана́ты, гру́ши, я́блоки как бу́дто са́ми проси́лись в рот. Ма́ленькие пёстрые пт́ицы с гро́мким щебетáньем кружи́лись в во́здухе. По́дле бы́стрых, блестя́щих, как серебро́, ручьёв пры́гали и игра́ли газели. Онí не испугáлись Синдба́да, потому́ что никогда́ не ви́дели люде́й и не зна́ли, что их ну́жно боя́ться.

Синдба́д так уста́л, что ёле стоя́л на нога́х. Он напи́лся воды́ из ручья́, лёг под дере́во и сорва́л с вётки большо́е я́блоко, но не успе́л да́же откуси́ть от него́ ни кусо́чка, а так и засну́л, держа́ я́блоко в руке́.

Когда́ он просну́лся, со́лнце о́пять стоя́ло высоко́ и пт́ицы так же вёсело щебетáли на дере́вьях: Синдба́д проспáл весь день и всю ночь. То́лько тепе́рь он почув́ствовал, как ему́ хо́чется есть, и с жа́дностью набро́сился на плоды́.

Подкре́пившись немно́го, он подня́лся и поше́л по бе́регу. Ему́ хоте́лось посмотре́ть э́ту чуде́сную зе́млю, и он наде́ялся встрéтить люде́й, кото́рые приве́дут его́ в како́й-нибудь го́род.

До́лго гуля́л Синдба́д по бе́регу, но не уви́дел ни одно́го челове́ка. Наконéц он реши́л немно́го отдохну́ть и сверну́л в небольшо́й лесо́к, где бы́ло прохлáднее.

И вдруг он ви́дит — под дере́вом, у ручья́, сиди́т ма́ленький челове́к с дли́нной волни́стой седо́й боро́дой, одéтый в руба́ху из ли́стьев и подпоя́санный тра́вой. Э́тот старичо́к сидéл у са́мой воды́, поджа́в но́ги, и жа́лобно смотре́л на Синдба́да.

— Мир гебе́, о старик! — сказа́л Синдба́д. — Кто ты и что э́то за о́стров? Почему́ ты сиди́шь оди́н у э́того ручья́?

Старик не отве́тил Синдба́ду ни одно́го сло́ва, но показáл ему́ зна́ками: «Перенеси́ меня́ че́рез ручей».

Синдба́д подумал: «Если я перенесу́ его́ че́рез руче́й, мне не бу́дет от э́того ниче́го пло́хого, а сде́лать до́брое де́ло нико́гда не меша́ет. Мо́жет быть, ста́рик мне пока́жет, как найт́и на о́строве люде́й, кото́рые помо́гут мне доба́ться до Багда́да».

И он подошёл к старику́, посади́л его́ себе́ на плечи́ и перене́с че́рез руче́й.

На друго́м бере́гу́ Синдба́д опусти́лся на ко́лени́ и сказа́л старику́:

— Слезай́, мы уже́ пришл́и.

Но ста́рик то́лько крѣпче́ уцепи́лся за него́ и обхвати́л нога́ми его́ шею́.

— До́лго ты ещё́ бу́дешь сиде́ть у меня́ на плеча́х, скве́рный ста́рик? — закрича́л Синдба́д и хоте́л сброси́ть стари́ка на зе́млю.

И вдруг ста́рик грѣ́мко засмея́лся и так сжал нога́ми шею́ Синдба́да, что тот чу́ть не задохну́лся.

— Го́ре мне! — восклицну́л Синдба́д. — Я убежа́л от людо́еда, перехитри́л зме́я и заста́вил Ру́хха нести́ себя́, а тепе́рь мне само́му́ приде́тся носи́ть э́того скве́рного стари́ка! Пусть то́лько он засне́т, я сейча́с же утоплю́ его́ в мо́ре! А до ве́чера недѣ́лго жда́ть.

Но наступи́л ве́чер, а ста́рик и не ду́мал слеза́ть с ше́и Синдба́да. Он так и засну́л у него́ на плеча́х и то́лько немно́го разжа́л но́ги. А когда́ Синдба́д попра́бовал тихонько́ спихну́ть его́ со сво́ей спи́ны, ста́рик заворча́л во сне́ и бо́льно уда́рил Синдба́да пя́тками. Но́ги бы́ли у него́ то́нкие и дли́нные, как плѣ́ти.

И преврати́лся несча́стный Синдба́д в вы́чного верблѹ́да.

Цѣ́лыми дня́ми приходи́лось ему́ бе́гать со стари́ком на спи́не от одно́го де́рева к друго́му и от ручья́ к ручью́. Если он шѣ́л ти́ше, ста́рик жестѣ́око бил его́ пя́тками по бока́м и сжима́л ему́ ко́лени́ми шею́.

Так прошлѣ́ мно́го вре́мени — ме́сяц и́ли бо́льше. И вот одна́жды в по́лдень, когда́ со́лнце о́собо́нно си́льно пеклѣ́, ста́рик крѣ́пко засну́л на плеча́х Синдба́да, и Синдба́д реши́л отдохну́ть где́-нибу́дь под де́-

ревом. Он стал искать тенистого места и вышел на полянку, на которой росло много больших тыкв; некоторые из них были сухие. Синдбад очень обрадовался, когда увидел тыквы.

«Они мне, наверно, пригодятся, — подумал он. — Может быть, они даже помогут мне сбросить с себя этого жестокого старика».

Он сейчас же выбрал несколько тыкв побольше и выдолбил их острой палочкой. Потом он набрал самого спелого винограда, наполнил им тыквы и плотно закупорил их листьями. Он выставил тыквы на солнце и ушёл с полянки, таща на себе старика. Три дня не возвращался он на полянку. На четвертый день Синдбад снова пришёл к своим тыквам (старик, как и в тот раз, спал у него на плечах) и вынул пробки, которыми заткнул тыквы. В нос ему ударил крепкий запах: виноград стал бродить и его сок превратился в вино. Этого только и нужно было Синдбаду. Он осторожно вынул виноград и выжал из него сок прямо в тыквы, а потом снова закупорил их и поставил в тень. Теперь надо было подождать, когда проснётся старик.

Никогда Синдбаду так не хотелось, чтобы он проснулся поскорее. Наконец старик начал ёрзать на плечах Синдбада и ударил его ногой. Тогда Синдбад взял самую большую тыкву, откупорил её и отпил немного.

Вино было крепкое и сладкое. Синдбад прищёлкнул языком от удовольствия и начал плясать на одном месте, встряхивая старика. А старик увидел, что Синдбад напился чего-то вкусного, и ему тоже захотелось попробовать. «Дай и мне», — знаками показал он Синдбаду.

Синдбад подал ему тыкву, и старик одним духом выпил из неё весь сок. Он никогда раньше не пробовал вина, и оно ему очень понравилось. Скоро он начал петь и смеяться, захлопал в ладоши и застучал кулаком по шее Синдбада.

Но вот старик стал петь всё тише и тише и наконец крепко заснул, свесив голову на грудь. Его ноги постепенно разжались, и Синдбад легко сбросил его со своей спины. До чего приятно показалось Синдбаду распрямить наконец плечи и выпрямиться!

Синдбад ушёл от старика и целый день бродил по острову. Он прожил на острове ещё много дней и всё ходил вдоль берега моря, высматривая, не покажется ли где-нибудь парус. И наконец он увидел вдали большой корабль, который приближался к острову. Синдбад закричал от радости и принялся бегать взад и вперёд и махать руками, а когда корабль подошёл ближе, Синдбад бросился к воде и поплыл ему навстречу. Капитан корабля заметил Синдбада и велел остановить своё судно. Синдбад, как кошка, вскарабкался на борт и сначала не мог сказать ни одного слова, только обнимал капитана и матросов и плакал от радости. Матросы громко говорили между собой, но Синдбад не понимал их. Среди них не было ни одного араба, и никто из них не говорил по-арабски. Они накормили и одели Синдбада и дали ему место в своей каюте. И Синдбад ехал с ними много дней и ночей, пока корабль не пристал к какому-то городу.

Это был большой город с высокими белыми домами и широкими улицами. Со всех сторон его окружали крутые горы, поросшие густым лесом.

Синдбад вышел на берег и пошёл бродить по городу.

Улицы и площади были полны народом; все люди, которые попадались Синдбаду навстречу, были чернокожие, с белыми зубами и красными губами. На большой площади был главный городской рынок. Там стояло много лавок, в которых торговали, расхваливая свои товары, купцы из всех стран — персы, индийцы, франки¹, турки, китайцы.

Синдбад стоял посреди рынка и смотрел по сторо-

---

¹ Франками арабы называют европейцев.

нам. И вдруг мимо него прошёл человек в халате, с большим белым тюрбаном на голове и остановился у лавки медника. Синдбад внимательно всмотрелся в него и сказал себе:

«У этого человека совсем такой же халат, как у моего приятеля Хаджи-Мухаммеда с Красной улицы, и тюрбан у него свернут по-нашему. Пойду к нему и спрошу, не из Багдада ли он».

А человек в тюрбане тем временем выбрал большой блестящий таз и кувшин с длинным, узким горлышком, отдал за них меднику два золотых динара и пошёл обратно. Когда он поравнялся с Синдбадом, тот низко поклонился ему и сказал:

— Мир тебе, о почтенный купец! Скажи мне, откуда ты родом — не из Багдада ли, Города Мира?

— Привет тебе, земляк! — радостно ответил купец. — По тому, как ты говоришь, я сразу узнал, что ты багдадец. Уже десять лет я живу в этом городе и ни разу до сего дня не слышал арабской речи. Пойдем ко мне и поговорим о Багдаде, о его садах и площадях.

Купец крепко обнял Синдбада и прижал его к груди. Он повел Синдбада к себе домой, напоил и накормил его, и они до вечера проговорили о Багдаде и его диковинах. Синдбаду было так приятно вспомнить родину, что он даже не спросил багдадца, как его зовут и как называется город, в котором он теперь находится. А когда стало темнеть, багдадец сказал Синдбаду:

— О земляк, я хочу спасти тебе жизнь и сделать тебя богатым. Слушай же меня внимательно и делай все, что я тебе скажу. Знай, что этот город называется Городом Черных и все жители его — зинджи¹. Они живут в своих домах только днем, а вечером садятся в лодки и выезжают в море. Как только наступает ночь, в город приходят из леса обезьяны и если

¹ З и н д ж и — арабское название негров.

встрѣчают на улице людей, то убивают их. А утром обезьяны снова уходят, и зинджи возвращаются. Скоро станет совсем темно, и обезьяны придут в город. Садись же со мной в лодку, и поедем, иначе обезьяны тебя убьют.

— Спасибо тебе, земляк! — воскликнул Синдбад. — Скажи мне, как твоё имя, чтобы я знал, кто оказал мне милость.

— Меня зовут Мансур Плосконосый, — ответил багдадец. — Идём скорей, если ты не хочешь попасть в лапы обезьянам.

Синдбад и Мансур вышли из дому и пошли к морю. Все улицы были полны народа. Мужчины, женщины и дети бежали к пристани, торопясь, спотыкаясь и падая.

Придя в гавань, Мансур отвязал свою лодку и вскочил в неё вместе с Синдбадом. Они отъехали немало от берега, и Мансур сказал:

— Сейчас в город войдут обезьяны. Смотри!

И вдруг горы, окружавшие Город Чёрных, покрылись движущимися огоньками. Огоньки катились сверху вниз и становились всё больше и больше. Наконец они совсем приблизились к городу, и на большой площади появились обезьяны, которые несли в передних лапах факелы, освещая путь.

Обезьяны рассыпались по рынку, сели в лавках и начали торговать. Одни продавали, другие покупали. В харчевнях обезьяны-повара жарили баранов, варили рис и пекли хлеб. Покупатели, тоже обезьяны, примеряли одежду, выбирали посуду, материю, ссорились и дрались между собой. Так продолжалось до рассвета; когда небо на востоке стало светлеть, обезьяны построились в ряды и ушли из города, а жители вернулись в свои дома.

Мансур Плосконосый привёл Синдбада к себе домой и сказал ему:

— Я уже долго живу в Городе Чёрных и стосковался по родине. Скоро мы с тобой отправимся в Баг-

дад, но сначала тебе нужно нажить побольше денег, чтобы не стыдно было вернуться домой. Слушай же, что я тебе скажу. Горы вокруг Города Чёрных покрыты лесом. В этом лесу много пальм с прекрасными кокосовыми орехами. Зинджи очень любят эти орехи и готовы отдать за каждый из них много золота и драгоценных камней. Но пальмы в лесу такие высокие, что ни один человек не может достать орехи, и никто не знает способа, как их раздобыть. А я научу тебя. Завтра мы пойдём в лес, и ты вернёшься оттуда богачом.

На следующее утро, как только обезьяны ушли из города, Мансур вынес из кладовой два больших тяжёлых мешка, взвалил один из них на плечи, а другой велел нести Синдбаду и сказал:

— Ступай за мной и смотри, что я буду делать. Делай то же самое, и у тебя будет больше орехов, чем у кого-либо из жителей этого города.

Синдбад с Мансуром пошли в лес и шли очень долго, час или два. Наконец они остановились перед большой пальмовой рощей. Здесь было множество обезьян. Увидев людей, они вскарабкались на верхушки деревьев, свирепо оскалили зубы и громко заворчали. Синдбад сначала испугался и хотел бежать, но Мансур остановил его и сказал:

— Развяжи твой мешок и посмотри, что там есть.

Синдбад развязал мешок и увидел, что он полон круглых, гладких камешков — голышей. Мансур тоже развязал свой мешок, вынул из него горсть камешков и бросил ими в обезьян. Обезьяны закричали ещё громче, принялись прыгать с одной пальмы на другую, стараясь укрыться от камней. Но куда бы они ни убежали, камни Мансура везде доставали их. Тогда обезьяны стали срывать с пальм орехи и бросать их в Синдбада и Мансура. Мансур с Синдбадом бегали между пальмами, ложились, приседали, прятались за стволами, и только один или два ореха, брошенных обезьянами, попали в цель.

Скоро вся земля вокруг них покрылась большими, отборными орехами. Когда в мешках не осталось больше камней, Мансур и Синдбад наполнили их орехами и вернулись в город. Они продали орехи на рынке и получили за них столько золота и драгоценностей, что едва принесли их домой.

На следующий день они опять пошли в лес и снова набрали столько же орехов. Так они ходили в лес десять дней.

Наконец, когда все кладовые в доме Мансура были полны и золото некуда было класть, Мансур сказал Синдбаду:

— Теперь мы можем нанять корабль и отправиться в Багдад.

Они пошли к морю, выбрали самый большой корабль, наполнили его трюм золотом и драгоценностями и поплыли. На этот раз ветер был попутный и никакая беда не задержала их.

Они прибыли в Басру, наняли караван верблюдов, навьючили их драгоценностями и отправились в Багдад.

Жена и родные радостно встретили Синдбада. Синдбад роздал друзьям и приятелям много золота и драгоценных камней и спокойно зажил в своём доме. Снова, как прежде, стали приходить к нему купцы и слушать рассказы о том, что он видел и испытывал во время путешествия.

Так окончилось пятое путешествие Синдбада.

Шестое путешествие

Но прошло немного времени, и Синдбаду снова захотелось поехать в чужие страны. Быстро собрался Синдбад и поехал в Басру. Опять выбрал он себе хороший корабль, набрал команду матросов и пустился в путь.

Двадцать дней и двадцать ночей плыл его корабль, подгоняемый попутным ветром. А на двадцать первый день поднялась буря и пошёл сильный дождь, от которого промокли выюки с товарами, сложенные на палубе. Корабль начало бросать из стороны в сторону, как перышко. Синдбад и его спутники очень испугались. Они подошли к капитану и спросили его:

— О капитан, скажи нам, где мы находимся и далеко ли земля?

Капитан корабля затянул пояс потуже, влез на мачту и посмотрел во все стороны. И вдруг он быстро спустился с мачты, сорвал с себя тюрбан и начал громко кричать и плакать.

— О капитан, в чём дело? — спросил его Синдбад.

— Знай, — ответил капитан, — что пришёл наш последний час. Ветер отогнал наш корабль и забросил его в неизвестное море. Ко всякому кораблю, который достигает этого моря, выходит из воды рыба и глотает его со всем, что на нём есть.

Не успел он ещё договорить эти слова, как корабль Синдбада начал подниматься на волнах и опускаться, и путники слышали страшный рев. И вдруг к кораблю подплыла рыба, подобная высокой горе, а за ней другая, ещё больше первой, и третья — такая огромная, что две другие казались перед ней крошечными, и Синдбад перестал понимать, что происходит, и приготовился умереть.

И третья рыба разинула пасть, чтобы проглотить корабль и всех, кто был на нём, но вдруг поднялся сильный ветер, корабль подняло волной, и он понёсся вперёд. Долго мчался корабль, подгоняемый ветром, и наконец налетел на скалистый берег и разбился. Все матросы и купцы попадали в воду и утонули. Только Синдбаду удалось зацепиться за скалу, торчавшую из воды у самого берега, и выбраться на сушу.

Он осмотрелся и увидел, что находится на острове, где было много деревьев, птиц и цветов. Долго бродил Синдбад по острову в поисках пресной воды и наконец увидел небольшой ручеёк, который тек по полянке, заросшей густой травой. Синдбад напился воды из ручья и поел кореньев. Отдохнув немного, он пошёл по течению ручья, и ручей привёл его к большой реке, быстрой и бурливой. На берегах реки росли высокие, развесистые деревья — тек, алёз и сандал.

Синдбад прилёг под деревом и крепко заснул. Проснувшись, он немного подкрепился плодами и кореньями, потом подошёл к реке и стал на берегу, глядя на её быстрое течение.

— У этой реки, — сказал он себе, — должно быть начало и конец. Если я сделаю маленький плот и поплыву на нём по реке, вода, может быть, принесёт меня к какому-нибудь городу.

Он набрал под деревьями толстых сучьев и веток и связал их, а сверху положил несколько досок — обломков кораблей, разбившихся у берега. Таким образом получился отличный плот. Синдбад столкнул плот в реку, стал на него и поплыл. Течение быстро несло плот, и вскоре Синдбад увидел перед собой высокую гору, в которой вода пробила узкий проход. Синдбад хотел остановить плот или повернуть его назад, но вода была сильнее его и втянула плот под гору. Сначала под горой было ещё светло, но чем дальше течение несло плот, тем становилось темнее. Наконец наступил глубокий мрак. Вдруг Синдбад больно ударился головой о камень. Проход делался всё ниже и теснее, и плот терся боками о стены горы. Скоро Синдбаду пришлось стать на колени, потом на четвереньки: плот еле-еле двигался вперёд.

«А вдруг он остановится? — подумал Синдбад. — Что я тогда буду делать под этой тёмной горой?»

Синдбад не чувствовал, что течение всё-таки толкало плот вперёд.

Он лёг на доску лицом вниз и закрыл глаза, — ему казалось, что стены горы вот-вот раздавят его вместе с его плотом.

Долго пролежал он так, каждую минуту ожидая смерти, и наконец заснул, ослабев от волнения и усталости.

Когда он проснулся, было светло и плот стоял неподвижно. Он был привязан к длинной палке, воткнутой в дно реки у самого берега. А на берегу стояла толпа людей. Они указывали на Синдбада пальцами и громко разговаривали между собой на каком-то непонятном языке.

Увидев, что Синдбад проснулся, люди на берегу расступились, и из толпы вышел высокий старик с длинной седой бородой, одетый в дорогой халат. Он приветливо сказал что-то Синдбаду, протягивая ему руку, но Синдбад несколько раз покачал головой в знак того, что не понимает, и сказал:

— Что вы за люди и как называется ваша страна?

Тут все на берегу закричали: «Араб, араб!», и другой старик, одетый ещё наряднее первого, подошёл почти к самой воде и сказал Синдбаду на чистом арабском языке:

— Мир тебе, чужеземец! Кто ты будешь и откуда ты пришёл? По какой причине ты прибыл к нам и как нашёл дорогу?

— А вы сами кто такие и что это за земля?

— О брат мой, — ответил старик, — мы мирные землевладельцы. Мы пришли за водой, чтобы полить наши посевы, и увидели, что ты спишь на плоту, и тогда мы поймали твой плот и привязали его у нашего берега. Скажи мне, откуда ты и зачем ты к нам приплыл?

— О господин, — ответил Синдбад, — прошу тебя, дай мне поесть и напои меня, а потом спрашивай о чём хочешь.

— Пойдём со мной в мой дом, — сказал старик.

Он отвёл Синдбада к себе домой, накормил его, и

Синдбад прожил у него несколько дней. И вот как-то утром старик сказал ему:

— О брат мой, не хочешь ли ты пойти со мной на берег реки и продать свой товар?

«А какой у меня товар?» — подумал Синдбад, но всё-таки решил пойти со стариком на реку.

— Мы снесём твой товар на рынок, — продолжал старик, — и если тебе дадут за него хорошую цену, ты его продашь, а если нет — оставишь себе.

— Ладно, — сказал Синдбад и пошёл за стариком.

Придя на берег реки, он взглянул на то место, где был привязан его плот, и увидел, что плота нет.

— Где мой плот, на котором я приплыл к вам? — спросил он старика.

— Вот, — ответил старик и указал пальцем на кучу палок, сваленных на берегу. — Это и есть твой товар, и дороже его нет ничего в наших странах. Знай, что твой плот был связан из кусков драгоценного дерева.

— А как же я вернусь отсюда на родину, в Багдад, если у меня не будет плота? — сказал Синдбад. — Нет, я не продам его.

— О друг мой, — сказал старик, — забудь о Багдаде и о своей родине. Мы не можем отпустить тебя. Если ты вернешься в свою страну, ты расскажешь людям про нашу землю, и они придут и покорят нас. Не думай же о том, чтобы уехать. Живи у нас и будь нашим гостем, пока не умрешь, а твой плот мы с тобой продадим на рынке, и за него дадут столько пищи, что тебе хватит на всю жизнь.

И бедный Синдбад оказался на острове пленником. Он продал на рынке сучья, из которых был связан его плот, и получил за них много драгоценных товаров. Но это не радовало Синдбада. Он только и думал о том, как бы вернуться на родину.

Много дней прожил он в городе на острове у старика; немало друзей завелось у него среди жителей

острова. И вот однажды Синдбád вышел из дому погулять и уви́дел, что улицы гóрода опустели. Он не встрéтил ни одногó мужч́ины — тóлько дéти и жéнщины попада́лись ему́ на дорóге.

Синдбád остано́вил одногó ма́льчика и спроси́л его́:

— Куда́ пропа́ли все мужч́ины, кото́рые живу́т в гóроде? Или у вас война́?

— Нет, — отве́тил ма́льчик, — у нас не война́. Ра́зве ты не зна́ешь, что у всех больш́их мужч́ин на на́шем óстрове ка́ждый год выраста́ют кры́лья и они́ улетáют с óстрова? А че́рез шесть дней они́ возвра́щаются, и кры́лья у них отпада́ют.

И пра́вда, че́рез шесть дней все мужч́ины о́пять верну́лись, и жизнь в гóроде пошла́ по-пре́жнему.

Синдба́ду тóже óчень захотéлось полетáть по вóздуху. Когда́ прошло́ ещё́ одинна́дцать ме́сяцев, Синдба́д реши́л попроси́ть когó-нибу́дь из сво́их прия́телей взять его́ с собо́й. Но ско́лько он ни проси́л, никто́ не соглаша́лся. Тóлько его́ лу́чший друг, ме́дник с гла́вного городско́го ры́нка, наконéц реши́л испо́лнить про́сьбу Синдба́да и сказа́л ему́:

— В конце́ э́того ме́сяца приходи́ к горе́ óколо городски́х воро́т. Я бу́ду ждать тебя́ у э́той горы́ и возьму́ тебя́ с собо́й.

В назна́ченный день Синдба́д ра́но поутру́ пришёл на́ гору. Ме́дник уже́ ждал его́ там. Вме́сто рук у него́ бы́ли широ́кие кры́лья из блестящих бе́лых пёрьев.

Он велéл Синдба́ду сесть к нему́ на́ спину́ и сказа́л:

— Сейча́с я полечу́ с тобо́й над зéмлями, гора́ми и моря́ми. Но по́мни усло́вие, кото́рое я тебе́ скажу́: пока́ мы бу́дем летáть — молчи́ и не произноси́ ни одногó сло́ва. Если ты раскрóешь рот, мы óба поги́бнем.

— Хорошó, — сказа́л Синдба́д. — Я бу́ду молча́ть.

Он взобра́лся ме́днику на плéчи, и тот распахну́л

крылья и взлетел высоко в воздух. Долго летал он, поднимаясь все выше и выше, и земля внизу казалась Синдбаду не больше чашки, брошенной в море.

И Синдбад не мог удержаться и воскликнул:

— Вот чудо!

Не успел он произнести эти слова, как крылья человека-птицы бессильно повисли и он начал медленно падать вниз.

На счастье Синдбада, они в это время как раз пролетали над какой-то большой рекой. Поэтому Синдбад не разбился, а только ушибся о воду. Зато меднику, его приятелю, пришлось плохо. Перья на его крыльях намочили, и он камнем пошел ко дну.

Синдбаду удалось доплыть до берега и выйти на сушу. Он снял с себя мокрую одежду, выжал ее и осмотрелся, не зная, в каком месте земли он находится. И вдруг из-за камня, лежавшего на дороге, выползла змея, державшая в пасти человека с длинной седой бородой. Этот человек махал руками и громко кричал:

— Спасите! Тому, кто спасет меня, я отдам половину моего богатства!

Недолго думая Синдбад поднял с земли тяжелый камень и бросил его в змею. Камень перешел змею пополам, и она выпустила из пасти свою жертву. Человек подбежал к Синдбаду и воскликнул, плача от радости:

— Кто ты, о добрый чужеземец? Скажи мне, как твоё имя, чтобы мои дети знали, кто спас их отца.

— Моё имя — Синдбад-Мореход, — ответил Синдбад. — А ты? Как тебя зовут и в какой земле мы находимся?

— Меня зовут Хасан-ювелир, — ответил человек. — Мы находимся в земле Египетской, недалеко от славного города Каира, а эта река — Нил. Пойдем ко мне в дом, я хочу наградить тебя за твоё доброе дело. Я подарю тебе половину моих товаров и денег, а это немало, так как я уже пятьдесят лет торгую на

главном рынке и давно состою старшиной кайрских купцов.

Хасан-ювелир сдержал слово и отдал Синдбаду половину своих денег и товаров. Другие ювелиры тоже хотели наградить Синдбада за то, что он спас их старшину, и у Синдбада оказалось столько денег и драгоценностей, сколько у него никогда еще не бывало. Он купил самых лучших египетских товаров, нагрузил все свои богатства на верблюдов и вышел из Каира в Багдад.

После долгого пути он вернулся в свой родной город, где его уже не надеялись увидеть живым.

Жена и приятели Синдбада подсчитали, сколько лет он путешествовал, и оказалось — двадцать семь лет.

— Довольно тебе ездить по чужим странам, — сказала Синдбаду его жена. — Оставайся с нами и не уезжай больше.

Все так уговаривали Синдбада, что он наконец согласился и дал клятву больше не путешествовать. Долго еще ходили к нему багдадские купцы слушать рассказы о его удивительных приключениях, и он жил счастливо, пока не пришла к нему смерть.

Вот все, что дошло до нас о путешествиях Синдбада-Морехода.

СОДЕРЖАНИЕ

<i>Вступление</i>	5
АЛАДДИН И ВОЛШЕБНАЯ ЛАМПА	9
АЛИ-БАБА И СОРОК РАЗБОЙНИКОВ	36
СКАЗКА О РЫБАКЕ	59
СКАЗКА ОБ ОДНОГЛАЗОМ ЦАРЕВИЧЕ	96
СИНДБАД-МОРЕХОД	111

Д Л Я   Н А Ч А Л Ь Н О Й   Ш К О Л Ы

Т Ы С Я Ч А   И   О Д Н А   Н О Ч Ь

С к а з к и

Ответственный редактор *М. И. Сальникова*. Художественный редактор *Н. Э. Левинская*. Технический редактор *Т. Д. Юрханова*. Корректоры *Л. М. Агафонова* и *В. К. Мирнигоф*. Сдано в набор 29/1 1975 г. Подписано к печати 3/ХII 1975 г. Формат 60×90/16. Бум. типогр. № 2. Усл. печ. л. 10. Уч.-изд. л. 7,33. Тираж 150 000 экз. Заказ № 493. Цена 37 коп. Ордена Трудового Красного Знамени издательство «Детская литература», Москва, Центр, М. Черкасский пер., 1. Калининский полиграфкомбинат детской литературы им. 50-летия СССР Росглаволиграфпрома Госкомиздата Совета Министров РСФСР. Калинин, проспект 50-летия Октября, 46.

Дорогие ребята!

*Нам интересно узнать ваше мнение
об этой книге. Напишите нам по
адресу: Москва, А-47, ул. Горького, 43.
Дом детской книги.*

Т 93   **Тысяча и одна ночь. Арабские сказки. Пересказ
с араб. М. Салье. Худ. Г. Епишин. М., «Дет. лит.»,
1976.**

159 с. с ил. (Школьная б-ка).

В книгу вошли избранные сказки из знаменитого сборника «Тысяча и одна ночь». Читатели давно знают и любят сказки о Синдбаде-Мореходе, об Алладине и волшебной лампе, об Али-Бабе и сорока разбойниках и другие.

ИФ (Араб)

Цена 37 коп.